

История
Общество
Политика
2018
№4(8)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 4(8)
2018

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2018. №4 (8)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 26.12.2018

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2018

© Коллектив авторов, 2018

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 4 (8)
2018

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2018. №4 (8)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 12/26/2018

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2018

© Authors, 2018

Содержание

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- Блохин В.Ф.* Проблемы взаимодействия гражданской и военной цензуры в годы Первой мировой войны (на материалах Минского военного округа) **6**
- Василенко В.В.* Злоупотребления в учреждениях Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на территории губерний Минского военного округа в 1915-1916 гг. **12**
- Грудина А.Д.* Проблема государственной помощи семьям рядовых, находившихся на фронте, на страницах периодической печати (1914–1917 гг.) **20**

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Кузнецов Н.Л.* 13 дней как хронологический стереотип (к проблеме датирования исторических фактов) **32**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Прилуцкий В.В.* Внешняя политика США и попытки создания новых независимых республик и квазигосударственных образований на колонизируемых территориях в конце XVIII – середине XIX вв. **40**
- Сагимбаев А.В.* Подготовка проекта индийской конституции в дискуссиях британской политической элиты (первая половина 1930-х гг.) **48**

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Соловьев Ю.П.* Дворянская благотворительность на Брянской земле в первой половине XIX века **58**
- Федин А.В.* Иезуиты vs. реколлекты: к вопросу о религиозной конкуренции на миссионерных полях Новой Франции XVII века **93**
- Федченко О.Д.* Софоний Рязанец, брянский боярин **106**

РЕЦЕНЗИИ

- Абдуллаев Я.С.* «Его не будет хватать историкам во всем мире». Рецензия на книгу «Историк. Время. Общество»: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / отв. ред. М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017. 624 с. **109**
- Чубур А.А.* О пользе умения читать и пробелах в памяти – исторической и человеческой (о статье Е.Г. Калечиц и А.В. Колосова «В поисках истины. Некоторые страницы истории палеолитоведения в Беларуси» // Каменный век российско-белорусского порубежья. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. Замятинский сборник. вып. 5) **118**
- О сетевом издании «История. Общество. Политика» **150****

Первая мировая война

УДК 94(4)"1914/19"

В.Ф. Блохин

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА)*

Аннотация: в статье раскрываются некоторые из проблем, возникших в период Первой мировой войны в отношениях между военными цензорами и органами общей гражданской цензуры, действовавшими в довоенный период. Автор приходит к выводу, что конфликт был предопределен несовершенством цензурного законодательства, оказавшим отрицательное влияние на эффективность действий военной цензуры в прифронтовых районах.

Ключевые слова: Минский военный округ, военная цензура, периодическая печать, почтовая переписка, цензоры, «Временное положение о военной цензуре».

Blokhin V.F. The problem of the interaction of civilian military censorship during the First World War (based on materials of the Minsk Military District)

Abstract: the article reveals some of the problems that arose in the period of the First World War in relations between military censors and the public censorship apparatus that operated in the pre-war period. The author comes to the conclusion that the conflict was predetermined by the imperfection of censorship legislation, which has a negative impact on the effectiveness of military censorship in the front-line areas.

Keywords: Minsk Military District, military censorship, periodical press, postal correspondence, censors, "Temporary provision on military censorship".

Изучение истории создания и деятельности органов военной цензуры в период Первой мировой войны является важной исследовательской задачей, позволяющей выяснить особенности формирования общественных настроений как на фронте, так и в тылу Русской армии. В исследованиях современных авторов нашли отражение особенности функционирования института военной цензуры применительно к ряду территорий Российской империи [2, 3, 5, 6, 10], но в рамках Минского военного округа и Западного фронта, в пределах которого он функционировал, эти вопросы не рассматривались. Начало освещения этой информационно-объемной проблемы является основной целью данной публикации.

Согласно статье 26 «Временного положения о военной цензуре», утвержденного Николаем II на следующий день после начала войны, 20 июля 1914 г., главная комиссия в пределах фронта находилась в штабе главнокомандующего армиями. Местные военно-цензурные комиссии были сформированы в штабах армий и при штабе Минского военного округа.

Особенностью деятельности цензоров в пределах армий Западного фронта являлся контроль за перепиской в местности, составлявшей армейские районы, которые регулярно изменялись по мере трансформации линии фронта. На момент завершения формирования этой

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-21-01010-ОГН.

системы деятельность войсковой цензуры отличалась значительной степенью конкретности: все цензоры являлись офицерами, а их работа заключалась преимущественно в просмотре переписки, направляемой из армии и в армию. Организационные трудности проявлялись в том, что штабам армий подчинялись и местные, находившиеся на этой территории гражданские чиновники или жандармские офицеры, которые помимо цензурирования переписки осуществляли также надзор за периодическими изданиями, типографиями и другими заведениями, связанными с печатью. Таким образом, состав цензоров, характер их работы отличался от служебных обязанностей, выполняемых офицерами в штабах армий, что усложняло возможности достижения оптимального единства действий.

Не способствовала этому единству и разница в принципах оценки рассматриваемого цензурного материала. Как и в прежние времена, «цензурный карандаш местного чиновника трудился не только над жизненно-современными статьями, но и над материалами, казалось бы, весьма нейтральными» [4, с. 28], офицеры же цензурных отделений видели свое главное предназначение в сохранении военной тайны. Между тем статьи 38 и 39 «Временного положения о военной цензуре» были посвящены проблеме цензуры печати, распространяемой в районе военных действий. Статья 38 гласила: «Издавания, вышедшие в свет вне театра военных действий, допускаются к обращению лишь с разрешения местного военного цензора». Статья 39 дополняла смысл предшествующей: «Если в упомянутых в предыдущей статье изданиях будут содержаться сведения, разглашение коих будет признано военным цензором опасным для военных интересов государства, содержащие такого рода сведения статьи и рисунки вырезаются или заштемпелёвываются» [11].

Однако на практике в большинстве случаев реализация этих статей «Временного положения» происходила по иному сценарию. Изъятие в армейском районе номера газеты, в котором было помещено что-либо, по мнению цензуры штаба армии или округа, недопустимое, чаще всего не представлялось возможным, поскольку издания поступали в войска, минуя штаб армии и одновременно с ним. Газеты ждали в окопах, они являлись одним из средств связи с тылом, с мирной жизнью, информировали об общей обстановке на различных фронтах войны, поэтому дополнительная задержка прессы по цензурным соображениям, а периодическая печать и так «запаздывала» в условиях военных действий, была крайне нежелательна. Одним из вариантов решения этих проблем явилось издание специальных фронтовых газет. Первой из них стал «Армейский вестник» при штабе Юго-Западного фронта. «Начальник Цензурного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта полковник Б.В. Геруа, по чьей инициативе появился армейский печатный орган, считал, что газета «должна была связать войска с тылом и Россией, давать ориентировку в общей политической и военной обстановке, <...> развлекать» [1, с. 8].

В отношении же изданий, которые приходили, к примеру, из столицы зачастую возникали ситуации, описанные в одном из донесений: «Так, например, недавно в "Новом времени" появилась заметка об освобождении австрийцами 1000 наших военнопленных поляков. Цензурное отделение считало необходимым задержать распространение этого номера, но так как штаб армии получает газеты одновременно, а иногда и позже войск, то всякое распоряжение оказывалось бы запоздалым значительно. Распоряжение же штаба фронта по тому же поводу, полученное много позднее» [9, л. 304]. К этой проблеме добавлялась еще одна, о которой уже было сказано: «...младшие офицеры, из числа коих комплектуется большинство цензоров, вряд ли достаточно компетентны для оценки с общеполитической точки зрения статей, докладов и пр. Во избежание излишних нареканий было бы желательно определить, какие именно военно-цензурные органы имеют право воспрещать такого рода статьи, доклады» [9, л. 304].

Первоначальная цель объединения военных цензоров с гражданскими сводилась к созданию условий для единства их деятельности в армейском районе, следованию общим инструкциям, но реальная практика дала противоположные результаты и сами военные констатировали, что если, например, от штаба округа ввести какие-либо особые правила для цензуры, «то это только внесет беспорядок в работу местных цензоров, привыкших руководиться заранее иными указаниями» [9, л. 303].

Более того в существовавшей на тот момент практике штабы армий никто не ставил в известность о действовавших в их районе почтово-телеграфных конторах с гражданскими служащими, а «при маневрировании армии армейские районы изменяются очень скоро, связь штаба армии, не совпадающая с оперативной связью, очень шатка, а потому местные цензорá будут затруднены в получении руководящих указаний, что неизбежно отразится на их работе, раз они не будут знать, что они вышли из прежнего подчинения и включились в район ведения штаба какой-нибудь армии» [9, л. 303]. Вместо задуманного единства зачастую возникали серьезные разногласия, а главное – была создана лишняя руководящая инстанция, не способствовавшая решению возникавших проблем, но требовавшая дополнительных согласований.

В конце 1914 г. распоряжения, исходившие от штаба Минского военного округа, были связаны с контролем за информацией военного характера, но в их содержание все чаще «вкраплялись» и политические общегосударственные проблемы. Так, в пунктах 19 и 20 «Правил организации и осуществления военной цензуры в пределах Западного фронта» отмечались вопросы, которые требовали особого внимания с военной точки зрения. В почтовой и телеграфной корреспонденции не должны были указываться места расположения армии и их частей, рассказываться о передвижении, боевых действиях. Нельзя было раскрывать данные о численном и командном составе, о снаряжении, вооружении и даже о снабжении войск. Обнаруженные сообщения из действующей армии для периодической печати можно было пропускать только при наличии на них разрешительных надписей штабов армий или фронтов. Инструкция требовала также контроля за корреспонденцией фирмы «Зингер» и её агентов, вероятно, из-за опасений передачи сведений шпионского характера. Наряду с этими практически чисто военными задачами присутствовало и требование держать под особым контролем отправления, адресуемые в фабричные и промышленные районы, а также получаемые из этих мест.

Внимание цензоров обращалось на письма от российских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, в которых не просто говорилось о здоровье, но положительно оценивалась жизнь в плену. Такие письма подлежали немедленному изъятию. Еще одной проблемой были отправления из госпиталей от раненых, в которых часто встречались запрещенные к оглашению сведения. В каждом почтовом учреждении у военных цензоров также должны были находиться «списки лиц, корреспонденция коих должна обязательно подвергаться цензуре и задержанию. Списки эти сообщаются военным цензорам, секретным порядком, подлежащими штабами армий и местной военно-цензурной комиссией, должны храниться секретно» [8, л. 123 об.].

Постепенно соотношение между чисто военными вопросами и контролем со стороны цензоров оценки общественно-политической ситуации как на подконтрольной территории, так и в стране в целом, начало изменяться в сторону расширения последнего. На осуществление этих действий нацеливала инструкция о цензуре на Западном фронте. В ней говорилось о необходимости точно руководствоваться «Временным положением о военной цензуре», а также «Перечнем сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России, оглашение и распространение коих в печати воспрещается» [12], принятым 31 июля

1915 г. В развитие этих законоположений издавались распоряжения штабов фронта, армий и военных округов [8, л. 121 об.]. Кроме того, цензорам предписывалось действовать по собственному усмотрению, а в примечании к статье 11 этих правил дословно указывалось следующее: «Органы военной цензуры обязаны оценивать поступающие на их просмотр сообщения, статьи и конспекты речей и докладов не с одной лишь узко военной точки зрения, а также и с общеполитической, с целью недопущения таких сведений, статей или докладов, содержание коих способствует нарушению нормального хода внутренней жизни государства и этим вредит его военным интересам» [8, л. 121 об.- 122]. В пункте 41 говорилось следующее: «В случае необходимости конфискации номера повременного издания военные цензоры производят таковую через посредство местных гражданских властей, а при отсутствии таковых – через комендантов, донося об этом соответственно в штаб армии или местную военную цензурную комиссию при Минском военном округе» [8, л. 126].

«Собственное усмотрение» цензоров Минского военного округа регулярно подкреплялось циркулярными наставлениями со стороны штаба Западного фронта. В соответствии с ними, подлежали задержанию корреспонденции, предназначенные для газет и не имевшие отметок о том, что они разрешены к опубликованию, а также определенные для печати воспоминания участников военных действий (циркулярная телеграмма штаба фронта от 5 сентября 1914 г. № 402); письма на немецком (циркуляр от 16 июня 1915 г. № 1128) и еврейском (приказание главнокомандующего от 25 июня 1915 г. и циркулярная телеграмма главного начальника снабжений № 5615) языках; денежные переводы и сопроводительные карты к посылкам, написанные на иностранных и инородческих языках (циркулярное сношение штаба фронта от 5 июля 1915 г. за № 1517); обнаруженные в письмах фотографические снимки, если они имели отношение к военным действиям (циркуляр штаба фронта от 29 июля 1915 г. за номерами 1960, 1962 и 1963); сообщения военнопленных о хорошей жизни в неприятельском плену (циркуляр штаба фронта от 11 декабря 1914 г. за № 546); письма религиозного содержания, в которых наряду с искажением священных слов, и постоянным упоминанием святых имен, приводится перечни счастливых и несчастливых дней и указывается на выгоды, ожидающие носящих на себе такие письма (циркуляр штаба фронта № 806, 1915 г.); письма от нижних чинов на родину с советами не производить платежа повинностей (циркуляр 24 января 1915 г. № 789); просьбы от рядовых сообщить строевому начальству о мнимых болезнях или смерти домашних, так как в таких случаях просьбы об отпусках обычно удовлетворяются (циркуляр 8 марта 1915 г. № 8-ц) [8, л. 150-150 об.]. Этот список постоянно дополнялся новыми подробностями, увеличивая нагрузку на военных цензоров, но никогда не уменьшался, несмотря на исчезновение некоторых из проблем, обозначенных в циркулярах. Не обладавшие достаточными навыками и слишком загруженные текущей работой по проверке корреспонденции, цензоры далеко не всегда справлялись с контролем за освещением общеполитических вопросов. Неудовлетворенность получаемых цензурных результатов привела к тому, что в январе 1916 г. от начальника штаба Верховного главнокомандующего были даны дополнительные разъяснения в адрес руководства Западного фронта.

В них шла речь о согласии императора на изменение указаний по военной цензуре, сообщенных 31 июля 1915 г. В телеграмме, направленной на имя командующих фронтами, отмечалось, что военные цензоры при цензуре произведений печати должны руководствоваться исключительно «Перечнем сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России, оглашение и распространение коих в печати воспрещается». По мнению начальника штаба, «военная цензура узко поняла свои задачи и совершенно отстранилась от наблюдения за вопросами, которые хотя и имели, казалось бы, прямое отношение к внутренней политике, но, в сущности, очень живо касались военных интересов государства. Создавшимся положе-

нием воспользовались многие повременные издания, против правительственных целей, внося опасную тревогу в общественное сознание и разжигая политические страсти» [9, л. 45].

По этому поводу 8 декабря 1915 г. председателем Совета министров был подготовлен специальный доклад царю. Результатом явилось поручение согласовать действия штаба Верховного главнокомандующего и Министерства внутренних дел с целью изменения сложившейся практики, «дабы не допускать опубликования таких статей и сведений, суждений и сообщений, которые могли бы идти во вред доверия к правительству и сохранению общественного единения и воодушевления пред лицом вторгнувшихся в Россию вражеских полчищ, т. е. во вред военным интересам государства в самом широком смысле этого слова» [9, л. 45 об.].

Предполагалось, что Министерство внутренних дел будет сообщать штабу Верховного главнокомандующего, который ведал военной цензурой на всем театре военных действий, необходимые распоряжения, а обязанности военных цензоров предусматривалось также возложить, прежде всего, на местных должностных лиц, следивших за содержанием печатных произведений, и гражданских чинов почтово-телеграфных контор.

Министр внутренних дел предлагал также для усиления военной цензуры ввести в состав комитетов по делам печати и почтово-телеграфных учреждений чиновников из своего ведомства. «Чины Министерства внутренних дел, кроме того, должны входить в состав всех военно-цензурных комиссий, согласно штатам» [9, л. 45 об.]. Таким образом, позиции Министерства внутренних дел в вопросах военной цензуры, к неудовольствию военных властей, заметно усиливались.

Ко всему прочему армейские начальники фактически были обвинены в неспособности самостоятельно решать цензурные проблемы, возникавшие в районах их действий. На военных цензоров возлагалась обязанность запрещать публиковать в печати статьи по тем вопросам внутренней политики, которые признавались теперь именно Министерством внутренних дел вредными для общегосударственных интересов, умалявшими авторитет правительственной власти [7, л. 39-39 об.].

Так, в Петрограде распоряжения министра внутренних дел передавались по телефону помощнику начальника Петроградского военного округа, а тот, опять же по телефону, председателю военно-цензурной комиссии или непосредственно старшему военному цензору при Петроградском комитете по делам печати. Такой порядок вызвал резкую критику со стороны Главнокомандующего армиями Северного фронта Н.В. Рузского, который полагал, что подобный способ приведения в исполнение распоряжений легко может обусловить ошибки, недоразумения и, наконец, «несвоевременное осведомление высших военных начальников, непосредственно ответственных за действия военно-цензурных установлений» [7, л. 39 об.-40]. Действительно, передача таким оперативным способом при помощи телефонограмм от Министерства внутренних дел сведений, подлежащих запрету в печати, в определенном смысле снимало ответственность с министра, который всегда мог сослаться на неверное толкование его распоряжений, если они вызывали нежелательный общественный резонанс.

С другой стороны тем самым нарушалась принятая в армии система соподчинений, предусматривавшая обращение начальника округа в штаб фронта, на котором, «согласно закона, лежит ведение делами военной цензуры в районе армий фронта» [7, л. 40]. Поэтому Н.В. Рузский предлагал Министерству внутренних дел сообщать письменно о запрещении статей в печати начальнику округа, который в дальнейшем будет передавать эти сведения в штаб фронта. Все сказанное распространялось и на штаб Минского военного округа.

Таким образом, «Временное положение о военной цензуре» 20 июля 1914 г. не обеспечило оптимальное руководство системой военной цензуры, из-за чего на практике потребо-

валось большое количество специальных циркуляров, рассылаемых военным цензорам как из Главного управления по делам печати, так и из фронтовых и окружных штабов. Недостатки правового регулирования деятельности военной цензуры дополнялись на местах конфликтом военных цензоров и органов общей гражданской цензуры, действовавшей до войны. Как уже отмечалось, военное ведомство по факту явилось в прифронтовых районах лишней инстанцией для местных цензоров, которые в свою очередь не вполне разбирались в тонкостях тех проблем, гласность которых штабы фронтов, армий и округов не допускали в переписке военнослужащих и в публикациях периодической печати. Возникшие разногласия постепенно переросли в противостояние в вопросах цензуры высшего военного руководства и Министерства внутренних дел, внося дополнительные сложности в решение проблемы единства действий военных и гражданских властей в условиях войны.

Библиографический список

1. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
2. Белобородова (Строева) А.А. Защита государственной тайны в Российской империи: деятельность военной цензуры в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 16-20.
3. Белобородова (Строева) А.А. Цензура в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Курск, 2009. 186 с.
4. Блохин В.Ф. «Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 20-31.
5. Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольный») // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб., 2017. С. 169-186.
6. Кириєнко О. Військова цензура тилових губерній Київського військового округу (1914–1917) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 182-192.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп.1. Ед. хр. 1589.
8. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Ед. хр. 896.
9. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Ед. хр. 897.
10. Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. № 1. 2008. С. 71-85.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства: Отдел I. Пг., 1914. № 192. Ст. 2057.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства: Отдел I. Пг., 1915. № 220. Ст. 1710.

Сведения об авторе:

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: blohin.val@yandex.ru

УДК 94(4)"1914/19"+32.019.5

В. В. Василенко

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА И ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГУБЕРНИЙ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1915 – 1916 ГГ.¹

Аннотация: в статье рассматриваются негативные явления в деятельности учреждений Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в Минской и Могилёвской губерниях во время Первой мировой войны. Выявлены факты необдуманных и бесконтрольных трат финансовых средств на персонал в учреждениях организаций, халатное отношение к своим обязанностям, безделье и воровство со стороны служащих, бесхозяйственность, использование службы в учреждениях и документов с целью уклонения от службы в армии.

Ключевые слова: Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, злоупотребления, бесхозяйственность, воровство, финансовые растраты, безделье, уклонение от службы в армии.

V. V. Vasilenko. Abuses in the institutions of the all-russian zemstvo union and the all-russian union of cities on the territory of the provinces of the Minsk military district in 1915-1916

Abstract: the article discusses the negative phenomena in the activities of the institutions of the All-Russian Zemstvo Union and the All-Russian Union of Cities in the Minsk and Mogilyov gubernias during the First World War. The facts of rash and uncontrolled spending of financial resources on personnel in institutions of organizations, negligence of their duties, idleness and theft by employees, mismanagement, use of service in institutions and documents with the aim of evading military service.

Keywords: All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Cities, abuses, mismanagement, theft, financial embezzlement, idleness, evasion of military service.

Летом 1914 г. либеральная земская и городская общественность создали Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ) – организации для оказания санитарно-медицинской помощи армии. Союзы быстро организовали и отправили на фронт передовые врачебно-питательные отряды, санитарно-гигиенические, дезинфекционные отряды, санитарные поезда для эвакуации больных и раненых военных с фронта.

В тылу и на фронте была создана сеть медицинских учреждений для лечения больных и раненых. ВЗС и ВСГ для обслуживания потребностей военных открыли сотни пунктов для питания, чайных, лавок для солдат, строительных и ремонтных отрядов, бань, прачечных, складов с вещами, предназначенных для снабжения учреждений, солдат и офицеров предметами быта. У союзов их было несколько тысяч.

Организация и содержание такого количества учреждений требовала больших финансовых затрат. Силами земств и городов собирались средства для работы союзов, но это были небольшие деньги. Львиную долю финансирования организации получали от государства. За период с августа 1914 г. по январь 1916 г. только от Совета министров ВЗС получил 142 млн 460 тыс. рублей, а ВСГ – 60 млн 840 тыс. рублей [6, с. 122]. Среднемесячный расход средств, например ВЗС, составлял около 60 миллионов рублей, смета расходов Комитета западного фронта (КЗФ) в месяц была 10 миллионов рублей [17, с. 267].

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках совместного проекта БРФФИ-РФФИ "Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915-1917 гг.)", договор № Г17Р-070 (№ госрегистрации 20170951)".

Развернув масштабную деятельность, союзы тратили большие средства, а служащие организаций получали большие оклады, другие виды доплат и хорошее материальное содержание. Простой российский обыватель в тяжелых экономических условиях военного времени не имел возможности так зарабатывать. Поэтому со стороны в адрес ВЗС и ВСГ постоянно звучала критика в щедром финансировании организаций и обвинения в необдуманных тратах денег их учреждениями и служащими.

Так, в записке, поданной на имя царя Николая II, выказывалось недовольство транжирством и расточительством в ВЗС и ВСГ: «...последние установили для своих учреждений бесконечные штаты, кошмарные сметы и безумно разорительные для страны оклады содержания, подъёмные, суточные и разъездные. Агенты "общественных" организаций сами удивлялись баснословным размерам своего жалования и всяких добавочных, щедро отпускаемых начальством» [3, с. 361]. Русский философ Л. А. Тихомиров, со слов своего друга Киселёва, который работал в Земском союзе, писал в дневнике, как один служащий, ехавший на фронт раздавать подарки военным, для себя «выговорил 25 рублей суточных, так что даже князь Львов (главноуполномоченный ВЗС – В. В.) не выдержал и протестовал» [21, с. 207]. Работники по делам службы ездили железнодорожным транспортом бесплатно за счёт союзов. Делалось ходатайство на имя главноуполномоченного и проситель получал «бесплатное пассажирское свидетельство» для поездки [12, л. 301].

В фронтовых и тыловых учреждениях союзов был большой штат работников. На Западном фронте на 1 апреля 1917 г. по данным Ставки Верховного главнокомандующего в учреждениях Союза городов числилось 14000 служащих и рабочих, а в учреждениях Земского союза – 66000 человек [19, с. 25]. На содержание такого числа работников союзов тратились действительно большие средства, и порою необдуманно. Известный революционный деятель, большевик Д. А. Фурманов служил в санитарном поезде ВЗС и отмечал непомерные траты: «Прежде всего и сильнее всего поразила меня расточительность на персонал. Покупаем бог знает что – даже мочёные яблоки... На передовых позициях платят громадные деньги, в то время как у дверей всех союзов стоят целые кадры желающих работать добровольно и бесплатно. Откуда-то свыше санкционированы все эти шальные расходы, и масса денег уплывает попусту» [23, с. 35].

Действительно, с такими фактами нельзя не согласиться. Служащие, даже руководители подразделений, просто швырялись деньгами. В КЗФ ВЗС в Контрольном отделе работал князь С. Е. Трубецкой. Он охарактеризовал отношение к деньгам со стороны председателя комитета В. В. Вырубова так: «Казёнными и общественными деньгами Вырубов буквально бросался, эта сторона вопроса его совершенно не интересовала, и он как бы кокетничал своим пренебрежением к вопросу о стоимости того или иного предприятия» [22, с. 113].

Л. А. Тихомиров свидетельствовал в своём дневнике: «О Земском союзе рассказывает такие нехорошие вещи. <...> Двухолки в Москве заказывались по 400 и 500 рублей, тогда как Киселев, освоившись с делом, нашёл возможность получать их по 210 руб.» [21, с. 207]. При заготовках и закупках никто не обращал внимания на цены. Так, председатель Казанской губернской земской управы Н. А. Мельников, участвовавший в деятельности ВЗС, в 1916 г. работал в Министерстве земледелия и как уполномоченный отвечал за заготовки продуктов для армии. В процессе работы он столкнулся с таким явлением, когда заготовщики от ВЗС «перебивали работу министерских и интендантских заготовщиков, приобретая продукты по таким ценам, которые решительно ничем не оправдывались. Мои попытки примерить заготовщиков не привели ни к чему: "земгусары" довольно нагло заявляли, что не находят нужным заниматься такими "пустяками"» [8, с. 361].

Необдуманные растраты денежных средств были в учреждениях ВЗС в белорусских губерниях. Донесения в Особый отдел (ОО) Департамента полиции (ДП) свидетельствуют, что в Гомельском отделе союза для питательных пунктов по обслуживанию беженцев продукты закупали не самого лучшего качества, а иногда и не пригодные для употребления (гнилой хлеб), по «бешеным» ценам. Сани для обоза, которые постоянно ломались, покупали по 75 рублей при их стоимости на базаре в 15 [2, л. 359 об.]. На питательных пунктах руководили всем евреи, которым отпускались бес контроля огромные суммы денег. Например, Розенбергу по 10000 рублей еженедельно. Гнилой, залежалый хлеб он закупал по 1 р. 50 к., 1 р. 65 к., 1 р. 70 к., а комитету сдавал по 1 р. 90 к. [2, л. 359]. На таком завышении цен перекупщики зарабатывали большие деньги. Это приводило к удорожанию обслуживания.

Критики союзов указывали на беспорядочность и дезорганизацию в работе учреждений союзов. Князь С. Е. Трубецкой, ознакомившись с делами во фронтовом комитете в Варшаве тогда ещё Северо-Западного фронта, писал: «В Варшаве, во фронтовом комитете ВЗС я попал в страшнейший кавардак. Я ожидал отсутствия порядка, но то, что я встретил, превзошло все мои ожидания, – это было нечто хаотичное и бесформенное, но жившее очень интенсивной жизнью» [22, с. 118].

В одном из перлюстрированных писем работа в учреждениях ВЗС в Минске характеризовалась так: в учреждениях бюрократизм, со стороны служащих наблюдается формальное отношение к делу, хищения и бесхозяйственность [4, с. 41]. Комитет в Минске был образцом беспорядка, а служащие спорили и интриговали [2, л. 359 об.].

Факты бесхозяйственности в учреждениях Земского союза фиксировались постоянно: беспорядок на складах, не соблюдение условий хранения продуктов. В амбарах и складах, принадлежащих КЗФ в Смоленске, при хранении товаров и ненадлежащем досмотре они портились. В октябре 1915 г. на склад в Смоленск из Центрального склада была доставлена партия кож. Они пролежали 10 месяцев в сыром подвале и испортились. Просьбы заведующего о списании кож получили отказ со стороны Материально-заготовительного отдела фронтового комитета [2, л. 356, 356 об.].

При ревизии склада № 7 в Полоцке инспектором было установлено, что имущество хранилось небрежно, а товары все спутаны и перемешаны между собой [18, л. 72]. В Минске в центральном районном складе № 15 все материалы и предметы, а также продукты питания (лук, рыба) хранились в течение долгого времени в простых бараках на земле, под открытым небом. В результате продукты испортились. На складе № 9 в Слуцке в расходном магазине № 1 бочки с мясом, рыбой, капустой и ящики с помидорами хранили во дворе, были свалены в одну кучу, а капуста и помидоры испортились. По требованию члена КЗФ Глазберга была назначена проверка. По её результатам выявлены факты порчи сотен пудов рыбы и даже целых вагонов продуктов [2, л. 356–358 об.].

В августе 1916 г. при получении сыра из Центрального склада в Минске на склад № 4 Погорельского района оказалась, что часть сыра на сумму 1500 рублей была испорченной. В Минске 26 сентября при получении колбасы из Ростова при её проверке была установлена порча 1/7 её части [2, л. 431], и все такие факты замалчивались.

Проверки выявили нарушения: сокрытие недостатков, расхождение в отчётности, халатное отношение к служебным обязанностям, нарушения в ведении документации. При разгрузке летом 1916 г. на складе в Минске сахара рафинада артельщики сдали по документам 7 вагонов с мешками, 3 мешка были подмочены. В квитанции, выданной со склада, было указано, что таких мешков было 80 [2, л. 357]. В Полоцке на складе № 7 учёт товаров и бухгалтерия велись с нарушениями. Остатки товаров, числившихся по учётным документам, не соответствовали наличным товарам при проверке [2, л. 357 об.].

В ДП МВД поступали сведения о злоупотреблениях в Лавочном отделе КЗФ. В августе 1916 г. в секретном документе сообщалось о злоупотреблениях в Замирском, Погорельском и Несвижском подотделах. В работе служащих при ведении отчётности и документации были выявлены следующие нарушения: акты приёмки и сдачи товаров не велись, ведомости и документы делали с опозданием, либо они совсем отсутствовали, инструктажи, ревизии не проводились. Инструкторы отдела не знали, каких товаров не хватает, а какие были в избытке. В лавках товары продавались не по установленным ценам, и наблюдалась их массовая недостача.

В частности, были выявлены крупные и мелкие недостачи сахара, чая, колбасы, галет, сухарей, баранок, консервов, свечей, папирос, бумаги, махорки, мази, ваксы, перочинных ножей, брезентов и других товаров [2, л. 360–361 об., 427]. В одном из складов Лавочного отдела была выявлена недостача 1000 рублей по результатам работы только за 2 месяца [2, л. 431 об.].

Во многом установление порядка во всех этих учреждениях зависело от добропорядочности и честности людей. Князь В. А. Оболенский, являвшийся уполномоченным врачом-питательного отряда Союза городов, при наборе персонала столкнулся с проблемой подбора надёжных, добропорядочных и ответственных людей: «Весь этот персонал приходилось вербовать из случайных людей, из которых лишь немногие являлись с рекомендацией. Этот люд, не связанный военной дисциплиной, попав в обстановку войны, где периоды напряжённой работы сменяются длительными досугами и где уважение к чужой собственности может поддерживаться главным образом страхом суровых репрессий, быстро развратился. Одни пьянствовали, другие воровали, третьи и пьянствовали и воровали» [15, с. 463–464].

Разговоры о воровстве в общественных организациях звучали постоянно. Общественный деятель С. П. Мельгунов в своём дневнике 12 ноября 1915 г. записал: «Говорят, что в Земском и Городском союзах обнаруживаются покражи. А ведь там сидит уже не бюрократия» [7, с. 265]. Свидетельств о таких случаях в учреждениях фронтового комитета ВЗС было немало.

Так, наблюдались хищения запасных частей для автомобилей. Делали это путём фиктивных ремонтов, якобы вышедших из строя агрегатов, которые снимали с автомобилей. Продавали даже целые автомобили [2, л. 426–426 об.]. Были установлены случаи кражи имущества. После ликвидации питательных пунктов оставшееся имущество не описывалось, и часть его исчезала неизвестно куда. Были зафиксированы кражи товаров, совершённые кучерами при их транспортировке в Центральный склад в Минске. Это было подтверждено при обыске кучеров [2, л. 428]. В складе № 13 в местечке Порфиянов служащие относились к имуществу как к своему и воровали. Факты воровства были зафиксированы в общежитии ВЗС для раненых воинов в местечке Глубокое. Воровали еврейка-поставщица по фамилии Берконь и помогавшие ей санитары [2, л. 430 об.–431].

Злоупотребления осуществлялись при помощи обмера и обвеса. Например, в складе № 9 в Слуцке в расходном магазине № 1 при ревизии в июне 1916 г. было обнаружено большое количество наличных продуктов, против того что было отражено в отчётных документах. Мясо, мука и другие продукты, которых не хватало по факту в большом количестве, значились в документах как выданные неизвестным лицам [2, л. 357–358 об.]. Установлены случаи выдачи беженцам на питательных пунктах ВЗС чая без сахара или наоборот. И это было тогда, когда присутствовал уполномоченный союза. Когда же он уходил, служащие прекращали выдачу, и питательные пункты закрывали [2, л. 359].

Показное поведение служащих и рабочих союзов, конечно же, не всех, вызывало презрительное к ним отношение и насмешки со стороны обывателей, военных и государственных

ных чиновников: «Десятки тысяч молодых людей в стилизованной военной форме, излюбленный объект для газетных фельетонов и предмет насмешек и презрения в войсках...» [14, с. 279]. Им были придуманы обидные прозвища. Работников, оказывавших помощь больным и раненым, военные называли «земгусарами», а служащих, руководивших работами в тылу – «гидроуланами» [1, с. 176].

Бросалось в глаза простому обывателю безделье работников союзов. В учреждениях им просто не находилось работы. В Орше, по донесениям ДП ОО, число служащих отдела превышало число больных и беженцев, а отдел не находил работы [2, л. 359 об.]. В больнице для заразных больных на станции Могильно при большом числе персонала и ежемесячных расходах в 5000 рублей за всё время работы на лечении находилось 5–8 пациентов [2, л. 426].

В комитет ВЗС в Гомель для оказания помощи беженцам из Москвы был командирован отряд. На месте для служащих отряда работы не оказалось. Они целыми днями гуляли по городу, а получив деньги на обмундирование, занимались тем, что придумывали себе военную форменную одежду офицерского образца [2, л. 358, 358 об.]. Шик и транжирство было обычным делом для многих служащих союзов. «Все деятели кутят и шикарят, останавливаются в лучших гостиницах, расхаживают и расшвыривают деньги возмутительным образом», – отмечал в дневнике А. Л. Тихомиров [21, с. 207].

Во время войны много желающих хотели поступить на службу в союзы. Они шли работать туда по разным причинам. Одни в порыве патриотизма и желания быть полезными Родине, другие искали романтики. Князь В. А. Оболенский при наборе на службу сестёр милосердия получал «груды прошений, которые приходилось игнорировать... Не раз девушки, которым я отказывал, рыдали от отчаяния, что им не удастся попасть на войну, которая им представлялась в романтическом ореоле» [15, с. 465].

Поступали на службу и по убеждениям. К В. А. Оболенскому пришли один еврей и два русских толстовца и попросились в отряд санитарями. Они откровенно признались, что близиться их призыв на службу, а их убеждения не позволяют им участвовать в войне [15, с. 485]. Служить и помочь Родине честно хотели многие: «Правда и "маменькины сынки" находили там гостеприимный приют, освобождение от фронта...» [26, с. 79]. Отсрочка от службы в войсках, которая распространялась на служащих и рабочих союзов – вот одна из причин. Поступив на работу, служащие автоматически получали отсрочку от призыва в армию на определённый срок [13, л. 31, 42]. Н. Каржанский (Зезюленский) большевик–нелегал, чтобы попасть на фронт в качестве корреспондента «Русских ведомостей» фиктивно служил в санитарном поезде ВЗС. Как он потом позже узнал, в числе служащих и санитаров поезда были военнообязанные, среди которых было немало «крупных торговцев, кулаков, крупных домовладельцев и др.» [5, с. 72].

Русский философ Ф. Степун служил артиллеристом на фронте. Он общался со служащими ВЗС. Вот какую характеристику он им дал: «"Земгусар" – интеллигент, либерал и защитник войны до конца; внешность под офицера, душа под героя. Звенит шпорами и языком, а на самом деле всего только дезертир, скрывающийся от воинской повинности в общественной организации» [20, с. 158].

Для того, чтобы заниматься своей профессиональной деятельностью и не попасть на фронт, на службу в организации поступали представители творческой интеллигенции. Так, в 1915 г. актёр и театральный режиссёр Е. Б. Вахтангов поступил на службу в ВЗС и работал в учреждении «Земпалатка», где помимо него было ещё несколько актёров театра [24, с. 46]. Известному драматическому актёру того времени Н. Ф. Монахову повезло меньше. По совету своих друзей, чтобы не попасть под призыв, он осенью 1916 г. записался в ВСГ. Состоя в нем формально, актёр продолжал работать в театре, но на него стали поступать доносы, что

он не работает в организации. Тогда Н. Ф. Монахову пришлось в декабре поехать на Западный фронт и поработать в одном из отделов Инженерного управления под Минском. Только в феврале 1917 г. ему удалось вернуться в Москву [9, с. 151].

В учреждении Земгора в белорусском Полесье около города Лунинец служил поэт Александр Блок [25, с. 29–31]. Он был призван в армию, но смог быстро освободиться от службы в войсках, благодаря своим знакомствам с нужными людьми. В письме к матери он писал, что призван в армию, но в тот же день был зачислен в Земгор табельщиком 13-ой инженерно–строительной дружины. Тем самым он освобождался от призыва. Устроил его в организацию знакомый по фамилии Зоргенфрей [16, с. 300–301].

Приём на службу в учреждения союзов и предоставление отсрочек сопровождалось злоупотреблениями. Например, отдел боевого снабжения армии при Оршанском уездном комитете ВЗС в имении Черцица открыл шорно-кожевенную мастерскую. Её владелец Кржановский, выдавая себя за капитана польского легиона, набрал рабочих и выдал им удостоверения на официальном бланке ВЗС с печатью. Эти удостоверения были признаны недействительными для получения отсрочек от службы в армии. Из 66 человек их получивших 10 скрылись [2, л. 360–360 об.]. В донесении Могилёвского губернатора от 24 января 1916 г. в ДП МВД говорилось, что в учреждения союзов людей на работу брали без документов. Это позволяло многим получить отсрочку от армии. Так, на службу инспектором Кожевенного отдела ВЗС КЗФ А. М. Вербицким был принят некий Литвин. Он не предоставил никаких документов и уклонялся от военной службы. Удостоверение с данными Литвина Вербицкий выписал с его слов [2, л. 413]. Сам инспектор Вербицкий был в 1914 г. под негласной проверкой губернского жандармского управления в Могилёве, как предполагаемый член партии эсеров [11, л. 298].

Некоторые служащие не исполняли свои обязанности по должности, а только числились в учреждениях. Из донесений в ДП МВД следовало, что московский журналист В. В. Марковин в КЗФ ВЗС в Минске занимал сразу три должности. По должности заведующего I санитарно–автомобильным транспортом он получал 450 рублей жалованья. При этом, в течение полугода не являлся исполнять свои служебные обязанности [2, л. 426]. В Союз городов в Минск на службу был зачислен бухгалтер московского частного издательства Звонов на должность заведующего складами, но на самом деле она была занята Г. А. Александровым, а Звонов, не работая, получал 300–400 рублей оклада в месяц. Известный футурист В. А. Шершеневич был взят на службу в союз в Минске не то заведующим Отделом снабжения, не то помощником заведующего Материально-заготовительного отдела. На самом деле он был откомандирован в Москву с жалованием 300–400 рублей. Призванный в войска Ф. П. Абросимов, был откомандирован в распоряжение ВСГ якобы помощником заведующего складами в Минске. Эту должность занимал А. Д. Антоненко, а Абросимов получал 300–350 рублей жалованья и не работал [2, л. 379].

Служащие союзов после увольнения из организаций не сдавали служебные удостоверения и документы и использовали их в своих интересах. В приказе Главнокомандующего Западным фронтом от 22 декабря 1916 г. № 1080 по этому вопросу говорилось, что этими документами бывшие служащие пользовались для уклонения от призыва в армию или для получения отсрочек. Зафиксированы случаи, когда бывшие работники, призванные в войска, при получении отпусков во время проживания в гостиницах регистрировались по оставшимся у них документам [10, л. 142]. Официально служащих ВЗС и ВСГ получивших отсрочки к 1 октября 1916 г. было 5352 человека [19, с. 88], но проверки, проведённые на Западном фронте, свидетельствуют, что на службе было намного больше военнообязанных.

На основании приказа Главнокомандующего Западным фронтом от 4 октября 1916 г. за № 586 командующими армиями и Главным начальником снабжений армий фронта была проведена проверка законности нахождения служащих общественных и частных организаций и на строительстве как в районе армий, так и в тылу. Оказалось, что на службе в учреждениях указанных организаций состояло свыше 14000 военнообязанных. Они не являлись при призывах на пункты и не получали по закону отсрочки [10, л. 143]. И это только по одному фронту.

Подводя итог, выделим основные негативные явления в работе учреждений Земского союза и Союза городов: 1) содержание большого штата служащих и рабочих с соответствующими затратами финансовых средств на их материальное обеспечение; 2) отсутствие контроля в вопросах закупок товаров и продуктов для союзов и учреждений; 3) халатное отношение служащих к своим обязанностям, нарушения в ведении документации, сокрытие недостатков, расхождений в отчётности; 4) воровство и хищения со стороны служащих и рабочих учреждений союзов; 5) праздное поведение служащих и рабочих; 6) использование службы в учреждениях союзов для уклонения от воинской повинности.

Таким образом, обвинения в адрес ВЗС и ВСГ были обоснованы. Причины таких негативных явлений в работе учреждений союзов и поведении работников объясняются, прежде всего, тяжёлой экономической ситуацией в стране во время войны и бедностью людей. Нельзя исключать фактор жадности и стремления заработать и поживиться за счёт государства. Многие боялись за свою жизнь и не хотели служить в армии. Попад в войска, они могли погибнуть в боях на фронте.

Библиографический список

1. *Воейков В.Н.* С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995. 431 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 343. З.С. Т. 2. Л. 356–об. 356, 357–об. 357, 358, 359– об. 359, 360– об. 360, 361, 379, 426–об. 426, 428, об. 430, 431–об. 431.
3. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003. 365 с.
4. *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции / Отв. ред. В. Я. Лаверычев. М.: Наука, 1988. 244 с.
5. *Каржанский Н.* Записки военного корреспондента // Знамя. 1940. № 4–5. С. 58–120.
6. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 472 с.
7. *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники / Сост. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М.: Индрик, 2003. 528 с.
8. *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания) // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «Тритэ», «Российский Архив», 2008. Вып. 17. С. 198–484.
9. *Монахов Н.Ф.* Повести о жизни / Вступит. статья С.С. Кары, с. 5–24; примеч. Е.Н. Кузнецовой. М.; Л.: Искусство, 1961. 299 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (НИАБ в г. Минск). Ф. 700. Оп. 1. Д. 108. Л. 142, 143.
11. НИАБ в г. Минск. Ф. 705. Оп. 1. Д. 14. Л. 298.
12. НИАБ в г. Минск. Ф. 2708. Оп. 1. Д. 18. Л. 301.
13. НИАБ в г. Минск. Ф. 2708. Оп. 1. Д. 53. Л. 31, 42.
14. *Никонов В.А.* Крушение России, 1917. М.: АСТ: Астрель, 2001. 926 с.
15. *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-Press, 1988. 754 с.

16. Письма Александра Блока к родным: в 2 т. / Под ред. и с примеч. М.А. Бекетовой и предисл. [с. 5–45], В.А. Десницкого. Москва–Ленинград: Academia, 1932. Т. 2. 542 с.
17. *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М.: Русский путь, 2001. 458 с.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2049. Оп. 1. Д.472. Л.72.
19. Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики. М., 1925. 104 с.
20. Степун Ф (Н. Лугин) и Ропшин В. Из писем прапорщика-артиллериста. Из действующей армии (лето 1917 г.). М.: тип. «Задруга», 1918. 239 с.
21. *Тихомиров Л.А.* Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. [автор предисловия, с. 3–32], А.В. Репников; Российский государственный архив социально-политической истории [и др.]. М.: Росспэн, 2008. 438 с.
22. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М.: Издательство советско-французского совместного предприятия «ДЭМ», 1991. 328 с.
23. *Фурманов Д.А.* Сочинения: в 2-х т. / Сост. и вступит. ст. Е. Наумова; иллюстрации Ю.Шабанова. Дневники. Статьи. Письма. Л.: Худ. лит-ра., ленингр. отд., 1971. Т. 2. 349 с.
24. *Херсонский Х.Н.* Беседы о Вахтангове / Записаны Х.Н. Херсонским. Л. ; М.: ВТО. Напеч. в Лгр., 1940. 224 с.
25. *Цуба М.В.* Палескія пуцявіны Аляксандра Блока падчас Першай сусветнай вайны // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: Материалы третьей междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 23–25 апреля 2009 г / Полесский государственный университет; [редкол.: К.К. Шебеко (гл. ред.) и др.]: в 2 ч. Пинск: ПолесГУ, 2009. Ч. 2. С. 29–31.
26. *Якобий И.П.* Император Николай II и революция // Император Николай II и революция / Авт.-сост. С.В. Фомин. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 35–368.

Сведения об авторе:

Василенко Василий Викторович – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин УО «Климовичский государственный аграрный колледж», Республика Беларусь, e-mail: vasilenko06@rambler.ru

УДК 94(4)"1914/17"

А. Д. Грудина

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВЫХ, НАХОДИВШИХСЯ НА ФРОНТЕ, НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1914–1917 ГГ.)

Аннотация: Особенностью освещения в периодической печати проблемы призрения семей военнослужащих выступало то, что в первые месяцы войны на страницах газет и журналов утверждалось об исчезновении в России внутренней розни, разницы в интересах населения и наступления взаимного примирения. Однако уже к концу 1914 г. эмоциональный подъем, наблюдавшийся в печати заменяется на критическое осмысление происходившего. Публикации были полны разоблачений, связанных с несправедливыми отказами в выдаче пособий семьям сражавшихся воинов. Основная критика при этом была направлена на волостные попечительства, где таких злоупотреблений было наибольшим. Взамен помощи семьям, воевавших на фронте, пришло равнодушие, армия окончательно оказалась отрезанной от тыла, который жил своей жизнью и все меньше интересовался продолжающейся войной.

Ключевые слова: Первая мировая война, волостные попечительства, периодическая печать, семьи солдат, воевавших на фронте, Верховный совет, Министерство внутренних дел, закона 25 июня 1912 г.

A.D. Grudina. Problem of government assistance to families serial on the front, on pages periodical press (1914–1917)
Annotation: A special feature of the periodical press coverage of the problem of the charity of military families was that in the first months of the war, the pages of newspapers and magazines claimed the disappearance of internal hatred in Russia, differences in the interests of the population and the onset of mutual reconciliation. However, by the end of 1914, the emotional upsurge observed in the press was replaced with a critical understanding of what was happening. The publications were full of disclosures related to unjust refusals to issue benefits to families of fought warriors. The main criticism was aimed at volost guardianship, where such abuse was greatest. In return for helping families that fought at the front, indifference came, the army finally found itself cut off from the rear, which lived its own life and was less interested in the ongoing war.

Keywords: World War I, volost guardianship, periodical press, families of soldiers who fought at the front, Supreme Soviet, Ministry of Internal Affairs, law of June 25, 1912.

Деление российского общества на «мы» и «они» во время Первой мировой войны не имело постоянного характера. Если в начале военных событий эта граница заметно стерлась, и основная масса населения, забыв прежние обиды, готова была нести все тяготы суровых испытаний, предоставив полное право правительству на необходимые, по его мнению, действия, то, уже начиная с 1915 г., после первых фронтовых неудач, стена между старой государственностью и новыми общественными настроениями вновь начала расти.

В этих условиях газета являлась не просто источником информации, но и выразителем взглядов населения по тем или иным проблемам современной жизни, и в обоих этих важных функциональных составляющих выступает сегодня в качестве самостоятельного объекта для исследования. «Пресса была в числе тех участников этого процесса, которые должны были мобилизовать страну на ведение изнурительной войны. Она выполняла роль посредника между фронтом и тылом, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные всевозможные трудности, проявлять готовность к несению добровольной военной службы» [1, с. 37].

Необходимо сказать об особенностях распространения периодической печати в годы Первой мировой войны как в городе, так и в сельской местности. Буквально с самого начала военных действий тиражи изданий заметно подросли. Значительное количество газет отправлялось из Петрограда в провинцию местным агентам по железным дорогам, багажом или через кондукторов. На станциях железных дорог выросло число киосков по продаже газет и журналов и крестьяне близлежащих деревень по очереди отправлялись к почтовым по-

ездам за свежими новостями и письмами с фронта [2]. Таким образом, газеты и журналы являлись для населения одним из немногих источников информации о происходивших событиях и от характера их освещения во многом могли зависеть общественные настроения как в городе, так и в деревне.

Следует правда отметить, что большая часть газет, выходивших в столичных городах, не вызывала интерес у основной массы деревенских жителей, постигших лишь основы грамоты. «Видно для господ писана эта газета, а не для нас стариков», – распространённое суждение о большинстве изданий, «не приспособленных» для деревни как по слогу, так и по содержанию публикаций [3]. Слова: сенсация, эвакуировать, резервировать, биплан, тенденциозный и т. п., встречавшиеся почти в каждой из публикаций, были непонятны и не способствовали проявлению потребности в чтении. Однако общий интерес к газете в деревне все же стал очевидным явлением. В первую очередь он активизировался из-за начавшейся войны и был связан с желанием узнать о фронтовых событиях, в которых принимали участие члены почти каждой крестьянской семьи. По статистическим сведениям некоторых волостных правлений, число получаемых в это время газет выросло в 20 и более раз [4].

Увеличение читающих было также, несомненно, связано и с развитием грамотности в сельской местности. В период русско-японской войны крестьянам приходилось обходить до десятка изб для того, чтобы прочесть полученное с фронта письмо, а теперь практически в каждой семье были взрослые и обязательно дети, которые могли читать. Исключением, с точки зрения обретения грамоты, по-прежнему являлись девочки, которых крестьяне неохотно отдавали в школу [3]. Неграмотными в своем большинстве были и их матери-солдатки, о чем можно судить по тому, что они не могли написать свою фамилию в раздаточных ведомостях, а также по сохранившимся в архивах прошениям, написанным от их имени другими лицами. Причем некоторые из солдаток в свое время посещали школу, но затем начисто всё забыли, поскольку никогда не пользовались грамотой [5]. Однако и среди женского населения происходили заметные подвижки в деле обретения навыков чтения и письма, поскольку у многих из них родственники находились на фронте, и они не хотели доверять посторонним лицам свою переписку.

Учитывая возросшее значение периодических изданий в жизни населения страны, Верховный совет, возглавлявшийся императрицей Александрой Федоровной, одобрил 13 ноября 1914 г., постановление Распорядительной комиссии, признавшей необходимым выбирать из газет сведения, об отмечаемых недостатках в постановке дела призрения семей воинов, о «несвоевременности и неправильности в выдаче казенного пособия, отсутствии в той, либо иной местности благотворительных учреждений, о злоупотреблениях в деле получения пособий и т. д.» [6, д. 271, л. 145]. Предполагалось проверять полученные сведения через установление связи с организациями, упоминаемыми в критических публикациях в периодической печати. По мере накопления данных планировалось составить свод из такого рода материалов для доклада Верховному совету, который должен был принять необходимые в тех или иных случаях меры.

На заседании Верховного совета, состоявшемся 14 февраля 1915 г., такой доклад «О недостатках в постановке дела призрения семей лиц, призванных на войну» был заслушан. В нем речь шла о публикациях в средствах печати за прошедшие три месяца 1914 г. В этот период в своем большинстве пресса была настроена позитивно в отношении мероприятий властей, да и кампания по выдаче казенных пайков была проведена за малым исключением успешно. В упомянутом докладе речь шла главным образом о недостоверных сведениях, опубликованных в периодических изданиях.

Так, 29 ноября 1914 г. в письме в редакцию одной из газет говорилось о том, что семьи рядовых из Красногорский волости, Лужского уезда, получили пособие только за первый месяц войны, да и то после бесконечных хождений в Лугу, находившуюся в 150 верстах от Петрограда. Проведенное обследование показало, что в этой волости продовольственное пособие было выдано за первые три месяца войны, но 21-23 ноября 1914 г. Причина задержки объяснялась необходимостью вторичной проверки списков, предпринятой уездным попечительством [6, д. 271, л. 145 об.].

С задержкой выдачи пайка во Владикавказе была связана публикация в одной из столичных газет. Там, как было установлено позднее и озвучено в докладе, число семей, подлежащих государственному призрению составило 1650, что потребовало продолжительного времени на обследование. В октябре 1914 г. пособие от казны было выдано сразу за сентябрь и октябрь месяцы [6, д. 271, л. 145 об.].

Гораздо более громкий резонанс вызвала публикация в «Вечернем времени» от 30 ноября 1914 г. под названием «Помощь (?) Семьям запасных». Знак вопроса в заглавии ставил под сомнение позитивную роль «сельских властей» в деле оказания помощи семьям военнослужащих, находившихся на войне. Речь шла о волостном писаре, который стал взимать сбор с писем, получаемых с фронта: «Все письма из действующей армии были обложены им особым сбором в 3, 5 и даже 20 коп.» [7]. Только после вмешательства со стороны Министерства внутренних дел эти незаконные действия были прекращены.

Еще одно свидетельство касалось распоряжений волостных старшин в различных губерниях «о взимании с получаемых семьями запасных пособий особой части в уплату числящейся за семьей недоимки» [7]. Газета представила такую печальную картину происшедшего: «...жены запасных и ратников ополчения идут за 6-10 вёрст в волость, чтобы расписаться в книге в получении пособия и об уплате, а на самом деле не получают ни копейки» [7].

Далее в публикации отмечалась «особая старательность» в этом деле волостного старшины из Орловской губернии, Елецкого уезда Казиновской волости, поскольку в его волости за время войны сократилось число недоимщиков. Газета привела выдержку из письма на эту тему: «Получаем ли мы пенсию? Получаем, да вся она идет на оброк, описали у меня даже самовар. Что хочешь делай, оброк старшина велит платить. Говорили, что оброка брать не будут, сами берут» [7].

Публикация вызвала многочисленные письма читателей из разных концов страны, подтверждавших подобную практику и в их губерниях, а в Страшевской волости Старицкого уезда, Тверской губернии, старшина при составлении списков нуждавшихся в пособии, отказывался вносить тех жен военнослужащих, мужья которых были призваны на войну в Петрограде или в других городах, где их застигла мобилизация. «Эти свои действия он объяснял тем, что в тех городах, где они были, пусть жены и получают пособие; на просьбы же похлопотать о переводе сумм пособия в волость, старшина соглашался только за особую плату» [8].

Министерство внутренних дел направило вырезку из газеты «Вечернее время» орловскому губернатору с предложением подготовки доклада министру, соответствует ли действительности сообщенные в заметке сведения [9, д. 291. л. 2]. Ответ последовал только 23 января 1915 г. Из него следовало, что, по полученным сведениям, казинским волостным старшиной из выдаваемых денег в виде пособий семьям рядовых, находившихся на войне, «продовольственные сборы и долги не взыскиваются, но земские и государственные сборы взыскиваются. <...> Описи имущества на предмет продажи имущества для уплаты повинности не производились» [9, д. 291. л. 29].

На основании сведений, представленных Орловским губернатором, в газете «Вечернее время» было напечатано опровержение следующего содержания: «По произведенном на месте тщательном расследовании действий волостного старшины Казинской волости выяснилось, что никаких распоряжений старшина этот в отношении уплаты каких бы то ни было недоимок семьями запасных из получаемого по положению 25 июне 1912 года не делал» [9, д. 291. л. 32].

Из сохранившейся переписки следует, что расследование проводил местный земский начальник. Как уже отмечалось во второй главе, на них (земских начальников. – А. Г.) был возложен контроль за деятельностью волостных попечительств и конкретно волостных старшин, но сложность заключалась в том, что его осуществление было затруднено большой административной нагрузкой, выпавшей на чиновников.

Благодаря периодической печати выясняются и другие обстоятельства, препятствовавшие добросовестному исполнению обязанностей земскими начальниками. Так, газета «Речь» в декабре 1914 г. сообщила о деле, представленном в Рязанскую судебную палату. В соответствии с ним, некий Степанов получил должность сельского старосты благодаря земскому начальнику Готовицкому. Случай, рассмотренный в судебном порядке, носил, наверняка, исключительный характер, поскольку за полученную должность староста вынужден был отдавать своему благодетелю всё свое жалованье. Следствием было установлено, что еще 15 человек, занимавших общественные должности, вынуждены были делать то же самое.

Готовицкий обирал и крестьян, обязывая их купить у него по завышенной цене корову (за 125 руб.), а у его жены – золотой браслет за 75 руб., хотя его стоимость составляла лишь 15 руб. Земский начальник руководил своим участком на протяжении трех лет и только жалоба крестьян на имя рязанского губернатора привела к судебному расследованию [10]. Очевидно, что описанный в газете случай не был типичным, но сам факт назначения «подходящих» людей на должности в волостях являлся широко распространенным в практике земских начальников. Да и согласие на работу без жалованья означало возможность иных заработков для лиц, занимавшихся общественными работами.

Оставляя на совести орловского земского начальника правдивость предоставленных губернатору сведений, на основе которых было сделано опровержение в газете, следует констатировать, что приведенный в «Вечернем времени» факт использования пособий семей призванных на войну для уплаты различных задолженностей по платежам в казну вызвал не только массовый отклик читателей, но и государственные меры. Как уже отмечалось, в январе 1915 г. Верховный совет вынужден был признать необходимым предпринять определенные шаги к тому, чтобы предотвратить в будущем различные вычеты из пособий, которые получали семьи призванных на войну [11]. В целом же, рассмотренные материалы публикаций в периодической печати, по мнению Совета, не требовали осуществления каких-либо неотложных мер для предотвращения вызвавших критику явлений, т. е. освещенные в печати события носили вполне частный характер [6, д. 271].

Однако в ряде случаев, проверка фактов, отраженных в публикациях периодических изданий, послужила основанием к восстановлению законных прав просителей. Например, было признано, что в Борисовском уезде, Минской губернии, была задержана уездным попечительством выдача пособия в 19 руб. 39 коп. жене нижнего чина из-за того, что местное уездное попечительство не вполне правильно применила в данном случае закон 25 июня 1912 г. [6, д. 271, л. 146].

Наибольший же резонанс в этот период вызвало обвинение властей со стороны известной петроградской газеты «Новое время» [12], описавшей случай голодной смерти старика крестьянина и его жены в Курской губернии. Мужчина и женщина, возрастом более восьми-

десяти лет были найдены закоченевшими в нетопленной избе. Сведения об этом событии «Новое время» позаимствовало из газеты «Курская быль».

В тот же день, 10 января 1915 г., курскому губернатору от начальника Управления по делам печати была направлена телеграмма по поводу статьи в местной газете и было предложено провести срочное расследование [9, д. 291, л. 11], которое показало, что, вопреки мнению газеты, утверждавшей, что старики оказались без помощи после ухода на войну их сыновей, на иждивении которых они находились, умершие были одинокими и родственников на фронтах войны не имели. Газету обязали опубликовать опровержение [6, д. 271, л. 146].

Курский губернатор Муратов в своем отношении в Министерство внутренних дел с возмущением требовал «принять исключительные меры в отношении газетчика, сообщившего вымышленные факты, с целью поселить тревогу в населении» [9, д. 291, л. 16]. Со своей стороны министерство, обращаясь в Главное управление по делам печати, констатировало, что «такие ложные сообщения вредны не только для отдельных чиновников, против которых они направлены, но и для всего государственного порядка» [9, д. 291, л. 17 об.].

Примечательно, что помимо этого вопиющего факта, в статье газеты были и другие критические высказывания относительно дела оказания помощи семьям военнослужащих, но они не встретили возражений со стороны Министерства внутренних дел и Верховного совета. Например, присутствовало такое утверждение: «...вообще на бумаге и в губернских городах, куда время от времени наезжают ревизоры из Петрограда, всё обстоит хорошо. Но стоит только окунуться в глушь, отъехать несколько десятков вёрст от губернского города, и картина меняется» [12].

Многочисленные подтверждения сказанному можно обнаружить в публикациях того времени, которые не были столь резонансными, но пытались отразить настроения момента. Так, даже газета монархического Союза русского народа робко замечала «...а пособия семьям запасных раздаются как кому попало» [13, № 85, 9 ноября], или «в Малоархангельском уезде выдают солдаткам пособие по разному: в одних местах по 2 р. 38 к., а в других по 2 р. 25 к. – по причинам "независимым"» [13, № 96, 18 декабря].

В целом же приведенных фактов нарушений закона 25 июня 1912 г. в периодической печати первого года войны встречалось немного и основная их часть касалась сельской местности. Первые выдачи пайков прошли при активном участии общественности, при еще не опустевшей казне, при значительных сборах благотворительных средств и при высоком патриотическом подъеме. Тогда газеты были полны оптимизма и старались зарядить им всё население: «До сих пор ни в одну войну государство не проявляло такой заботливости о призрении жертв войны. Закон о пенсиях и казённом пособии – «пайке» для семейств является актом великого благодеяния, оценить которое можно лишь теперь, когда не десятки и сотни тысяч, миллионы призваны под знамена. При таком массовом отливе кормильцев ни деревни, ни города без поддержки государства не могли бы справиться с бедой, и многому множеству пришлось бы идти по миру» [5]. Так оценивал в газете «Новое время» роль государства в деле помощи оставшихся в тылу семей рядовых, отличавшийся либеральными взглядами, гласный Петроградской думы и Петроградского губернского земского собрания В. С. Кривенко.

Все эти положительные тенденции начинают утрачиваться к середине 1915 г., когда казна значительно опустела, а число призываемых резко увеличилось из-за новых призывов. «Мотивирующее воздействие печатного слова в силу изменившейся ситуации, должно было быть обращено не только к солдату, имевшему боевой опыт. Осенью 1915 года на фронте оказывались всё новые волны мобилизованных, среди которых были не только запасники, но

и ополченцы и даже «белобилетники» (мужчины, освобожденные от военной службы в мирное время). Перед командованием русской армии в полный рост встала задача патриотического воспитания вновь прибывающего пополнения...» [14, с. 10].

Однако даже при изменившихся условиях в периодических изданиях критика вопросов, связанных с назначением и выдачей казенных пайков, встречалась довольно редко. Поскольку эти проблемы носили ярко выраженный резонансный характер, военная цензура строго следила за их освещением в печати, не допуская излишнего обострения обстановки и препятствуя развитию недовольства со стороны населения. В подтверждение тому достаточно привести один пример. Так, 24 марта 1915 г. в Москву из Чистополя (Казанская губерния) в московскую газету «Русское слово» была отправлена для публикации телеграмма следующего содержания: «Целую неделю нет казенного пособия семьям запасных. Солдатки плачут. Юнусов» [15, д. 67, л. 55]. Изъятая на почте депеша по приказанию командующего войсками округа была передана губернатору, как задержанная цензурой, для принятия последующих административных мер [15, д. 67, л. 55].

Власти, в отличие от прессы, были не склонны драматизировать ситуацию, которая и так была полна трагических событий, поэтому газеты старались давать на эту тему нейтральную информацию, хотя во многих случаях от возникавших проблем уходить не удавалось. Например, в публикации «Биржевых ведомостей», под обобщающим названием «Жены солдатские» была создана довольно удручающая картина: «Они приходят в попечительство каждый день. В своих потертых драповых пальто, в шерстяных платочках они похожи одна на другую, как две капли воды, одинаково бесцветные – молодые и старые, здоровые и больные» [16].

Говоря далее о том, что за прошедшие четыре месяца войны исчезла острота нужды первых дней, и жизнь солдаток более или менее наладилась, рассказывая о бесконечной очереди женщин, собравшихся у стола, за которым работали члены попечительства, автор публикации выбрал лишь двух из них. У одной муж служил рассыльным в типографии и получал 30 руб. в месяц. Это была небольшая заработная плата (в основном заработок работников на производстве в Петрограде составлял к началу войны 40-50 руб. – А. Г.), но жить на неё было можно. Теперь, когда муж оказался на фронте, женщина осталась одна с девочкой девяти лет на руках. Весь бюджет семьи состоял из тех двух «взрослых» казенных пайков (9 руб. 80 коп. на двоих), которые ей выдавали в попечительстве. Ещё за 4 месяца набежало несколько рублей из общественных пожертвований. Работать женщина не могла, поскольку у неё было большое сердце. В попечительство она пришла в связи с тем, что хозяин заявил ей, чтобы она с дочерью покинула съёмную квартиру.

Другая женщина, о которой рассказывала газета, являлась гражданской женой рядового, находившегося на фронте. За ней только на днях было признано право на получение пособия. До этого солдатка имела только один половинный паёк за двухлетнего мальчика, кроме которого в семье ещё была девочка 3 месяцев, но дочь по какой-то причине не включили в число получавших пособие. За все четыре месяца войны доход женщины составил всего около 15 руб. и в попечительстве ей ежедневно выдавали по бутылке молока, но поскольку маленькие дети только им и питались, то приходилось покупать ещё 2-3 бутылки в день. Кроме неё и детей в семье ещё была ее мать, работавшая прачкой и зарабатывавшая 15 руб. в месяц. За жильё семье приходилось платить 4 руб., а сама солдатка из-за детей, требовавших присмотра, не могла отлучиться на работу и даже в столовую, где попечительство раздавало бесплатные обеды [16].

В другом номере «Биржевых ведомостей» в рассказе о работе попечительства также шла речь о гражданских женах: «Мавра Волкова из нашего общежития с прозвищем Плаксу-

нья – гражданская жена запасного. За детей получает из казны. Для гражданских жен казённого пайка не полагается. Пятнадцать лет вместе, плачет Мавра. Мавра, Не плачь!.. Гражданским женам выдаётся паёк полностью из попечительства из жертвенных денег» [17].

По словам автора публикации в «Биржевых ведомостях», не одна Мавра представляла собой такое грустное зрелище: «Бабья толпа. Всё больше молодые, а есть и старые. Бледные, худые, часто с заплаканными лицами, в потертой одежде. Всё праздничное снесено в ломбарды. Каждый день мы ставим печать попечительства на десятках квитанций, чтобы спасти заложенные вещи от безвременного аукциона» [17].

В отличие от «Биржевых ведомостей», газета «Петроградский листок» смотрела с определенным оптимизмом на проблему, поместив на своих страницах курьезное заявление, которое поступило в Ялтинскую городскую управу. Один из призванных по мобилизации солдат обратился с просьбой не выдавать его жене пособие от городской управы на том основании, что жена его – «женщина здоровая, бездетная, вполне трудоспособная и свободно может добыть самостоятельно средства к жизни» [18]. Деньги, предназначенные ей городом, солдат просил отдавать раненым.

Специфической чертой газетного чтения в деревне, отмеченной современниками, было то, что почта поступала в волостное правление не чаще 1-2 раза в неделю, а оттуда верст за 15-20 доставлялась «с оказией», т. е. со случайным попутчиком непосредственно в деревню [3]. В результате газеты утрачивали основной свой смысл – быть источником оперативной информации, а крестьяне не воспринимали редакции как объект обращений со своими насущными проблемами, но к концу 1915 г. ситуация стала меняться и во многих периодических издания появились рубрики «от собственных корреспондентов».

В деревне предпочитали дешевые газеты, среди которых одно из первых мест занимал «Сельский вестник», а также московские и петроградские «Копейки» и оттиски официальных телеграмм, которые в виде небольших газеток в один лист наладили печатать в некоторых уездах.

«Сельский вестник» первоначально издавался в качестве приложения к официальному «Правительственному вестнику», выходявшему при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел, а с 1905 г. превратился в самостоятельное издание, сохранившее полуофициальный характер. В период Первой мировой войны газета уделяла заметное внимание вопросам, связанным с назначением и раздачей казенных пайков и по ее содержанию можно судить об общих тенденциях в освещении этой проблемы.

Одной из первых публикаций на эту тему в 1914 г. была небольшая заметка «Вопрос о метриках». Для получения пособия на детей жены ушедших в действующую армию должны были предоставить метрические свидетельства на каждого ребенка. Газета высказалась за бесплатную выдачу этих документов «без взыскания сборов гербового или в пользу причтов» [19, № 162. 24 июля].

Публикации газеты, рассказывавшие о жизни в деревне на протяжении всего второго полугодия 1914 г. и начала 1915 г. были полны оптимизма: «Заботы и тяготы военного времени не только не угнетают, а как будто бы вызывают особый подъем духа в населении, которое в порывах сострадания к страждущим героям войны до сих пор не останавливается ни перед какими жертвованиями на нужды действующей армии» [21, № 18. 23 января]. О существовавших проблемах в деле распределения пайков можно только судить по некоторым косвенным данным, публиковавшимся в газете. Так, 14 февраля 1915 г. встречается такая фраза: «По сведениям военного ведомства, по причине малого знакомства населения с означенным законом нередко происходят различные недоразумения» [19, № 35. 14 февраля].

«Сельский вестник» в 1915 г. ни единым словом не обмолвился об апрельских изменениях, внесенных в закон 25 июня 1912 г. относительно выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров [22], хотя их принятие предусматривало проведение специальной кампании с публичным объявлением о таких фактах населению.

В одном из августовских номеров газеты 1915 г. вдруг прозвучало признание в том, что «иногда поступают в "Сельский вестник" заявления, будто бы о неправильном или неполном оказании этой помощи (от правительства. – А. Г.). При рассмотрении таких заявлений оказывается, что они возникают вследствие недостаточного знакомства заявителей с установленными законом нормами помощи, с порядком обжалования определяемых размеров пособий и вообще в виду незнания заинтересованными лицами всех касающихся призрения действующих правил» [21, № 177. 20 августа].

В середине ноября 1915 г. в газете проявилась неуверенность в полноте государственных мер, предпринятых в отношении обеспечения семей рядовых, отправленных на фронт: «Воины, покинувшие свои семьи, и сами они, конечно, в полном праве спросить: мы берем на себя тяжкий крест войны и будем нести безропотно и сколько потребуется, но что сделало государство для облегчения нашего бремени, потому что чем больше позаботится оно о нас, тем спокойнее пойдут воины на смерть и тем вернее будет за нами победа?» [23].

Весной 1916 г. на читателей обрушился поток информации, разрушавший идиллическую картину жизни в деревне, формировавшуюся газетой на протяжении последних полутора лет. Так, в публикации под названием «Утеснение солдаток», речь шла о недоброжелательном отношении крестьян к женам нижних чинов в Костромской губернии. Побывавший после ранения на родине рядовой прислал в редакцию письмо, в котором поведал о том, что в деревне «только тем и занимаются, что нападают на солдаток, поскольку они богатые». За любую работу с них просят двойную плату, дров, которые для всех отпускаются без денег, им не дают, «а после их обращения к уряднику так стали травить, что хоть из дому не выходи» [24].

В конце марта 1916 г. в «Сельском вестнике» практически развернулась кампания против волостных попечительств. Так, в газете от 30 марта 1916 г. была помещена публикация об Одоевском уезде Тульской губернии, в котором волостные попечители раздавали пайки «лицам очень богатым, на них право не имеющим, а кто имел на них право тот не получал иногда ни копейки <...>. Обобрали разбойники... Заели совсем, – жаловались "солдатки" и "старички" призванных, потоки слез которых лились и вечерней и ранней порой у подъезда волостного правления» [25]. В одном из апрельских номеров речь вновь шла о волостных попечителях, которые «выдают крупные пайки своим приятелям или же лицам, сделавшим им подарочек, тогда как домохозяйева бедные и имеющие, безусловно, право на казённое пособие ими обходятся и остаются без пайка» [26].

В другой публикации этого же месяца речь вновь шла о распределении пособий, на сей раз в Ярославской губернии. Явившиеся к волостному старшине крестьяне жаловались на то, что им не был выдан паёк. Старшина объяснил, что он распределял пособие по спискам, представленным волостными попечителями, и посоветовал просителям, которым было более 55 лет обратиться в уездное попечительство. Тем же отцам призванных, которые были моложе 55 лет, но являлись нетрудоспособными, он рекомендовал обратиться к земскому врачу и взять свидетельство о состоянии здоровья. Просители последовали совету и узнали в уездном попечительстве, что были лишены пайка как люди материально состоятельные. Другие, нуждавшиеся в медицинском освидетельствовании, тоже потерпели неудачу, поскольку врач объяснил, что из-за обилия ходатайств такого рода он проводит осмотр только тех из крестьян

ян, которые направляются к нему из уездного попечительства [27]. Корреспондент пришел к выводу, что отцам рядовых еще долго придется добиваться желаемого результата...

Следующая апрельская публикация «Сельского вестника» расширяла круг лиц, виновных в несправедливом распределении пайков. Автор письма из Казанской губернии являлся одним из членов волостного попечительства. Он утверждал, что списки получателей пайков им и его товарищами составлялись старательно и тщательно проверялись, но, тем не менее, «неправильностей оказалось очень много». Причина заключалась в том, что волостной старшина и писарь никакого внимания на составленные попечительством списки не обращали. Лицам, значившимся в них, пособие не выдавалось, «а наоборот, выдают их богатым крестьянам, находящимся с волостными властями в приятельстве» [28].

Очередные жалобы на волостные власти были опубликованы в майском номере «Сельского вестника». Солдатки Игуменского уезда Минской губернии жаловались на волостного старшину, который удерживал у каждой из них при выдаче пайка по 15 коп. Старшина уверял, что эти деньги нужны для какого-то пожертвования, но какого именно не объяснил. Дело происходило при волостном попечителе, утверждавшем, что старшина удержал эти деньги в свою пользу. Здесь же была помещена корреспонденция из Никольского уезда Вологодской губернии, в которой сообщалось о том, что «волостные попечительства поступают неправильно, забыли Бога, назначают пособия семьям, имеющим большие деньги, есть такие, которые имеют свои лавки и получают пайки, а бедняков, у которых по несколько сыновей на войне лишают пособия» [29].

Сегодня не представляется возможным точно определить причины такой активизации внимания «Сельского вестника» весной 1916 г. к негативным тенденциям в деле распределения казенных пособий. Причины могут быть самыми неожиданными. Например, в газете мог появиться новый сотрудник, для которого данная тема была важна, и он уделял ей столь пристальное внимание. Возможно, редакция посчитала, что проблема пайков обрела в стране новое звучание и критика недостатков, связанных с их распределением, должна поощряться властями. Наконец, публикации могли быть вызваны очередной кампанией по выдаче пособий в сельской местности. Как бы там ни было, но после последней майской публикации редакция стала упорно обходить эти вопросы молчанием.

Газета вернулась к «теме пайка» только 28 января 1917 г., да и то, комментируя письмо солдатки, автор корреспонденции почти сразу оговорился: «Она также понимает, что требовать увеличения пайка от казны нельзя, может быть, и так много денег на войну идет» [30]. В целом же содержание заметки как раз и касалось проблемы размеров получаемого пособия. Муж, который ушел на войну, был единственным работником в семье, а теперь она осталась с шестью малолетними детьми при казенном пайке в 20 руб. в месяц. «При современной дороговизне, это всё равно, что ничего. Дров купить – 12 руб. в месяц, подметки на сапоги 8 руб., керосин – 50 коп. фунт и пр.» [30]. Коровы нет, молока детям в деревне найти нельзя. Солдатка также отмечала, что в таком же положении находятся многие молодые женщины, а в качестве предложения выдвигается просьба, чтобы устроить для бедных солдаток какие-нибудь доступные им заработки.

С 22 февраля 1917 г. газета «Сельский вестник» перестала выходить «сперва вследствие бывшего пожара отправочного отдела, а затем в силу чрезвычайных обстоятельств и технических затруднений» [31]. Возобновилось ее издание с новой редакцией и с новым подзаголовком «Народная газета», который вскоре изменился на «Народная газета Временного правительства». Названия оказались не простой вывеской, поскольку отражали новое в значительной мере более политизированное содержание издания. Редакция официально заявляла, что ставила своей целью «проведение в жизнь начал гражданской свободы и земского

строительства, возвещенных в декларации Временного правительства» [32]. О настойчивости газеты в проведении этой линии можно судить по одной из редких публикаций, с очевидной политической подоплекой, в которой затрагивался вопрос о пайках.

В Сасове Тамбовской губернии состоялось собрание солдаток якобы принявших единогласно резолюцию следующего содержания: «Для поддержки на фронте боеспособности, мы, солдатки, постановили бороться с дезертирами, а именно, если наши мужья покинут фронт и явится к нам без увольнительных билетов, то мы, солдатки, не щадя своих мужей и считая их изменниками Родины, обязуемся доносить об этом нашим сельским старостам и в волостные правления» [33]. Кроме того было принято решение о необходимости воздержаться от увеличения пайка, «потому, что прибавка может тяжело отразиться на государственной казне, которая и так пуста» [33]. Оптимизм июльской публикации вскоре сменился на отраженный в письмах читателей газеты беспросветный пессимизм.

«Долго ли деревня наша будет страдать от дезертиров, а казна беднеть?» – спрашивал в своем письме подписчик «Сельского вестника», не сообщивший своей фамилии «из боязни перед дезертирами». Дело было в том, что беглец с фронта проживал дома, а семья его получала казённый паёк. «А если не дают пайка, дезертир лезет к носу волостного председателя и секретаря с кулаками и тем добивается желаемого». Автор письма также отмечал, что остановить такие незаконные действия никто не осмеливается, «поскольку дезертиры друг друга поддерживают нагоняют страх...»

В другом письме речь также шла о подобных явлениях: многие солдаты, воспользовавшись отпуском или болезнью, а также отпущенные на полевые работы оставались дома и не возвращались на фронт. Семьи получали пайки, «по моему подсчету, в нашей волости наберётся несколько десятков таких солдат, на которых каждый месяц выдают более 2000 руб.» [34]. В третьем случае в момент получения пайка некоторые крестьяне заявили дезертирам: «Не хотите идти на защиту Родины, то не надо вам и пособия давать». Однако «солдаты председателя не слушают, угрожают смертью. А таких солдат много...» [34]. Поместив подборку этих писем, редакция констатировала, что в них рассматривалась одна и та же проблема, которая была характерна для разных территорий. Газета пришла к выводу, что «данное явление имеет не случайный или местный характер, а разлилось широко по всей стране, укоренилось, встречается постоянно, представляет собой не исключение, а правило» [34]. Такое неожиданное звучание обрел вопрос о пайках в новых революционных условиях. Это была последняя публикация газеты, посвященная проблемам пособий, выдаваемых государством семьям рядовых, находившихся на войне. Вскоре сама газета прекратила свое существование из-за переворота, совершенного партией большевиков.

Таким образом, государство на всех этапах войны предпринимало значительные усилия, сопряженные с расходом больших финансовых средств, в оказании помощи семьям призванных на войну. От периодической печати в этих условиях требовалось содействие в тех случаях, когда непростое дело массовой социальной помощи населению сталкивалось с непредвиденными препятствиями. Насущной проблемой являлось обобщение первого полученного опыта, выявление проявившихся недостатков и поиск путей к устранению их вызвавших причин. Однако при этом средства печати сталкивались с практически неразрешимой проблемой. Выявленные недостатки в деле оказания помощи требовали широкого освещения с тем, чтобы предотвратить их распространение на других территориях. Предание же гласности этих вопросов грозило, по мнению властей, формированию негативного климата вокруг распределения государством денежных пособий среди населения. Значительные средства, направленные на благое дело и призванные умиротворить солдат, находившихся на фронте, могли привести к совершенно противоположному результату. Поэтому прессе при-

ходило действовать в условиях все более ужесточавшейся военной цензуры, активно вмешивавшейся в попытки анализа возникавших проблем. В результате, столичная печать уже после первых публикаций на злободневную, но довольно рискованную, находившуюся «на грани цензурных запретов» [35, с. 67] тему государственной поддержки семей рядовых, старалась придерживаться взвешенных и осторожных оценок, сохраняя за собой право эмоционального воздействия на читателей при описании деятельности городских и волостных попечительств.

Еще одной отличительной чертой в освещении в прессе проблемы призрения семей военнослужащих было то, что в первые месяцы войны газеты и журналы утверждали об исчезновении в России внутренней розни, разности интересов населения и наступлении взаимного примирения и общей решимости [36, с. 334]. «Русские ведомости», «Русское слово» сообщали об оказании всем миром помощи на земельных участках призванных запасных, когда на работы являлись крестьяне даже из отдаленных деревень [36, с. 338]. Однако уже к концу 1914 г. эмоциональный подъем, наблюдавшийся в печати, сменяется на попытки критического осмысления происходившего. Судя по публикациям, основные нарушения, связанные с несправедливыми отказами в выдаче пособий, другими злоупотреблениями наблюдались главным образом в сфере деятельности волостных попечительств. К 1917 г. в публикациях газет постоянно звучало разочарование в реакции деревни буквально на все правительственные начинания. В сельской местности вновь процветало пьянство, взамен помощи семьям, воевавших на фронте, пришло равнодушие, армия окончательно оказалась отрезанной от тыла, который жил своей жизнью и все меньше интересовался продолжавшейся войной. Особенно ярко все эти тенденции проявились в эволюции газеты «Сельский вестник», которая, несмотря на неоднократную смену редакторов, отразила на своих страницах все эти тенденции.

Библиографический список

1. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914 – 1917 годов // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». Научный редактор В. Ф. Блохин. Брянск, 2016. С. 37-60.
2. Письма и сообщения. Деревня и война // Сельский вестник. 1917. № 8. 11 января.
3. Свиристелев А.А. Газеты и деревня // Сельский вестник. 1915. № 115. 3 июня.
4. Иринский. Что читает деревня? // Сельский вестник. 1915. № 264. 11 декабря.
5. Кривенко В.С. Семьи запасных // Новое время. 1914. № 13838. 20 сентября.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1.
7. «Помощь (?) Семьям в запасных» // Вечернее время. 1914. № 40683. 28 ноября.
8. От читателей. Вечернее время. (Из писем в редакцию) // Вечернее время. 1914. № 40683. 3 декабря.
9. РГИА. Ф. 1292. Оп. 7.
10. Дело земского начальника // Речь. 1914. № 344. 20 декабря.
11. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 8 января 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Февраль-март. Выпуск четвертый. С. 27-28.
12. Внутренние известия. «Человеческие документы». Курск (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1915. № 13948. 10 января.
13. Правда ли? // Орел. 1914.
14. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 3.

16. Лерин В. Жены солдатские // Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.
17. Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14368. 12 сентября.
18. Не жене, а раненым // Петроградский листок. 1914. № 263. 25 сентября.
19. Сельский вестник. 1914.
20. Настроение деревни и прибытие раненых // Сельский вестник. 1915. № 18. 23 января.
21. Сельский вестник. 1915.
22. Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.
23. Борис Филатович. Воину и его семье // Сельский вестник. 1915. № 145. 18 ноября.
24. Утеснение солдаток. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 71. 29 марта.
25. Письма и сообщения. Из Одоевского уезда. Наблюдения и заметки // Сельский вестник. 1916. № 72. 30 марта.
26. Недобросовестность волостных попечителей. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 82. 16 апреля.
27. По России. О распределении пайков. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916.
28. Волостные попечительства и волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 88. 22 апреля.
29. По России. Жалобы на волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 98. 6 мая.
30. Пожелания небогатой солдатки. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1917. № 23. 28 января.
31. От редакции // Сельский вестник. 1917. № 42. 21 марта.
32. От конторы газеты «Сельский вестник» // Сельский вестник. 1917. № 112. 24 июня.
33. Решение солдаток // Сельский вестник. 1917. № 126. 14 июля.
34. Письма наших читателей // Сельский вестник. 1917. № 204. 22 октября.
35. Алфёрова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63-84.
36. Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. Сентябрь. С. 333-342.

Сведения об авторе:

Грудина Алексей Дмитриевич, аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. Россия, 241035, Брянск, ул. Бежицкая, 14.

Методология истории

УДК 930.24

Н. Л. Кузнецов

13 ДНЕЙ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП (К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ)

Аннотация. В статье рассматривается хронологический стереотип перевода дат из юлианского в григорианский календарь по формуле «дата юлианского календаря плюс 13 дней», которая применяется в качестве некоей константы к любому веку, в действительности относясь только (упрощённо говоря) к 20 и 21 векам. Поскольку хронологические параметры факта имеют конкретно-исторический характер (выражающийся в неразрывной связи факта и времени его свершения), то и вся их необходимая совокупность, воплощённая в понятии «дата» (век, год, месяц, число месяца, день недели, а равно и числовая календарная разница), в отношении данного факта в рамках данной календарной системы (юлианской или григорианской) является неизменной.

Ключевые слова: хронология, стереотип, история, факт, дата, данные, юлианский календарь, григорианский календарь, числовое значение календарной разницы, полнота хронологических параметров, историческая связь факта и времени его свершения.

Kuznetsov N. L. 13 days as chronological stereotype (towards the problem of historical facts dating)

Summary. The article deals with the chronological stereotype of dates translation from the Julian calendar to the Gregorian one by a formula «date of the Julian calendar plus 13 days», which is attached as a constancy to any century, but in fact belongs only (simplistically speaking) to the 20th and 21st centuries. Since chronological parameters of a fact have concrete historical nature (expressed in the inseparable connection of the fact and the time of its accomplishment), so their entire necessary aggregate, embodied in the concept of date (century, year, month, day of month, name of the day of the week, as well as numerical calendar difference), in relation to the given fact within the framework of the given calendar system (Gregorian or Julian) is unchangeable.

Keywords: chronology, stereotype, history, fact, date, data, julian calendar, gregorian calendar, numerical value of calendar difference, completeness of chronological parameters, historical connection of the fact and the time of its accomplishment (realization).

Стереотип¹ научного знания представляет собой устойчивый образ, который складывается на основе того или иного первичного факта, принимаемого за образец без критики и анализа, и в дальнейшем механически применяется для обозначения любого другого факта. (Таково, например, применение понятия *царь* к первым векам истории Рима; понятия *Америка* к объединённым государствам в Северной части континента *Америка* (САСШ, USA); понятия *индейцы* (англ. *Indians*) к коренным жителям континента *Америка*; понятия *Александрийский столп* к Александровской колонне в Санкт-Петербурге, понятия *триумвират* для обозначения коллектива, состоящего из трёх женщин; понятия *диалог* для обозначения разговора только двух человек, и т. п.)

Всеобщая распространённость и внешняя доступность хронологических параметров порождают привычку воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, как элемент повседневности, вечный и неизменный. Результатом такого восприятия являются хронологические стереотипы, широко распространённые в обыденном сознании, в популярной литературе, присутствующие и в научных исследованиях.

¹ Греч.: στερεός – твёрдый, жёсткий и ὁ τύπος – форма, образец.

Попробуем рассмотреть и охарактеризовать один из них, внешняя сторона которого знакома, пожалуй, всем и каждому. (В приводимых нами цитатах текст источника (включая шрифтовые выделения и отсутствие буквы ё) сохранён; наши уточнения и комментарии даны в квадратных скобках, а акцентированные нами стереотипные хронологические позиции выделены подчёркиванием.)

Если не принимать во внимание *отождествление одноимённых дат юлианского и григорианского календарей* (следствие обиходного неразличения двух систем счёта годового времени), то едва ли не общепринятой, повсеместно прилагаемой к любому веку, схемой перевода любой даты из юлианского в григорианский календарь можно смело считать формулу: «*дата юлианского календаря плюс 13 дней*». Этот стереотип (назовём его *стереотип 13-ти дней*), с его вполне научной внешностью, занимает подобающее место в ряду хронологических стереотипов. (Следует отметить, что в данном и ему подобных случаях устоявшийся термин *день* употребляется для обозначения всего периода времени, выражаемого в русском языке словом *сутки* – понятием, отсутствующим в большинстве других европейских языков и обозначающим единство, формально говоря, четырёх подразделений этого периода: *ночи, утра, дня и вечера*).

В основе формулы стереотипа «13-ти дней» лежит представление о числовом значении календарной разницы между юлианской календарной системой (ЮКС) и григорианской календарной системой (ГКС) в пользу ГКС как о величине неизменной, выражаемой постоянным показателем *13 суток* в пользу ГКС, – представление, возводящее таким образом в ранг универсальной тринадцатисуточной числовую календарную разницу между ЮКС и ГКС, в действительности относящуюся только (упрощённо говоря) к 20 и 21 векам.

Примерам несть числа; диапазон – от популярных повествований до законодательных актов.

В статье об истории гидрометеорологической службы России говорится: «13 (26) апреля 1834 года в Санкт-Петербурге при Горном институте Указом Императора Николая I была создана Нормальная магнитно-метеорологическая обсерватория.» [9]

Говоря о дне иконы Казанской Божией Матери, общецерковное празднование которого («во всѣхъ городахъ по вся годы» [5]) было установлено царём Алексеем Михайловичем на 22 октября в 1649 году, автор, без комментариев, прописывает даты следующим образом: «день Казанской Богоматери отмечается **22 октября** (т.е. 4 ноября нового стиля для XX и XXI веков) **по старому стилю. Празднование дня 22 октября в день 4 ноября** [по григорианскому календарю – Н. К.] **является празднованием по Юлианскому календарю (старому стилю).**» [16]

Вплоть до 2018 года из десяти дат, установленных Федеральным законом РФ «О днях воинской славы и памятных датах России» [4] в российском годовом календаре ГКС на 20 и 21 века для празднования событий, произошедших в российской истории до 28 февраля (включительно) 1900 года по григорианскому календарю, девять дат были переведены согласно этой формуле. В результате только одна дата по своим хронологическим параметрам соответствовала действительной (изначальной) исторической дате события. Это дата победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении – 07 июля 1770 г., суббота, по григорианскому календарю (ГК), соответствующая дате 26 июня 1770 г., суббота, по юлианскому календарю (ЮК).

3 августа 2018 г. статья 1.1. «Памятные даты России» рассматриваемого ФЗ была дополнена ещё одной памятной датой – «19 апреля – День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи (1783 год)» [1] –, ставшей второй датой, корректно переведённой из ЮК в ГК и соответствующей историческому времени названного события (дата 19 апреля

1783 г., суббота, по ГК, соответствующая дате 08 апреля 1783 г., суббота, по ЮК). Но как в сопроводительных документах, так и в периодической печати хронологические данные этого события без комментариев прописываются в виде, лишённом исторической формы: «принятие 19 апреля 1783 года Крыма под защиту Российской империи [...] стало легитимной формой вхождения Крыма в состав России»; новая памятная дата «позволит привлечь внимание к [...] принятию 19 апреля 1783 года Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи, месту и роли в этом выдающемся событии Великой императрицы Екатерины II» [15]. Между тем, заглянув в Полное Собрание Законов Российской Империи, мы можем убедиться, что соответствующий Манифест Екатерины II датирован 8 апреля по действовавшему в России 1783 года юлианскому календарю... [2, с. 897]

Есть практика приложения этого стереотипа непосредственно к датировке событий, происходивших в эпоху действия юлианского календаря, имеющая своим результатом уже не *псевдосоответственный перевод* даты, а *псевдоэквивалентную замену* правильной юлианской даты неправильной григорианской датой. В статье, посвящённой I съезду РСДРП, проходившему в Минске с 01 по 03 марта 1898 г., события описаны так: «Ровно век назад девять политизированных граждан бурлящей Российской Империи тихим вечером собрались в не менее тихой минской квартире. То было раннею весной – 14 марта 1898 года.» [11, с. 3]

Дополняет картину механического применения числовой календарной разницы не столь уж, пожалуй, неожиданное использование её в обратном порядке – в пользу юлианского календаря: «Крещение, или Святое богоявление, – последний день Святков, самого шумного, веселого и любимого праздника на Руси, который начинается в Рождество 25 декабря (или 7 января по старому стилю), а кончается 6 (19) января.» [19, с. 14] Или о 150-лети (январь 2016 г.) публикации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в журнале «Русский век» (1866 г.): «Номер вышел 16 января (29-го по ст. стилю).» [20, с. 12]

Причина нарушения исторического соответствия дат при их взаимном переводе заключается в том, что обе присутствующие позиции – и внешне неизменная *датировка данного факта* в ЮКС (при реальном сдвиге календарного времени относительно времени астрономического), и *числовая разница между ЮКС и ГКС* (13 суток), соответствующая этой датировке в (говоря упрощённо) 20 и 21 веках, – воспринимаются как некие *константы*. Между тем в астрономической реальности оба этих хронологических параметра отнюдь не являются постоянными и подвержены изменению. При всей внешней неизменности *датировки данного факта* в ЮКС дни, обозначенные числами месяца в датах годовых календарей каждого следующего века, уже не соответствуют дням, обозначенным теми же числами месяца в датах века, ему предшествующего (отставание времени ЮКС от реального астрономического времени составляет 1 сутки за 128 лет).¹ В отношении же ГКС это увеличивающееся календарно-астрономическое расхождение проявляется в возрастающей *числовой разнице между ЮКС и ГКС в пользу ГКС*. И здесь необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство: каждое значение этой разницы, достигнутое с течением астрономического времени, действует только в пределах данного периода календарного времени (условно говоря, одного века для «невисокосных» столетий ГК; двух веков для пары «високосное» – «невисокосное» столетия ГК) – и обратного действия не имеет².

¹ Астрономические основы календарных систем изложены в специальной литературе. [См., например: 8; 10; 12; 17; 18.]

² Приложение 13-суточной разницы ко времени, предшествующему её достижению, есть некорректный случай применения (предложим такой термин) *ретрохронострофии*, т.е. перемещения факта во время, предшествующее его свершению.

Впрочем, сам по себе взаимный перевод дат ЮК и ГК неизменной 13-суточной числовой разницей является актом сугубо автоматическим. Гораздо более показательны комментарии и пояснения, приводимые авторами публикаций в весьма распространённых случаях смешанно-компромиссных вариантов стереотипа «неизменной 13-дневной разницы», представляющих собой сосуществование этого стереотипа с правильным порядком перевода даты (в толковательно-теоретической форме) из одного календаря в другой и ярко демонстрирующих обязательность полноты хронологических параметров в исследуемых хронологических данных.

Приведём три, по необходимости пространные, цитаты, демонстрирующие такого рода практику применения рассматриваемой числовой календарной разницы.

1) Автор статьи, посвящённой 275-летию со дня смерти императора Петра I, пишет: «Вчера [08 февраля 2000 г. – *Н. К.*] в Петропавловском соборе поминали Петра Первого. [...] На рассвете 28 января 1725 года царь скончался... [...] Осталось только невыясненным, почему годовщину со дня смерти самодержца отмечали именно восьмого февраля. Ведь если к известной исторической дате 28 января по старому стилю прибавить положенные в нынешнем веке тринадцать дней для перевода на новый стиль, получится, что день памяти основателя Петербурга нам предстоит отмечать только завтра [10 февраля 2000 г. – *Н. К.*].» [13, с.2]

2) Вопрос читателя: «*Я как-то услышал, что В. И. Ленин родился вовсе не 22 апреля, как мы знали всегда. Так когда же все-таки родился вождь?*»

Ответ историка: «Дело в том, что Владимир Ильич родился 10 апреля в прошлом [19-м – *Н. К.*] веке, по российскому, юлианскому календарю. По европейскому [так у автора – *Н. К.*], григорианскому, это действительно было 22-е, поскольку календари отличались тогда между собою на 12 дней.

С первого дня двадцатого столетия¹ разница увеличилась на одни сутки и стала составлять 13 дней (составляет и сейчас, что можно увидеть, заглянув в православный календарь, продолжающий оставаться юлианским). Если сложить 12 + 1 и определить день рождения Владимира Ильича в этом веке по григорианскому исчислению [так у автора – *Н. К.*], с учетом поправки, получится 23 апреля. Сам вождь отмечал свой день рождения 23-го!

Метаморфоза с датой произошла позже, в 30-е годы, и можно только предполагать, почему... После смерти Ленина все, связанное с его именем, высшие иерархи партии превратили в неприкасаемую святыню, трогать которую без особого повеления категорически воспрещалось. Однако в биографии Владимира Ильича черным по белому значилось: «родился 10 (22) апреля» (по прошлому веку!). В какой-то момент кто-то из партийных бонз, скорее всего лично товарищ Сталин, углядел непонятное для него несоответствие и дал указание вернуться к устаревшей дате. Так по привычке и празднуем день рождения вождя пролетариата – досрочно...» [6, с. 24]

3) Хронологический комментарий к «Дню народного единства» трактует вопрос следующим образом: «В нынешнем, XXI веке, как и в прошедшем XX, день 22 октября Юлианского календаря (старого стиля) **соответствует** дню 4 ноября в Григорианском календаре (новом стиле) (разница – 13 дней). В XIX веке, например, этот день соответствовал бы дню 3

¹ Попутно заметим, что эта фраза отражает ещё один хронологический стереотип, относящий момент увеличения числовой календарной разницы между ЮКС и ГКС к *первому (в современном понимании) дню столетия, т. е. к 01 января ГК*, в то время как эта разница (в ретро-формате – начиная со 2 века от Р. Х.) увеличивается на 1 сутки в пользу ГКС с *01 марта ГК последнего года каждого столетия* (за исключением таковых годов с числом сотен, кратным 4) и действует на протяжении всего следующего столетия до 28 февраля ГК (включительно) последнего года этого столетия (также за исключением годов с числом сотен, кратным 4).

ноября Григорианского календаря (разница – 12 дней), а в XVIII – 2 ноября (разница – 11 дней). [...] Для того, чтобы **перевести** дату Юлианского календаря на Григорианский, нужно прибавить определённое число дней в зависимости от века, в котором произошло то или иное событие. Если переводить даты 1612 г. со старого стиля на новый, то следует прибавлять **10 дней**, поскольку эти события относятся к XVII веку. Таким образом, при **переведе** даты старого стиля на новый для 22 октября 1612 г. (старого стиля) мы получаем **1 ноября** 1612 г. (разница – 10 дней). Следовательно, **по новому стилю (т.е. по Григорианскому календарю) освобождение Китай-города произошло 1 ноября.»**

Абсолютно верно. И вдруг:

«Освобождение же Кремля произошло **26 октября по старому стилю (по Юлианскому календарю, а в Григорианском календаре этому числу для XX и XXI вв. соответствует 8 ноября)** или **5 ноября по новому стилю (по Григорианскому календарю)**. В первом случае мы дату старого стиля **соотносим** с новым стилем, во втором – **переводим**¹ на новый стиль. [...] День **26 октября по старому стилю (Юлианскому календарю) приходится на 8 ноября** нового стиля (Григорианского календаря), а **по новому стилю (Григорианскому календарю) – на 5 ноября.»** [16] (??? – Н. К.)

Очевидно, что в разъяснениях, приводимых авторами, даже в случае правильной трактовки и правильного использования временного параметра – возрастающей (в прямом порядке счёта времени) числовой календарной разницы (разницы в числах месяца) между датами ЮК и ГК в пользу ГК – совершенно упущен из виду *исторический характер взаимосвязи времени и факта*, вследствие чего 13-суточная числовая разница ЮК и ГК приобретает функцию константы.

Исторический же характер связи времени с фактом воплощён в понятии *дата*², которым обозначается необходимая совокупность, необходимая полнота хронологических параметров (компонентов), обязательных для точной временной фиксации факта. Отсутствие такой их совокупности, неполнота хронологического изображения позволяют толковать отдельные компоненты даты вполне произвольно, в отрыве этих компонентов от исторической реальности соответствующего факта.

Именно это происходит в рассмотренных – и во многих аналогичных – случаях. Представляемые факты фиксируются только *двумя* хронологическими параметрами – из *трёх*, обязательных и минимально необходимых для точной идентификации факта – *числом месяца и названием месяца* – при забвении (или ошибочном изменении) *века (выражаемого порядковым номером года)*. Как следствие этого, вычисления, производимые без учёта исторической принадлежности хронологизируемых событий к веку (году), дают результат, верный арифметически и неверный исторически.

Хронологические параметры факта имеют не абстрактно-календарный, а конкретно-исторический характер, выражающийся в неразрывной и неизменной связи *факта и времени его свершения*. Эта связь фиксируется в рамках конкретной календарной системы конкретной датой конкретного годового календаря – датой, могущей быть соотнесённой с конкретной же датой любого другого календаря – на основе применения соотносительных параметров календарных систем (здесь: числовой календарной разницы между ЮКС и ГКС), происходящих именно на момент свершения факта. Вся необходимая совокупность хронологиче-

¹ Автор не определяет действия или понятия, выражаемые словами *соотносим* и *переводим*. Если же говорить о переводе даты из календаря в календарь, то этот *перевод* как раз и означает установление правильного *соотношения* аналогичных позиций ЮК и ГК. – Н. К.

² Дата – из лат. *data* (им.пад. мн.ч. страд. прич. прош. вр. ср. р. *datum* – данное; *то, что дано*) – данные.

ских параметров, воплощённая в понятии «дата» (*век, год, месяц, число месяца, день недели, а равно и числовая календарная разница*), в отношении данного факта в рамках данной календарной системы (юлианской или григорианской) является неизменной. Следовательно, какими бы хронологическими параметрами той или иной календарной системы ни обозначался факт – каждый из этих параметров останется закреплённым за *данным* фактом в *данной* календарной системе в неизменном виде навсегда.

Разумеется, в жизненно-повседневной или, напротив, в особой, традиционной, исторически сложившейся практике *дата празднования* того или иного события может определяться более или менее свободно – вне зависимости от *фактической, исторической даты* этого события.

Так, празднование дня создания Московского университета приурочено ко дню св. Татианы Римской в его, так сказать, *современных* григорианских календарных параметрах (то есть к 25 января). Пример разъяснения: «Дата празднования Дня рождения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова приходится в 2019 году на 25 января. [...] Открытие Московского университета состоялось в 1755 году. Приказ [! – Н. К.] о создании учебного заведения российская матушка-императрица Елизавета подписала 12 января того же года. В связи с переходом с юлианского календаря на григорианский этот день сместился на 25 число.» [7]

Даты же нормативных документов о создании Московского университета, утверждённых и изданных императрицей Елизаветой Петровной в 1755 году, таковы: 12 января ЮК (23 января ГК): «*Высочайше утвержденный проэктъ объ учрежденіи Московскаго Университета*» [3, с. 287]; 24 января ЮК (04 февраля ГК): «*Именной. Обь учрежденіи Московскаго Университета и двухъ Гимназій. Съ приложеніемъ Высочайше утвержденного проэкта по сему предмету.*» [3, с. 284]

На 12 января ЮК в христианской истории приходится день поминаения св. Татианы Римской, принявшей мученическую смерть за веру 12 января 226 года (в летосчислении от Рождества Христова; по действовавшему в Римской империи юлианскому календарю). Российская церковно-каноническая традиция (также, впрочем, как и гражданская) эту юлианскую дату в дату григорианскую переводит, не вдаваясь в аналитику, числовой календарной разницей *века празднования* этого события, а не *века свершения* самого события. В результате вместо фиксированного исторического соотношения юлианской и григорианской дат реального события 3-го века (а для 3-го века числовая разница календарей (ретрохронострофически) составляет 0 (ноль) суток и, таким образом, дата ЮК и дата ГК совпадают – 12 января) происходит постоянное, от века к веку, возрастание числового значения григорианской даты, достигшей в 20 и 21 веках параметров 25 января, каковые на 13 суток отстают от действительной исторической даты.

Такой подход вынуждает авторов исторических описаний оперировать датами, взаимосвязь которых остаётся поистине загадкой: «Указ о создании университета был подписан императрицей Елизаветой Петровной 24 января (4 февраля) 1755 года. В память о дне подписания указа ежегодно в университете отмечается Татьянин день (12 января по юлианскому календарю, по григорианскому календарю в XX – XXI веках – 25 января) [? – Н. К.].» [14]

Как явствует из приведённого примера, Русская православная церковь, пользующаяся юлианским календарём, равным образом относит дни празднования событий церковной истории к тем или иным датам календаря григорианского, применяя 13-суточную календарную разницу ЮК и ГК, что, повторим, никак не означает соответствия установленных таким образом знаменательных дней действительным датам самих отмечаемых событий. Не затрагивая сложившуюся, следующую традиции каноническую систему, скажем только, что повсе-

местное применение 13-суточной календарной разницы ЮК и ГК механически приписывает к 20 и 21 векам многообразные события, свершившиеся в разные времена, изымая, таким образом, эти события из их *исторической реальности*, важнейшим компонентом которой, кроме *пространства*, является *время*, воплощаемое в искусстве его счёта, в хронологии.

Поэтому в историческом аспекте речь идёт не о степени совершенства той или иной календарной системы (в абсолютном виде и не достижимого), а о реальности сосуществования двух календарных систем и глобального применения их для счёта времени и хронологической фиксации фактов; о возможно большей, максимально приближенной к действительности, исторической точности такой фиксации данными каждой из систем – точности, выражающейся, в частности, в последовательном взаимном соответствии упомянутых данных. Такое соответствие следует понимать как закономерность, неотъемлемо присущую отношениям юлианской и григорианской календарных систем.

Библиографический список

1. О внесении изменений в статью 1.1. Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»: Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 336-ФЗ»: Принят Государственной Думой 24 июля 2018 года. Одобрен Советом Федерации 28 июля 2018 года. // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71905592/> (дата обращения: 19.10.2018).
2. О принятии полуострова Крымскаго, острова Тамана и всей Кубанской стороны, подъ Россійскую Державу: 15.708: Апрель 8. Манифестъ // Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи. Т. XXI. 1781–1783. – СПб.: Тип. II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830. – С. 897–898.
3. Объ учрежденіи Московскаго Университета и двухъ Гимназій. Съ приложеніемъ Высочайше утвержденнаго проэкта по сему предмету: 10.346: Генваря 24. Именной // Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Т. XIV. 1754–1757. – СПб.: Тип. II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830. – С. 284–294.
4. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». С изменениями и дополнениями от: 22 августа, 29 декабря 2004 г., 21 июля 2005 г., 15 апреля 2006 г., 28 февраля, 24 октября 2007 г., 10 апреля 2009 г., 31 мая, 23 июля, 29 ноября 2010 г., 1 апреля, 27 июня, 10 июля, 30 декабря 2012 г., 2 ноября 2013 г., 4 ноября, 1 декабря 2014 г., 3 августа 2018 г. Принят Государственной Думой 10 февраля 1995 года. Одобрен Советом Федерации. // URL: <http://base.garant.ru/1518352/> (дата обращения: 19.10.2018).
5. *Булгаковъ С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства. – Изд. третье, испр. и доп. – Киевъ: Типографія Києво-Печерской Успенской Лавры, 1913. – 1794 с.
6. Вопрос – ответ (Г.Сулименко, Омск – Евгений Данилов) // Аргументы и факты, 1995, №16 – С.24.
7. День рождения МГУ. // URL: <https://my-calend.ru/holidays/den-rozhdeniya-mgu> (дата обращения: 19.11.2018).
8. *Ермолаев И. П.* Историческая хронология. Учебное пособие для студентов исторических факультетов университетов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. – 249 с.
9. История Гидрометслужбы. // URL: http://meteo.ucoz.ru/index/istorija_gidrometsluzhby/0-37 (дата обращения: 15.01.2016).
10. *Каменцева Е. И.* Хронология. Учебное пособие для студентов вузов. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 160 с.
11. *Кантор Юлия.* Правнуки РСДРП делят наследство. // Невское время, 17 марта 1998 г., вторник. – С. 3.
12. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. – 3-е изд. – М.: Наука, 1990. – 320 с.
13. *Морозова Виктория.* Царь с мозолями на руках. // Смена, 9 февраля 2000 г., среда, № 26 (22531). – С. 2.

14. Московский государственный университет. // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 26.02.2018).
15. Путин утвердил закон о Дне принятия Крыма в состав Российской империи. // ТАСС, 3 августа 2018; 18.22. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/5427851> (дата обращения: 04.10.2018).
16. *Пчелов Е.В.* Хронологический комментарий к «Дню народного единства» // URL: <http://kogni.ru/text/time4.htm> (дата обращения: 19.10.2018).
17. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. – 3-е изд. – М.: Наука, Главная редакция физ-мат. лит-ры, 1977. – 224 с.
18. *Сюзюмов М. Я.* Хронология всеобщая. Пособие к практ. занятиям для студентов. – [3-е, перераб. изд.] – Свердловск: МВ и ССО РСФСР; Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1971. – 97 с.
19. *Шелаева Алла.* «Раз в крещенский вечерок...». // Час пик, 5 января 1994 г., среда, № 1(201). – С.14.
- 20 16 января. 150 лет роману «Преступление и наказание». // Метро, С.-Петербург, 25 декабря 2015 г., пятница, № 243 (3337). – С. 12.

Сведения об авторе

Кузнецов Николай Львович, кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербург;
primcom@yandex.ru

Политическая история

УДК 94(73)"1783/1850"

В.В. Прилуцкий

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ РЕСПУБЛИК И КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА КОЛОНИЗИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции».

Аннотация: В статье рассмотрен внешнеполитический курс США и их отношение к попыткам создания новых независимых республик и квазигосударств на осваиваемых землях Запада. Республика Вермонт, Нейтральная земля, Западная Флорида, Мадавака, Временное правительство Орегона, суверенный Техас, Калифорнийская республика, мормонское государство Дезерет оставили заметный след в истории американской территориальной экспансии.

Ключевые слова: внешняя политика США в конце XVIII – середине XIX вв.; территориальная экспансия США; колонизация Западной Америки; независимые республики и квазигосударства американских поселенцев.

Prilutskiy V.V. The foreign policy of the United States and the attempts to create new independent republics and quasi-States on colonized territories from the late XVIII-th to the mid-XIX-th centuries

Annotation: The article considers the US foreign policy course and their attitude to the attempts to create new independent republics and quasi-states on the developed lands of the West. The Vermont Republic, the Neutral Ground, Republic of West Florida, Madawaska, the Provisional Government of Oregon, Republic of Texas, California Republic, Mormon State of Deseret has left an appreciable trace in the history of American territorial expansion.

Keywords: foreign policy of the United States in from the late XVIII-th to the mid-XIX-th centuries; territorial expansion of the USA; the colonization of Western America; the independent republics and the quasi-States of American settlers.

В 70-летний период между окончанием Войны за независимость (1783 г.) и покупкой Гадсдена (1853 г.) в основном завершилось формирование современных границ континентальной территории США. Большую роль в экспансии на американский Запад и колонизации новых земель играло создание поселенцами новых республик, стремившихся к отделению от Англии, Испании, Мексики и вхождению в состав Америки. В 30-летний период после обретения независимости (1821-1853 гг.) Мексика потеряла почти половину своей территории, которая отошла к США.

В период Войны за независимость Соединенных Штатов (1775-1783 гг.) и в посылающие десятилетия (до 1814 г.) в стране наблюдались сепаратистские проявления. Слабость центрального правительства усиливала желание территорий и штатов рассматривать себя как самостоятельные государства или автономные политические субъекты. Возникли планы по сецессии (отделению) регионов и созданию новых независимых республик. Наиболее известными из подобных проектов стали заговоры Уилкинсона, Берра-Уилкинсона и федералистов. Заговор Уилкинсона 1787-1788 гг. представлял собой план по отделению и провоз-

глашению независимости региона Кентукки от США при поддержке Испании. Заговор Берра-Уилкинсона 1804-1807 гг. являлся попыткой захвата испанских владений за рекой Миссисипи при помощи Англии с целью создания «независимой нации» в центре и (или) на юго-западе Северной Америки, включая часть Мексики (Новой Испании). Заговоры радикально настроенных членов политической партии федералистов по отделению штатов Новой Англии от Союза имели место в 1804 г. и в 1812-1815 гг. Хартфордский конвент в декабре 1814 г. – январе 1815 г. в условиях войны с Англией выступил против политики центрального правительства, но верх на нем одержали не сепаратисты, а умеренные федералисты.

Одним из первых реально функционировавших квазигосударств стала относительно небольшая по площади и малозаселенная Республика Вермонт (Vermont Republic), существовавшая с 1777 г. по 1791 г. В документах конца XVIII в., как правило, употреблялся не термин «республика», а понятия «государство», «штат» или «содружество». Вермонтцы воспользовались территориальным спором между Нью-Йорком, Нью-Гэмпширом и канадской провинцией Квебек и образовали на их стыке самостоятельный субъект. Они приняли 8 июля 1777 г. конституцию, согласно которой запрещалось рабство, вводилось всеобщее избирательное право для мужчин и государственное финансирование школ. Во главе республики находился губернатор (генерал-капитан). Чеканилась собственная монета и действовала почтовая служба. Республика Вермонт вошла в состав США в качестве 14-го штата 4 марта 1791 г. Большинство граждан Вермонта изначально не стремились к независимости, рассматривали свое государственное образование как «вынужденную республику» и всегда выступали за тесный политический союз с остальными штатами Америки [11].

В конце XVIII в. – первой половине XIX в. существовало множество индейских союзов племен, протогосударственных образований (вождеств), «суверенных наций», «республик» и «конфедераций», с которыми Соединенные Штаты воевали, образовывали союзы, торговали, вступали в экономические отношения, заключали разного рода договоры и соглашения. Всего за период 1778-1868 гг. США заключили 371 письменный договор с индейцами, рассматривая их народы как «независимые нации». Наиболее известными из протогосударственных племенных объединений являлись Лига (Конфедерация) ирокезов (1570-1783 гг.), Западная Индейская Конфедерация (1740–1790-е гг. или 1783-1795 гг.), а также автономное правительство «Нация Чероки» (1794-1907 гг.) (в 1827-1906 гг. функционировала конституционная республика нации чероки).

Отдельно следует сказать о попытке британского авантюриста Уильяма Августа Боулза (1763-1805) создать индейское государство на землях чероки, чокто, чикасо, семинолов, криков (маскоги или мускоги) в северной части Флориды (испанская Восточная Флорида), принятой им в 1795/1797-1803 гг. Осенью 1799 г. Боулз при поддержке Англии и английских агентов официально провозгласил и создал «Государство Маскоги» (State of Muskogee) на территории северной Флориды. Главную задачу Боулз видел в противодействии расширению США на юг континента, а также в борьбе с Испанией за независимость. «Свободное государство» имело республиканское устройство, свои флаг, девиз («Свобода или смерть»), конституцию, столицу, собственную палату депутатов. Его поддерживали семинолы и часть криков. Боулз первоначально провозгласил себя «Генеральным директором и Главнокомандующим нации маскоги», а затем – «Вождем всех племен настоящего времени». Государство Маскоги имело свою армию из индейцев, «черных семинолов» (афроамериканцев, частично перенявших индейскую культуру), беглых рабов, белых пиратов и испанских дезертиров из Пенсаколы, а также собственный флот из нескольких шхун [5]. Государство Маскоги активно воевало с испанцами и находилось во враждебных отношениях с Америкой. Но в 1803 г. Боулз потерял поддержку Англии и был арестован властями Испании при участии США. Он

умер в испанской тюрьме и основанное им государство перестало существовать [12]. По другим данным Государство Маскоги продержалось во внутренних областях полуострова Флориды вплоть до 1832 г., когда началась очередная война американцев с индейцами.

Нейтральная земля (Neutral Ground) или Нейтральные земли (Нейтральная полоса, Нейтральная территория или Сабинское свободное государство) – особое территориальное образование, возникшее в спорном пограничном регионе в районе реки Сабин между владениями Испании и США в начале XIX в. (западная часть современного штата Луизиана). Территориальный спор возник после покупки американцами у Франции Луизианы в 1803 г. В 1805-1806 гг. возле реки Сабин произошли стычки и перестрелки между войсками США и Испании, но обе стороны не хотели войны и пошли на соглашение. 5 ноября 1806 г. военные власти двух стран подписали договор об образовании Нейтральной земли, которая должна была остаться незаселенной и где запрещалось иметь войска [6, р. 20–22]. Этим обстоятельством вскоре воспользовались разного рода изгои, бродяги, изгнанники, политические беженцы, авантюристы, бандиты и разбойники. Они создали на Нейтральной земле свои укрепленные пункты, организовали сеть осведомителей для противодействия официальным властям и занялись ограблением путешественников. Для подавления криминальных элементов были даже организованы совместные испано-американские военные экспедиции в 1810 г. и 1812 г. На Нейтральную территорию хлынул поток переселенцев из Америки и Новой Испании, которые могли получать как официальное разрешение на поселение, так и заниматься самозахватом земельных участков. В результате миграции из Южной Каролины, Вирджинии, Северной Каролины и некоторых юго-восточных штатов на Нейтральной земле сформировалась уникальная этническая и культурная группа смешанного расового происхождения Redbone или Redbones («красные кости»). Ее образовали потомки от браков черных и белых с примесью индейской крови [7]. По испано-американскому договору Адамса-Ониса 1819 г. о размежевании, вступившему в силу в 1821 г., Нейтральная земля потеряла особый статус и вошла полностью в состав США. Но это обстоятельство не привело в последующие десятилетия к прекращению в регионе насилия и вольницы («анархии»), которая также перешла в соседний Восточный Техас. Ярким примером «беззакония Дикого Запада» стала война 1839-1844 гг. между «регуляторами» и «модераторами» в восточной части Техаса. Она сопровождалась угоном скота, поджогом домов, убийствами, отравлениями и открытыми боевыми действиями. Длительный конфликт между двумя «фракциями» привел к гибели более 50 чел. и окончательно завершился только в 1850 г. [6, р. 157–182]

Отношения между США, с одной стороны, и Англией и Канадой, с другой, неоднократно обострялись из-за неурегулированности территориальных вопросов. Северо-восточная граница США, впервые определенная по договору 1783 г., оставалась, тем не менее, предметом острых разногласий. По договору 1794 г. уполномоченные комиссары провели демаркацию американо-британской границы, но взаимные претензии на малонаселенные местности не были урегулированы. В 1831 г. договоренности по спорным территориям были отвергнуты обеими сторонами. В череде кризисов пограничный конфликт 1837-1839 гг. являлся самым крупным и грозил перерасти в широкомасштабные военные действия.

Область Мадаваaska на стыке современных канадских провинций Нью-Брансуик, Квебек и штата Мэн являлась спорной между США и Британской Канадой в период 1783-1842 гг. С конца XVIII в. регион интенсивно заселялся франкоязычными акадийцами, которые вскоре смешались с франкофонами-квебекцами, ирландско-шотландскими колонистами и местными индейцами микмаками, составив большинство населения. Они образовали новую субэтническую группу франкоканадцев, известную как брейоны или мадаваски (около 100 тыс. чел.), проживающую в настоящее время в районах на границе между Нью-Брансуиком и

Мэном. В 1817 г. на спорной территории стали селиться американские поселенцы, обратившиеся в 1825 г. к властям Мэна с просьбой о включении в состав штата. 4 июля 1827 г. группа поселенцев подняла американский флаг (или похожий на него) и провозгласила Республику Мадаваaska [3]. Она просуществовала до ареста 25 сентября их лидера Джона Бейкера, оштрафованного британскими властями и отсидевшего больше года в тюрьме. Республику Мадаваaska (в переводе с языка алгонкинов «Земля дикобраза») можно было рассматривать в качестве эфемерного образования или курьеза, если бы этот инцидент не получил международную огласку. Он стал причиной дипломатических переговоров и возникновения впоследствии вооруженного конфликта, известного как «Арустукская война» 1838-1839 гг. Она оказалась бескровной, но все же сопровождалась перестрелками, а небоевые потери обеих сторон составили 38 чел.

Подобное Мадавааске непризнанное самопровозглашенное государство Республика индейских водных потоков (Republic of Indian Stream) существовала в 1832-1835 гг. Ее провозгласили на спорной с Нижней Канадой территории 300 американских поселенцев-пионеров, недовольных двойным налогообложением. Это была конституционная республика с избранным советом из граждан. В 1835-1836 гг. она была включена в состав штата Нью-Гэмпшир, а ее земли были признаны Британией частью США. Окончательно территориальный спор между Британией и США был урегулирован по договору Уэбстера – Ашбертона 1842 г. Устанавливалась северо-восточная граница США с Канадой. США приобрели более 50% спорной территории [10].

Приобретенные у Франции в 1803 г. территории в долине реки Миссисипи в 1804 г. были административно разделены на две части – Округ Луизиана (с 1805 г. – Территория Луизиана) и Орлеанская территория, просуществовавшие до 1812 г. Но территория Западной Флориды (которая сейчас входит в штат Луизиана) и Восточной Флориды осталась под контролем Испании. В Западной Флориде поселилось много британцев (преимущественно лоялистов-тори, покинувших США во время Войны за независимость) и американцев (в том числе земельных спекулянтов, мечтавших о захвате новых земель). 23 сентября 1810 г. повстанцы штурмом взяли испанский форт в Батон-Руж, убив двух солдат, и подняли флаг Республики Западная Флорида (Republic of West Florida) – «одинокая белая звезда» на синем поле. Он стал символом борьбы поселенцев за отделение, самоуправление, государственный суверенитет. Впоследствии использовался в качестве флага Республики Техас в 1836-1839 гг. и как раннее боевое знамя южан-конфедератов в 1861 г. Провозглашенное 26 сентября 1810 г. «Государство Флорида» имело свою конституцию, основывавшуюся на конституции США, предусматривавшую разделение на три ветви власти, наличие Сената и Палаты представителей, а также избираемого губернатора, которым стал известный американский дипломат Фулвар Скипвит. Поселенцы создали свою армию (ополчение), но в их рядах не было единства и среди них действовали агенты иностранных держав. Вскоре начались боевые действия между поборниками независимости, проамериканскими группировками, приверженцами пробританской ориентации и сторонниками Испании. Президент США Джеймс Мэдисон не признал новую республику и объявил в прокламации об ее аннексии 27 октября 1810 г. Западная Флорида была оккупирована американскими войсками 6-10 декабря и первоначально административно включена в Орлеанскую территорию. В марте 1811 г. сторонники независимости республики вновь попытались поднять восстание, но выступление было подавлено армией США. Прибрежные территории Западной Флориды были присоединены к Соединенным Штатам в 1812-1813 гг. (и впоследствии включены в состав штатов Миссисипи и Алабама) в ходе войны с Англией, союзницей которой была Испания. Немногочислен-

ные гарнизоны капитулировали, но потерю территорий испанское правительство признало только по договору 1819 г. [1]

Обширная малозаселенная территория Орегона по договорам 1818 г. и 1827 г. находилась под совместным контролем (в фактическом совладении) Англии и США. Беспокорство в США вызывала активность на Северо-Западе английской Компании Гудзонова залива, вытеснявшей Американскую пушную компанию. Президент Мартин Ван Бюрен 30 апреля 1838 г. в письме в палату представителей поставил вопрос о «правах США на территорию за Скалистыми горами». Беспокорство президента вызывала угроза «занятия» Северо-Запада «какой-либо державой» [2], в первую очередь Англией и, возможно, Россией. В ходе президентской избирательной кампании 1844 г. в США экспансионисты выдвинули лозунг «54°40' или война!». Он означал требование от Великобритании передачи США огромных северо-западных территорий вплоть до границ с русской Аляской. Поселенцы сформировали Временное правительство штата Орегон (1841/1843-1849 гг.), приняли Органические законы (конституцию) и даже начали чеканить собственные «бобровые» золотые монеты. В Орегоне имелись Верховный судья, суды низшей инстанции, а также Исполнительный комитет из 3 чел. и Законодательный комитет из 9 чел., которые в 1845 г. были заменены на губернатора и Палату представителей. Часть пионеров стремилась к созданию независимого государства, но большинство изначально выступало за интеграцию с Соединенными Штатами. В 1846 г. США добились от Британии передачи всех прав на Орегон, но пошли на компромисс, установив границу с английскими владениями по 49-й параллели. Вскоре была образована Орегонская территория, включавшая современные штаты Орегон, Вашингтон, Айдахо, часть Вайоминга и Монтаны.

Взоры американских экспансионистов с начала XIX в. были также обращены на Техас, принадлежавший Испании и ее правопреемнице – Мексике. Многочисленные авантюристы, искатели приключений, европейские иммигранты (ирландцы, французы и т.п.), скваттеры, земельные спекулянты, откровенные сухопутные пираты, «флибустьеры»-захватчики организовали вооруженные рейды и восстания в Техасе в 1806-1807 гг., 1812-1813 гг., 1818 г., 1819 г., 1821 г., 1826-1827 гг., 1832 г., 1835-1836 гг. Они получили поддержку со стороны чероки и некоторых других индейских племен, а также части местных крупных мексиканских землевладельцев и торговцев. В ходе этих событий, воспользовавшись слабостью Мексики, связанной с хаосом, постоянными государственными переворотами и гражданскими войнами, мятежники и сепаратисты провозгласили Первую Техасскую республику (апрель – август 1813 г.), Республику Фредония (декабрь 1826 г. – январь 1827 г.), Вторую Техасскую республику (1819-1821 гг.) и последнюю частично признанную Республику Техас (2 марта 1836 г. – 29 декабря 1845 г. / 19 февраля 1846 г.) [4].

В октябре 1835 г. американские колонисты подняли восстание, вошедшее в историю как «Техасская революция». В марте 1836 г. техасцы объявили о создании «независимого правительства» и заявили о выходе из Мексики, где торжествует «деспотизм» [8]. Декларация независимости Техаса была составлена по примеру Декларации независимости США. Повстанцы нанесли поражение мексиканским войскам во главе с генералом А.Л. Санта-Анной, попавшим в плен в сражении при Сан-Хасинто в апреле 1836 г. В октябре 1836 г. президентом Техасской республики стал Сэм Хьюстон. Новое государство, устроенное по примеру Америки, признали официально США, Франция, Бельгия, созданная мексиканскими сепаратистами Республика Юкатан и де-факто – Великобритания [15].

Рабовладельческая Республика Техас изначально заявляла о намерении присоединиться к США. Техасцы мечтали, изгнав индейцев, включить в свой состав не только Новую Мексику, но и обширные пустынные колонизируемые области вплоть до Тихого океана. Мекси-

канско-техасской границей стала река Рио-Гранде-дель-Норте [14, с. 200–201]. Но Соединенные Штаты длительное время не имели возможности в силу ряда внутренних и внешне-политических причин аннексировать Техас. Правительство США опасалось серьезных международных осложнений, войны с Мексикой, противодействия европейских держав, признавших суверенитет Техаса и преследовавших свои политические и экономические интересы в Мексике и Техасе. Но все же 12 апреля 1844 г. был заключен договор об аннексии с представителями Техаса [9]. 28 февраля 1845 г. Конгресс принял резолюцию об аннексии, которую впоследствии одобрил президент США. В течение года независимая Техасская республика, в которой проживали около 100 тыс. чел., была ликвидирована и включена в состав США на правах отдельного штата. Американцы обосновывали права на Техас тем обстоятельством, что его территория якобы являлась частью ранее приобретенной у Франции Луизианы.

По примеру техасских восстаний была учреждена американскими колонистами Калифорнийская республика или Республика медвежьего флага, просуществовавшая менее месяца (14 июня – 9 июля 1846 г.). Повстанцы захватили казармы мексиканцев. После ввода в Верхнюю Калифорнию американских войск в связи с началом Американо-мексиканской войны 1846-1848 гг. республика была ликвидирована, а ее территории включены в состав Соединенных Штатов.

Особая история – существование мормонского квазигосударства, первая попытка создания которого на основе поселений Святых последних дней была предпринята в Наву (Иллинойс) в 1839-1846 гг. Впоследствии, переселившись на Дальний Запад, мормоны попытались создать штат Дезерет (State of Deseret, 1849-1851 гг.). Дезерет должен был занимать всю гигантскую территорию нагорья Большой Бассейн или Великой Американской пустыни, ограниченной хребтом Сьерра-Невада, Скалистыми и Каскадными горами, с выходом к побережью Калифорнии и границе с Мексикой на юге. Мормонский план предполагал включение в состав Дезерета территории современных штатов Юта, Невада, значительной части Калифорнии и Аризоны, а также части Колорадо, Нью-Мексико, Вайоминга, Айдахо и Орегона. Однако правительство США с подозрением отнеслось к проекту религиозной организации, практиковавшей полигамию, и учредило гораздо меньшую по площади территорию Юта, которая только в 1896 г. получила права штата [13, с. 99–112, 120–126.]. Тем не менее, длительное время в Юте существовало тайное теневое правительство Святых последних дней и мормонское теократическое квазигосударство, относительно автономное от США образование (1847-1870/1872 гг. или 1847-1882/1890 гг.). Вооруженные силы мормонской церкви, выполнявшие функции территориальной милиции Юты и официально именовавшиеся «Легионом Наву», были окончательно упразднены только в 1887 г. Под давлением федерального правительства в 1890 г. была уничтожена полигамия, а мормонская церковь и мормоны начали полностью интегрироваться в американское общество.

Пример с суверенитетом описанных государственных образований и самопровозглашенных республик не являлся уникальным. В Латинской Америке в 1830–1840-е гг. сепаратистами были созданы республики Юкатан, Рио-Гранде, Сакатекас, Табаско (Мексика), Лос-Альтос (Центральная Америка), Риу-Гранди (Пиратини), Жулиана (Южная Бразилия). Эти сепаратистские движения были нацелены на отделение отдельных регионов от существующих государств. На пограничных землях рядом с Соединенными Штатами сепаратизм преследовал иную цель. Американцы, поднимая восстания на пограничье, провозглашали создание квазигосударств с тем, чтобы впоследствии объединиться с США. Существование подобных государственных образований было, как правило, кратковременным и по сути являлось формой осуществления американской территориальной экспансии.

Библиографический список:

1. Arthur S.C. The story of the West Florida Rebellion. – St. Francisville (La.), 1935. – 164 p.
2. Congressional Globe. – 25th congress. – 2nd session. – P. 352.
3. Flags in Madawaska: then and now. By David B. Martucci [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <https://web.archive.org/web/20040915090238/http://www.midcoast.com/~martucci/neva/madawask.html>. – Date of access: 10.09.2018.
4. Flags of the Mexican-American War Era [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <http://www.loeser.us/flags/mexican.html>. – Date of access: 15.09.2018.
5. McAlister L.N. William Augustus Bowles and the State of Muskogee // The Florida Historical Quarterly. – 1962. – April. – Vol. 40. – №4. – P. 317–328.
6. O'Neal B. War in East Texas: Regulators vs. Moderators. – Lufkin (Tex.): Best of East Texas Publishers, 2006. – 206 p.
7. Redbone Nation [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <http://redbonenation.com>. – Date of access: 20.09.2018.
8. Texas Declaration of Independence. March 2, 1836 // Documents of American history / Edited by H.S. Commager. – N.Y.: Appleton–Century–Crofts, 1962. – P. 282–283.
9. The Treaty of Annexation – Texas; April 12, 1844 [Electronic resource]. – Mode of access: URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/texan05.asp. – Date of access: 20.09.2018.
10. Treaty with Great Britain. August 9, 1842 // Select documents illustrative of the history of the United States 1776–1861 / Ed. by W. Macdonald. – N.Y., L.: Macmillan & Co., Ltd., 1905. – P. 335–343.
11. Van de Water F.F. The reluctant republic; Vermont, 1724–1791. – N.Y.: The John Day Company, 1941. – 344 p.
12. White D.H. The Spaniards and William Augustus Bowles in Florida, 1799–1803 // The Florida Historical Quarterly. – 1975. – October. – Vol. 54. – №2. – P. 145–155.
13. Антоненко С.Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие. – М.: ООО «Родина», 2007. – 304 с.
14. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 гг. / Под ред. Н.Н. Болховитинова, Р.Ф. Иванов, Л.М. Троицкой, А.А. Фурсенко. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 384 с.
15. Миньяр-Белоручев К. Непризнанные государства в системе международных отношений (опыт Северной Америки в XIX в.) // Власть. – 2012. – №5. – С. 166–169.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, телефон: +7-953-2729-574, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 942.080.1

А.В. Сагимбаев

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА ИНДИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В ДИСКУССИЯХ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)

Аннотация: В межвоенный период политика Великобритании в Индии не отличалась последовательностью, что отражало наличие серьёзных разногласий в данной сфере между различными группами британской политической элиты. Новый этап реформирования системы управления крупнейшей британской колонией был связан с деятельностью вице-короля лорда Ирвина в конце 1920-х гг. Ключевыми событиями, определившими данную тенденцию, стали деятельность комиссии Дж. Саймона, а также созыв конференции «круглого стола», к участию в которой были приглашены представители различных индийских политических сил. Период обсуждения законопроекта о конституционной реформе в Индии стал одним из важнейших этапов, обозначивших существенное влияние колониального фактора на политические процессы в метрополии. Наиболее серьёзные последствия он имел для ситуации внутри Консервативной партии. Партийное меньшинство, неформальным лидером которого являлся У. Черчилль, выступило категорически против предложенного правительства законопроекта, расценив его как предательство фундаментальных национальных интересов Великобритании.

Ключевые слова: Британская Индия, колониальная политика, конституционная реформа, политические дискуссии.

Sagimbaev A.V.

Drafting of the Indian Constitution in the discussions of the British political elite (first half of the 1930s).

Abstract: During the interwar period, British policy in India was not consistent, reflecting the existence of serious disagreements in this area between different groups of the British political elite. New stage of reforming the system of management of the largest British colony was connected with the activity of the Viceroy Lord Irwin at the end of the 1920s. The key events that defined this trend were the activities of the Commission of J. Simon, as well as the convening of a «round table» conference, which was attended by representatives of various Indian political forces. The period of discussion of the Bill on constitutional reform in India was one of the most important stages that marked the significant impact of the colonial factor on the political processes in the metropolis. The most serious consequences he had for the situation within the Conservative party. The party minority, whose informal leader was W. Churchill, categorically opposed the Bill proposed by the government, considering it as a betrayal of the fundamental national interests of great Britain.

Keywords: British India, colonial policy, constitutional reform, political debate.

К началу 1930-х гг. в системе англо-индийского управления наблюдалась заметная тенденция к политизации верхних эшелонов администрации, а также к постепенному сокращению числа профессиональных управленцев в её рядах [Muldoon A., 209, 4]. Практически все ведущие должности в колониальной администрации замещались на основании политического критерия, а её представители, в своём основном большинстве, принадлежали к правившей на протяжении фактически всего данного периода Консервативной партии. В результате, механизм непосредственного принятия решений, как в Лондоне, так и в самой Индии, оказался в руках узкого и достаточно гомогенного по своему составу круга людей, чьи взгляды на политику в ключевом британском владении, как правило, не выходили за рамки традиционных колониальных позиций. Восприятие ими целей своей деятельности в Индии строилось в немалой степени на устаревших социокультурных стереотипах и предрассудках. Стратегия, которую пытались осуществлять на территории полуострова Индостан в 1930-е гг. представители Консервативной партии, получила в некоторых исследованиях наименование «нео-дурбара», поскольку была ориентирована на поддержку традиционной индийской политической и экономической элиты, т. е., по сути, восходила к традиции, заложенной еще в начале XX в. лордом Кёрзоном. Однако эффективность управления Великобританией в Индии заметно снижалась на фоне кризисных тенденций, нараставших с 1920-х гг., внутри Индийской гражданской службы. Реформы, инициированные после завершения Первой ми-

ровой войны, вызывали у профессиональных чиновников британской администрации серьёзные опасения относительно своего будущего статуса. В данной связи наблюдалось определённое напряжение в отношениях Индийской гражданской службы и политического руководства Великобритании, следствием чего, как отмечали современники, являлась определённая дезорганизация отлаженного в течение предыдущих полутора веков административного механизма [Trevelyan H., 1972, 121].

Обнародование итоговых рекомендаций комиссии Дж. Саймона вызвало новую волну серьёзных политических дискуссий внутри британской политической элиты, значительная часть представителей которой рассматривали предстоящую реформу с определённой долей скепсиса. Даже у сторонников предложенного правительством проекта существовали определённые сомнения относительно конечного успеха его реализации. «Можно вполне обоснованно утверждать, - отмечал в начале 1933 г. один из активных участников подготовки реформы Челмсфорда-Монтэгю лорд Уинтертон, - что предложенная схема общеиндийской федерации носит беспрецедентный характер, и в настоящий момент не представляется возможным найти аналоги соответствующей формы правления» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276. Col. 695].

Созданный в марте 1933 г. совместный согласительный комитет двух палат британского парламента строился по принципу «эквивалентного представительства всех партий и партийных групп» » [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col. 695]. Поскольку наибольшим представительством в обеих палатах на тот момент обладала Консервативная партия, позиция консерваторов имела определяющее влияние на конечный итог дискуссий. Из 16 избранных членов комитета, 10 выразили категорическую поддержку Национального правительства и предложенного им реформаторского проекта. Как отмечалось в одном из консервативных изданий, «45% представителей комитета выразили интересы той части британцев, которые стремятся сохранить Индию для Короны и считают необходимым осторожное и постепенное проведение реформ в соответствии с положениями Акта об управлении Индией» [The Morning Post. 1933. 29th March, 6]. Вместе с тем, часть членов Палаты выступила против предложенного состава комитета, полагая, что он не в полной мере отражает разнообразие мнений, существующих в рамках фактически правившей партии [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col. 817].

По оценкам политических обозревателей на момент начала обсуждения Билля о конституционной реформе, примерно 200 из 468 представителей Консервативной партии в Палате общин не имели однозначного мнения относительно его поддержки [The most gracious speeches to Parliament. 1900-1974. Statements of Government Policy and Achievements, 1975, 386]. 43 депутата-консерватора с момента обнародования нового варианта «Белой книги» в декабре 1931 г. выступали последовательными противниками предложенных преобразований [Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963.1974. Vol. 5, 469]. В то же время, как свидетельствуют результаты дискуссий по предложенному правительством Биллю, а также другим вопросам, связанным с управлением Индией, в 1933-1934 гг., примерно 150 членов Палаты от Консервативной партии занимали неопределённую позицию и старались воздерживаться, или не участвовали в процедурах голосования [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1933), vol.87, col. 242].

Перспектива масштабной реформы, направленной на введение в ключевой британской колонии системы полного самоуправления вызвала в первой половине 1930-х гг. заметный раскол в рядах консерваторов, поставив партию на грань серьёзного кризиса. Несмотря на то, что партийное руководство в целом поддержало проект реформы, предложенный коа-

лиционному кабинету Макдональда-Болдуина, определённая часть консерваторов, за которыми закрепилось условное наименование «твердолобы», выступила категорически против предоставления Индии широкого самоуправления. Неформальным лидером и идейным вдохновителем внутрипартийной оппозиции явился У. Черчилль. Показателем отсутствия внутрипартийного единства относительно дальнейшей стратегии по управлению важнейшей частью имперской системы, явилось отсутствие чётко сформулированной позиции партии в отношении предполагаемой реформы, в ходе предвыборной кампании 1931 г. [Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2000, 267]

Вскоре после объявления о создании специального парламентского комитета в Палате общин возник т.н. «комитет обороны Индии», объединивший около 50 представителей Консервативной партии на основе неприятия курса правительства и выбранных им методов по разрешению кризиса, возникшего в крупнейшем британском владении.

17 марта 1933 г. правительством была опубликован новый вариант «Белой книги», в котором излагались базовые принципы политики в Индии. В документе подтверждалась окончательная цель реформы, связанная с заменой жёсткой административной вертикали, основанной на единоличной власти вице-короля, федеративной системой устройства, предполагавшей широкую автономию провинций и существенное расширение участия индийцев в системе управления [Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History, 2012, 191]. Итогом дискуссий в Палате общин явилась поддержка предложенного кабинетом проекта 475 голосами против 42 [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279, col. 1159]. Отражая позицию критически настроенного меньшинства в Палате, в начале апреля У. Черчилль отмечал в письме С. Хору: «С горечью и возмущением я следил за процессом, в ходе которого Вы и Болдуин в течении двух с половиной лет использовали влияние Консервативной партии и правительства Индии, чтобы парализовать или подавить сопротивление консерваторов в Англии, а также лояльных элементов в Индии ради реализации вашего плана... Убеждён, что если план «Белой книги» будет в полной мере реализован, через несколько лет нам потребуется либо эвакуация, либо повторное завоевание Индии...» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279, col. 1161]

10 апреля 1933 г. в ходе обсуждения будущего состава специального комитета, против предложенного правительством варианта в Палате общин высказалось 118 парламентариев. Несмотря на то, что предложения оппозиции были вновь отклонены, данный показатель стал максимальным за весь период обсуждения вопросов, связанных с конституционной реформой в Индии в первой половине 1930-х гг. На уровне низовых организаций Консервативной партии влияние противников правительственной политики было существенно более заметным. В конце апреля на ежегодных собраниях ассоциации консерваторов в округах Хоршем и Уэртинг программа правительства, изложенная в «Белой книге», получила поддержку всего 17 делегатов из почти 200 делегатов [Гилберт М., 2015, 552].

В апреле 1933 г. стремясь заручиться более активной парламентской поддержкой и участием в подготовке реформы, премьер-министр Р. Макдональд объявил о создании специального комитета из представителей обеих палат, который должен был выработать предложения по проекту будущей конституции Индии. Его главой предлагалось назначить обладавшего большим опытом в вопросах, связанных с индийской административной системой, лорда Линлитгоу. Данный шаг был сделан, в значительной степени, по инициативе государственного секретаря С.Хора, стремившегося консолидировать поддержку правительственной политики со стороны умеренных консерваторов [Гилберт М., 2015, 549]. В британской политической среде широкий резонанс вызвало предложение главы специальной комиссии Дж. Саймона,

который, с учётом острой внутренней ситуации в Индии, фактически поддержал мнение У. Черчилля о необходимости ограничиться на данном этапе введением самоуправления на провинциальном уровне. На этом фоне позиции критиков проекта реформы внутри Консервативной партии заметно усилились. Как отмечалось в партийных документах, их влияние было наиболее заметно во время проведения «неформальных встреч» консерваторов [Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2000, 327]. По итогам дискуссий в Национальном союзе консервативных ассоциаций, происходивших 28 февраля, правительственная политика получила минимальный за весь предыдущий период уровень поддержки, получив 189 голосов против 165 [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.629].

По мнению представителей кабинета, новый этап преобразований должен был стать логическим продолжением «постепенного конституционного прогресса, намеченного Декларацией 1917 г. и предполагающего реализацию идеи Ответственного Правительства» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.699]. Предстоящие реформы не должны были, по мысли их инициаторов, привести к ослаблению эффективности центрального и провинциального уровней индийской администрации, а также нарушать традиционные права княжеских династий. «В первую очередь, - отмечалось в одном из правительственных документов, - мы придаём большое значение включению князей в новую систему индийского правительства. Индийские княжества через своих представителей дали нам понять, что они не готовы войти в правительство, находящееся под полным контролем Уайтхолла. Для того чтобы сохранить ценную для нас поддержку князей, нам необходимо найти комплексное решение, которое учитывало бы интересы, как центральной власти, так и провинций» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.701].

Одним из ключевых моментов, связанных с утверждением планов кабинета по введению в Индии модели широкого самоуправления, явилось заседание Центрального совета Консервативной партии, состоявшееся 28 июня 1933 г. В качестве альтернативы правительственным планам на обсуждение было вынесено предложение У.Черчилля, предлагавшего ограничиться введением автономии лишь на провинциальном уровне. Несмотря на активную критику оппозиции в партийной прессе, начавшуюся почти за три месяца до партийного форума, С. Болдуин не был полностью уверен в незыблемости своих позиций и даже намекал на возможную отставку. Его опасения оказались в немалой степени оправданными, поскольку итоги голосования выявили невиданный до этого уровень оппозиционных настроений. Политика кабинета Макдональда-Болдуина получила одобрение 838 делегатов, в то время как оппозиционеры получили в свою поддержку 356 голосов [Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History, 2012, 267].

Среди той части британского истеблишмента, которая была настроена скептически в отношении возможных перспектив конституционной реформы в Индии, было распространено убеждение в слабости либеральных элементов в политической системе Индии, в связи с чем сохранение контроля Великобритании над индийской системой управления рассматривалось как абсолютно необходимый и естественный фактор сохранения относительной стабильности на полуострове Индостан.

В ходе очередных парламентских слушаний, состоявшихся 29 марта 1933 г., У. Черчилль заявил о неудаче «сомнительного и опасного эксперимента», связанного с реализацией реформы Челмсфорда-Монтэгю. Во всех сферах управления, переданных под индийский контроль, по его мнению, наблюдался очевидный упадок. «Непотизм, коррупция, неэффективность, общее ослабление всех служб, вовлечённых в данный эксперимент, - отмечал У.

Черчилль,- оказали прямое воздействие на состояние народных масс... и привели не к росту благосостояния, а к подъёму протестных настроений даже среди той части политически активных слоёв, которые изначально выступали в её поддержку»[Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5, 781]. В связи с этим он подверг критике парламентариев и, в особенности, партийных «кнутов», проявивших «пренебрежительное легкомыслие» при рассмотрении Акта об управлении Индией в 1919 г. [Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5, 781]

С точки зрения противников конституционной реформы, изменения, произошедшие в Индии после Первой мировой войны привели к росту ксенофобии и обострению традиционных этноконфессиональных противоречий «долго дремавших в период Pax Britanica»[Churchill W.S., 1932, 40]. «Планы преждевременных конституционных и политических реформ, - отмечалось в одном из публицистических произведений, - отвлекли внимание индийцев от действительно необходимых мер, связанных с экономической и административной модернизацией, которые могут реально улучшить положение индийских крестьян и рабочих»[Dangerfield G., 1935, 261]. Обострение ситуации в различных индийских провинциях связывалось с непродуманными, по мнению критиков, изменениями в системе юстиции, а также передачей части функций по управлению полицией на провинциальный уровень [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col.1037].

По настоянию двоих членов Палаты общин от Консервативной партии, а также двоих представителей Палаты лордов, входивших в Уставную комиссию были внесены изменения в часть «Белой книги», касающуюся статуса провинций и уровня их автономии. Основанием для этого явилось, в том числе, сделанное махараджей Патиалы на Конференции Круглого стола 19 января 1931 г. специальное заявление, отражавшее позицию значительной части индийских князей[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col.1037].

К тому моменту внутри руководства Консервативной партии при определённых расхождениях по техническим вопросам, сложилось общее понимание необходимости преобразований. В одном из партийных документов отмечалось «...время опеки над Индией завершилось. Представляется возможность превратить Индию в один из самоуправляющихся Доминионов Империи... В этом заключается суть нашего имперского предприятия» [Bridge C., 1986, 113-114].

Противоречия внутри Консервативной партии достигли своей кульминации в период обсуждения законопроекта о конституционной реформе в обеих палатах британского парламента. В отличие от лейбористов и либералов, которым удалось выработать в целом согласованную и единую позицию по ключевым аспектам предложенного проекта, то среди консерваторов оказалось довольно много политиков, открыто высказывавших категорическое неприятие идее о введении самоуправления в Индии. «Не является удивительным тот факт, - отмечал в одном из интервью представлявший Консервативную партию в верхней палате парламента лорд Скотт, - что Консервативная партия, а точнее говоря – настоящая Консервативная партия в немалой степени сомневается относительно необходимости принятия на себя столь сложных и обременительных обязательств... Основная часть проблем, с которыми мы столкнулись в сфере управления Индией, является принципиально неразрешимой (в рамках предложенного правительством плана преобразований – А.С.)» [The Times. 1933. 12 th March, 3].

По инициативе Центрального офиса Консервативной партии в период обсуждения проекта конституционного Билля в Великобритании было создано несколько обществ, обеспечивавших информационно-пропагандистскую поддержку основных положений предстоя-

щей реформы, изложенной в Белой книге [Blyth R J., 2003, 158]. Наиболее известным из них являлся Союз Британии и Индии, занимавшийся изданием периодических изданий, а также различного рода информационных материалов, призванных популяризировать политику правительства в отношении крупнейшей колонии.

Аналогичным образом действовали и противники предложенной реформы. У. Черчилля было инициировано создание Лиги защиты Индии, объединявшей британских политиков и общественных деятелей, рассматривавших действия правительства как угрозу национальным интересам Великобритании и предательство «традиционных принципов Британской империи» [Blyth R J., 1986, 135].

Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона. На конференции Консервативной партии, состоявшейся 7 октября 1931 г., попытка принятия резолюции, осуждавшей индийскую политику кабинета, потерпела неудачу. По мнению известного британского историка М. Гилберта, этому в немалой степени поспособствовало отсутствие на партийном форуме заболевшего У. Черчилля [Гилберт М., 2015, 542]. Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона [Гилберт М., 2015, 542].

В решениях специально созданного для согласования партийной стратегии в марте 1933 г. Индийского комитета Консервативной партии отмечалось: «Результатом Конференции «круглого стола» явилось оформление идеи об общеиндийской федерации и введении в Британской Индии конституции... Консервативная партия приветствует такое развитие событий, поскольку в его основе лежат принципы, сформулированные в рапорте комиссии Саймона, и выражает готовность к дальнейшему сотрудничеству в её реализации» [Gloucester Echo. 1933. 25th October, 1].

Позиция Лейбористской партии, формально возглавлявшей коалиционный кабинет, в отношении проекта реформы в Индии характеризовалась существенно большей степенью единства. В Целом она основывалась на решениях, принятых в 1927 г. на партийной конференции в Блэкпуле. «Лейбористская партия, - отмечалось в одном из партийных документов в 1932 г., - верит в то, что создаваемая законодательная комиссия оформит положения будущей конституции таким образом, чтобы они способствовали развитию Индии. Она должна включать положения, содержащиеся в пакте Ирвина-Ганди, отвечающие индийским интересам, а также соответствующие индийским общественным интересам» [Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2007, 228]. Руководство Лейбористской партии подтвердило приверженность данным принципам и при открытии конференции Круглого стола [Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2007, 228]. В ходе второй её сессии лейбористы, входившие в состав Национального правительства сделали специальное заявление, в котором особо подчёркивалось, что наличие в индийской административной структуре «сохранённых субъектов» наносит «ущерб продвижению Индии... к созданию полностью ответственного правительства» [Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2007, 112]. К моменту опубликования «Белой книги» и формирования Совместного комитета, позиция Лейбористской партии в отношении предстоящей реформы была, по словам одного из представителей её руководства, «ясной, недвусмысленной и направленной на достижение скорейшего прогресса» [¹ Henderson A., 1935, 100].

Один из лидеров Лейбористской партии К. Эттли отмечал в связи с этим: «С момента формирования системы британского контроля в Индии в 1857 г., сменявшие друг друга ан-

глийские правительства давали различные обещания её населению. Лейбористская партия желает, чтобы все эти обещания были выполнены. По итогам наших конференций было принципиально подтверждено право индийского населения на самоуправление и самоопределение... Основой политики Британского Правительства должно стать сотрудничество с индийцами, целью которого является скорейшее превращение Индии... в равного партнёра с остальными членами Содружества Наций»[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col. 719]. «Лейбористская партия, - по его словам, - верит в идею Комиссии по реформе, и полагает, что новая Конституция... будет основываться на принципе, содержащемся в пакте Ирвина-Ганди...»[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276, col. 719] Как отмечалось в партийных документах, «в новую Конституцию должны быть включены положения, изложенные Лейбористским правительством на конференции Круглого стола, предусматривающие, в числе прочего, передачу «резервных субъектов» в полное ведение правительства Индии»[Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933, 117]. Лейбористы, кроме того, призвали к немедленному освобождению всех политических заключённых, «не виновных в насилии» [Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933, 121]. В данной связи подчёркивалась особая роль Совместного комитета, включающего представителей обеих палат парламента.

С точки зрения лидеров Лейбористской партии, задача Великобритании в Индии сводилась к тому, чтобы «с честью выполнить данные ранее обязательства. В декларации партийной конференции, в Блэкпуле подчёркивалось, что партия «твёрдо подтверждает права индийцев ... на получение самоуправления и самоопределение, а политика Британского правительства должна основываться на укрепляющемся сотрудничестве с индийцами, конечной целью которого должно стать максимально быстро возможное превращение Индии в равноправного члена и партнёра Британского Содружества наций...»[Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933, 121]. Лейбористы исходили из необходимости строить отношения с Индией на новых принципах, обозначенных в решениях имперской конференции и декларации Бальфура 1926 г., предполагавших равный политико-правовой статус всех членов Содружества наций, а также их полную внутреннюю автономию в вопросах внутренней политики. Исходя из этого, к началу 1930-х гг. в руководстве Лейбористской партией утвердилось мнение о необходимости предоставления Индии полного права самоопределения, равного тому, которым к тому моменту обладали уже существовавшие «белые» доминионы [Worley M., 2009, 117]. Как подчёркивалось в лейбористской печати, задача предстоящей конституционной реформы заключалась в предоставлении Индии «равного статуса, равных прав и равных обязанностей с теми, какими обладают остальные члены Содружества»[The London Gazette. 1934. 27th November, 5-6].

В ходе дебатов в Палате общин, состоявшихся 10 декабря 1934 г. один из лидеров лейбористов К. Эттли сформулировал отношение к преобразованиям в Индии следующим образом: «Наша партия основывается на принципах социализма,... и при обсуждении индийской проблемы у нас неминуемо возникают разногласия, как с консерваторами, так и с либералами. Наша партия ориентируется, в первую очередь, на принципы экономической справедливости, как основу для продвижения к прогрессу и гуманизму... Мы добиваемся социальной и экономической справедливости для всех людей, вне зависимости от того, живут ли они у нас дома, или в других регионах мира. Именно с этой точки зрения необходимо характеризовать наше видение решения индийской проблемы»[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col. 403]. С точки зрения лейбористов, политико-административные преобразования в Индии должны были быть тесно связаны с ради-

кальной модернизацией её социально-экономической системы. «Фрагментация собственности, - отмечалось в одном из партийных документов, - в сочетании с ростом населения, создаёт серьёзное давление, порождающее целый комплекс сложных социальных проблем» [Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933, 137]. С точки зрения идеологов Лейбористской партии, усилия Великобритании в сфере модернизации социально-экономической структуры индийского общества являлись явно недостаточными. «Очевидным является факт, - отмечал в ходе парламентской дискуссии К. Эттли, - что по прошествии полутора столетий нашего правления, массы индийцев остаются бедными, невежественными и эксплуатируемыми. Продолжает процветать произвол со стороны крупных землевладельцев и ростовщиков, сохраняется унижение женщин и представителей низших каст. Мы осознаём свою ответственность, - подчёркивал один из представителей лейбористов в парламенте, - за то, что сохраняющееся бедственное положение жизненного уровня индийцев, является тяжелейшим бременем для нашей власти в Индии» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col.531].

Уделяя значительное внимание социально-экономическим аспектам британской политики в отношении индийских владений, лейбористы, в то же время, в немалой степени выступали продолжателями либеральной традиции в управлении Индией, делавшей акцент на развитии элементов парламентской демократии и развитии институтов самоуправления. В выступлениях партийных деятелей, а также в партийной печати часто звучал тезис о необходимости отказаться от «автократических методах правления», которыми часто пользовалась англо-индийская администрация, поскольку они «создавали угрозу восстания со стороны тех, кто находился под гнётом автократии» [Snowden P., 1934, 476]. В резюме, подготовленном для представителей партии в Палате общин в период активного обсуждения Билля о реформе в Индии осенью 1933 г. делался следующий важный вывод: «Наши попытки сохранить порядок и законность в индийских владениях Короны с помощью силы, приводят лишь к тому, что мы защищаем сложившийся там социальный порядок, который мог бы вызвать у нас шок при более нормальных обстоятельствах... В течение длительного времени мы откладывали решение проблемы, связанной с созданием в Индии системы ответственного правления. К настоящему моменту, дальнейшая отсрочка в вопросе предоставления индийцам права самим определять собственную судьбу является прямым приговором для всех нас» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col. 284]. В обосновании необходимости перехода к системе доминиона и предоставлении Индии конституционного режима правления, теоретики Лейбористской партии часто обращались к идеям классиков либеральной идеологии, подчёркивая необходимость максимально возможной интеграции индийцев в британскую систему управления [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col. 284]. Основываясь на идее ответственности британцев за развитие индийских владений, а также их «морального долга» перед их населением, лидеры лейбористов подвергали жёсткой критике позицию «твердолобых» консерваторов, обвиняя их в стремлении «принести надежды и чаяния индийцев в жертву своим мумифицированным предрассудкам» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col.531].

Достаточно быстро оформилась и официальная позиция Либеральной партии по вопросу о дальнейших реформах в Индии. В декабре 1930 г. на фоне активных дискуссий в рамках конференции Круглого стола, представители британской делегации от либеральной фракции Палаты общин сделали специальное заявление, в котором с незначительными оговорками поддержали идею создания в Индии федерального правительства. В статье корреспондента «Таймс» в Дели от 10 декабря 1931 г. отмечалось: « Одним из событий, подхлест-

нувших политические надежды в Индии и отмеченных вице-королём лордом Ирвином, явилось объявленная либеральной делегацией принципиальная готовность поддержать идею создания ответственного индийского правительства, а также федерального Законодательного собрания»[The Times. 1931. 10th December, 3]. Как отмечал в одном из парламентских выступлений представитель либеральной фракции в Палате общин, «со времён Джона Стюарта Милля основной функцией Либеральной партии являлось приобщение консерваторов к идеям либерализма»[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296, col.531].

В документе Либеральной партии, относящемся к осени 1930 г., подчёркивалось, что либералы «полностью разделяют политические ожидания индийцев относительно предоставления самоуправления, высказанные в ходе конференции Круглого стола представителями индуистов, мусульман, а также «неприкасаемых»»[Liberal Party General Election Manifestos, 1900-1997, 2000, 108]. В обоснование данной позиции в этом и других документах партии, посвящённых преобразованиям в Индии содержались многочисленные отсылки к идеям Макколея и других классиков либеральной парадигмы в отношении управления индийскими владениями [Wilson T., 1966, 77]. В ноябре 1934 г. выступая в Национальном Либеральном клубе, один из лидеров консерваторов лорд Галифакс подчеркнул необходимость сохранения традиционного диалога двух партий по вопросам индийской политики, выразив своё понимание готовности либералов «пойти на встречу ожиданиям индийцев»[Slessor A., 1944, 61].

В начале декабря 1934 г. Совместный комитет завершил обсуждение и провёл окончательное голосование по проекту Билля о конституционной реформе в Индии. Он был поддержан 21 голосом, против проголосовало шесть представителей, пятеро воздержались. Среди голосовавших против законопроекта оказались весьма влиятельные фигуры – архиепископ Кентерберийский, маркиз Риддинг, а также лорд Шелл [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95, col. 309]. В итоговом документе Совместного комитета подчёркивалось, что результаты его деятельности полностью соответствуют выводам, сделанным комиссией Саймона[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95, col. 309].

12 декабря 1934 г., в ходе очередного обсуждения проекта будущей конституции Индии, У. Черчилль заявил, что с учётом уровня социально-политической организации индийского общества «введение самоуправления будет означать лишь свободу одной части индийцев эксплуатировать другую» [Гилберт М., 2015, 574]. Тем не менее, обе Палаты британского парламента утвердили рекомендации Объединённого Совместного комитета относительно индийской конституционной реформы. Согласованные положения будущей конституции Индии были включены в текст соответствующего законопроекта [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95, col. 313]. Лорд Галифакс, представлявший Билль в Палате лордов, подчеркнул, что он явился итогом «восемнадцати месяцев сложной работы избранных представителей Комитета» [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95, col. 364]. По его словам, итоговый текст документа явился плодом усилий и результатом компромисса представителей всех трёх ключевых политических партий Великобритании[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95, col. 364]. Лейбористы и либералы, составлявшие меньшинство членов Совместного комитета, добились включения в текст законопроекта нескольких положений, связанных с гарантиями политических прав социальных и этноконфессиональных меньшинств индийского населения, а также обеспечением экономического развития индийских территорий [Judd D., 2004, 174]. В печатных изданиях лейбористов в конце 1934 г. отмечалось: «Мы

должны обеспечить самоуправление Индии таким образом, чтобы гарантировать обеспечение конституционного права сельских жителей и городской бедноты на участие в политическом управлении»[The London Gazette. 1934. 12th December, 3].

В январе 1935 г. У. Черчилль предпринял последнюю попытку внести коррективы в проект Билля по Индии, предложив, основываясь на рекомендациях комиссии Саймона, ограничить на несколько лет автономию провинциальным уровнем. В этих условиях консервативная пресса в очередной раз подвергла его действия критике, обвинив его в «подрывной активности»[Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963, 1974, vol. 5, 867]. В начале февраля оппозиция законопроекту получила дополнительный аргумент в свою пользу. Съезд индийских князей, состоявшийся в Бомбее, принял резолюцию, в которой выражалась резкая критика проекта будущего федеративного устройства Индии. Несмотря на некоторое замешательство в правительстве, попытка оппозиции снять билль с обсуждения потерпела неудачу[Copland I., 1997, 82].

11 февраля 1935 г. в ходе обсуждения во втором чтении в Палате общин билля об Индии, У. Черчилль вновь выступил против введения системы полного самоуправления, подчеркнув, что результатом этого шага станет «уничтожение прав миллионов неорганизованных индийцев и слабо представленных в политических институтах социальных меньшинств»[Гилберт М., 2015, 574]. Представлявший законопроект С. Болдуин, в свою очередь, пообещал, что британское правительство приложит максимум усилий для сохранения «власти закона и порядка» в период передачи власти индийским структурам. В итоге билль был поддержан 404 голосами против 113. В числе голосовавших против были 84 представителя Консервативной партии[Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol.298, col.152].

В 1935 г. новый Акт об управлении Индией вступил в силу. Основным итогом деятельности комиссии Саймона явилось решение о введении в Индии широкой системы самоуправления, максимально близкой к статусу доминиона, а также федеративной системы внутреннего устройства. Индийский конституционный Акт 1935 г., согласованный с представителями индийской знати, предполагал создание федерального союза из 16-ти провинций Британской Индии, за исключением Бирмы.

Принятый в августе 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией стал крупнейшим шагом в процессе реформирования британской колониальной системы в межвоенный период. Обсуждение законопроекта, как и весь ход дискуссий, связанных с ситуацией в Индии, свидетельствовал о постепенном изменении баланса между консервативным и либеральным императивами колониальной политики Великобритании в пользу последнего. Принятие Акта оказало глубокое воздействие не только на последующее политическое развитие Индии, но и существенным образом повлияло на дальнейшую эволюцию системы британского колониализма в целом. Так же как и Билль 1919 г., он явился итогом сложного компромисса интересов между различными группами британской политической элиты. Расширяя систему индийского самоуправления, Акт об управлении Индией 1935 г., в то же время, сохранял важные властные функции за англо-индийской администрацией. Тем не менее, он стал фактической основой для демонтажа многие важных элементов британского господства на полуострове Индостан, существовавших в течение предыдущих полутора столетий, создав вектор дальнейшего быстрого продвижения Индии к независимому политическому статусу.

Библиографический список

1. Гилберт М. Черчилль. Биография. М.: Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2015.

2. *Blyth R J.* The Empire of the Raj. India, Eastern Africa and the Middle East, 1858-1947. Basingstoke, N. Y.: Palgrave and Macmillan, 2003.
3. *Bridge C.* Holding India to the Empire. N. Y.: Envoy, 1986.
4. *Churchill W.S.* Thoughts and Adventures. L.: Odhams; NY: Norton, 1932.
5. *Churchill W. S.:* His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935 / Ed. by James R. R. New York and London: Chelsea House & Bowker, 1974.
6. Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000.
7. *Copland I.* The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917-1947. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
8. *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. L: Stanford University Press, 1935.
9. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012.
10. Gloucester Echo. 1933. 25th October.
11. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1933), vol.87.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95.
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276.
14. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279.
15. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280.
16. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296.
17. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol.298.
18. *Henderson A.* Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935.
19. *Judd D.* The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford University Press, 2004.
20. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007.
21. Liberal Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000.
22. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933.
23. *Muldoon A.* Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act of the Raj. Metropolitan State College of Denver, 2009.
24. *Slessor A.* A History of the Liberal Party. L.: Hutchinson, 1944.
25. *Snowden P.* An Autobiography. L.: Nicholson & Watson, 1934.
26. The London Gazette. 1934. 27th November.
27. The London Gazette. 1934. 12th December.
28. The Morning Post. 1933. 29th March.
29. The Times. 1931. 10th December.
30. The Times. 1933. 12 th March.
31. *Trevelyan H.* The Indian We Left. L., 1972.
32. *Wilson T.* The Downfall of the Liberal Party 1914-1935. L.: Collins, 1966.
33. *Worley M.* The Foundations of the British Labour Party: Identities, Cultures and Perspectives, 1900-39. Farnham: Ashgate Publishing, 2009.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

Культурная история

УДК 94(47)

Ю.П.Соловьев

ДВОРЯНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА БРЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*¹

Аннотация: Статья посвящена благотворительной деятельности русских дворян, живших на территории современной Брянской области Российской Федерации в 1-й половине XIX века. Особое внимание уделено владельцу города Почеп (в 1-й половине XIX в. принадлежавшего Мглинскому уезду Черниговской губернии) министру народного просвещения Российской Империи графу Алексею Кирилловичу Разумовскому (1748 – 1822), помещику Мглинского уезда Степану Артемьевичу Лашкевичу (1776 – 1832) и помещику Брянского уезда Орловской губернии генерал-майору Михаилу Петровичу Бахтину (1768 – 1838).

Ключевые слова: Россия. Брянская область. Российская Империя. Черниговская губерния. Мглинский уезд. Почеп. Новая Романовка. Орловская губерния. Брянский уезд. Стрешевичи. Барыше. Граф Алексей Кириллович Разумовский (1748 – 1822). Степан Артемьевич Лашкевич (1776 – 1832). Генерал-майор Михаил Петрович Бахтин (1768 – 1838). Орловский Бахтина кадетский корпус.

Solovev Yu.P. Noble charity on Bryansk region in the first half of the XIX century

Abstract: The article is devoted to the charity work of Russian nobles who lived in the territory of the modern Bryansk region of the Russian Federation in the 1st half of the XIX century. Special attention is paid to the owner of the town of Pochep (in the 1st half of the XIX century belonged to Mglinsky district Chernigov province) Minister of education of the Russian Empire, count Alexey Kirillovich Razumovsky (1748 – 1822), landlord Mglinsky district, Stepan Artemjewych Lashkevich (1776 – 1832) and the landlord of the Bryansk district of the Oryol province to Major-General Mikhail Petrovich Bakhtin (1768 – 1838).

Keywords: Russia. Bryansk region. Russian empire. Chernigov province. Mglinsky district. Pochep. Novaja Romanovka. Orel province. Bryansk district. Strashkevichi. Barise. Count Alexei Kirillovich Razumovsky (1748 – 1822). Stepan Artemjewych. Lashkevich (1776 – 1832). Major-General Mikhail Petrovich Bakhtin (1768 – 1838). Orlovsky Bakhtin cadet corps.

Русское дворянство за столетия своего существования немало потрудились на ниве благотворительности. Дворяне Брянского края не составляют здесь исключения. Конечно, главное место в благотворительных начинаниях дворян занимало храмоздательство: и по причине традиционного православного благочестия в дворянских семьях (подтверждением чему служат русские святцы, где большинство святых – люди благородного происхождения), и по особенной в некоторых случаях связи того или иного дворянского рода с определенными православными святынями (о чем разговор у нас еще будет), и по личной душевной расположенности, и для смягчения нравов местных крестьян. Последнее – не выдумка. Князь В.П.Трубецкой вспоминал, что в обустроенном его прадедом в

¹ Ранее материалы настоящей статьи были частично опубликованы автором в популярных изданиях. См.: Соловьев Ю.П. Добрые люди Брянской земли: граф Алексей Кириллович Разумовский и Михаил Петрович Бахтин // Преображение. 2015. №1-12 (37). Брянск, 2015. С.46-59; Его же. Добрые люди Брянской земли: Степан Артемьевич Лашкевич // Преображение. 2016. №1-12 (38). Брянск, 2016. С.46-55; Его же. Добрые люди Брянской земли: граф Алексей Кириллович Разумовский // Брянская тема. 2017. №6 (116). С.42-48; Его же. Добрые люди Брянской земли: Степан Артемьевич Лашкевич // Брянская тема. 2017. №9 (119). С.40-45; Его же. Добрые люди Брянской земли: Михаил Петрович Бахтин // Брянская тема. 2018. №1 (123). С.34-39.

1780-х годах херсонском имени Казацком «отсутствие церкви... способствовало огрублению нравов и морали крестьян» [110, с.510].

Стоит ли удивляться, таким образом, что из 67 храмов, действовавших в Брянском уезде Орловской губернии к 1905 г., 43 было выстроено за счет местных помещиков [117] ? А к этому числу следует прибавить несколько храмов самого уездного города Брянска, где старый Покровский собор на Покровской горе был выстроен между 1685 и 1698 г. на средства стольника Евстратия Тимофеевича Алымова [101, с.113], Введенская (святых апостолов Петра и Павла) церковь брянского Петропавловского монастыря на Петровской горе возведена в 1702 г. на средства стряпчих Петра и Фотия Саловых; в стоявшем на Набережной Спасо-Поликарповом монастыре Спасо-Преображенскую церковь в 1694 г. и Рождество-Богородицкую в 1697 г. выстроили на средства князей Даниила и Алексея Афанасьевичей Барятинских (там же и похороненных), а в 1710 г. в том же монастыре трубчевский помещик Василий Дмитриевич Подлинев построил деревянную церковь во имя святого мученика Иоанна Воина, которую в 1730 г. перестроили уже в камне брянские дворяне Петр и Никифор Тютчевы [54, с.25-26]. Введенская церковь старинного брянского Христо-Рождественского прихода (на современном бульваре Гагарина) была построена в 1767 г. также «иждивением трубчевского помещика Подлинева» [101, с.111] , а Успенская (Нижне-Никольская) церковь на Московской улице (на современной остановке общественного транспорта «Сквер Кравцова») «построена 1783 года, каменная, тщанием брянского помещика Ивана Афонасьева Гончарова» [74].

Если продолжить историю храмоздательства в тех уездах Орловской и Черниговской губерний, которые вошли в XX веке в состав Брянской области, то из 57 православных храмов, действовавших к 1905 г. в Карачевском уезде Орловской губернии, 36 были выстроены на дворянские деньги. К этому числу следует добавить 14 храмов, находившихся в уездном городе Карачеве и выстроенных, главным образом, на деньги местного купечества [50, с.3-95] . Из 54 храмов Трубчевского уезда Орловской губернии (значительные земли в этом уезде принадлежали дворцовому ведомству) не менее 18 построено помещиками [52] . В Севском уезде также значительные земли принадлежали дворцовому ведомству, которое и поощряло храмоздательство на подведомственных территориях. Тем не менее, из 69 храмов, действовавших в Севском уезде к 1903 г., минимум 22 были построены на средства помещиков. При этом 10 храмов обустроили графы Апраксины, в том числе церкви в селах Брасово, Клинское, Крупец, Литовня, Телятниково – генерал от кавалерии граф Степан Степанович Апраксин (1747 – 1827), среди благотворительских подвигов которого значится и основание смоленской губернской гимназии, смоленского кадетского корпуса и т.п. А храмы в селах Быхово, Литиж, Лобаново, Радогощ и Хлебтово построила на свои средства теща графа С.С.Апраксина, статс-дама княгиня Наталия Петровна Голицына (1741 – 1837), известная еще и как прототип пушкинской «Пиковой Дамы». Также к 1903 г. и в самом уездном городе Севске действовали 11 храмов, выстроенных, в основном, на деньги местного купечества, за исключением тюремной церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского, которую обустроили генерал Попов и барон Мейендорф [51] .

Теперь об уездах (или, как их называли в начале XIX в. на польский манер, поветах) Черниговской губернии, которые в XX в. вошли в состав Брянской области. В Мглинском уезде к 1873 г. насчитывалось 34 храма (в том числе 6 – в местечке Почепе), из которых не менее пяти были выстроены на деньги местных дворян. Сюда же следует добавить еще два из шести храмов уездного города Мглина. Один из этих храмов – Крестовоздвиженский – был сооружен в 1699 г. на средства сотника Ивана Ракушки Романовского, второй – Успенский собор – строился с 1815 г. на деньги, в основном, коллежского асессора Григория Фе-

доровича Лишина, владевшего 241 крепостным обоим полов в селах Высоком, Ельне, Шевердах и Лопазне Мглинского повета [71, с.160-161]. После смерти Лишина на завершение строительства из Императорского кабинета было прислано во Мглин 5 000 рублей ассигнациями [112, с.3-65].

В Суражском уезде из 17 храмов, действовавших к 1873 г., не менее восьми были выстроены на средства местных помещиков [112, с.66-97]. В Стародубском уезде к 1873 г. действовало 35 храмов (в том числе три в заштатном городе Погаре), из которых 12 были выстроены дворянами. В самом уездном городе Стародубе из 12 храмов 6 воздвигнуты на дворянские пожертвования: Старо-Никольский в 1691 г. и Михайловский в 1690 г. – на деньги стародубовского полковника Михаила Андреевича Миклашевского, Рождества св. Иоанна Предтечи, освященный в 1720 г. – на пожертвования стародубовского полковника и гетмана Малороссии Ивана Ильича Скоропадского; Покровский деревянный храм был построен в 1688 г. на пожертвования Тимофея Алексеевича Жоравки и возобновлен в 1852 г. Зиновием Кибальчицем; большую часть пожертвований на строительство Ново-Никольского храма, освященного в 1823 г., внес помещик Николай Андреевич Ширай; наконец, клир освященного в 1827 г. стародубского храма во имя священномученика Симеона жил на проценты с капитала, пожертвованного Василием Холодовичем [113, с.3-85].

В Новозыбковском уезде, где преобладали казаки и старообрядцы, из 28 храмов не менее трех были выстроены на средства дворян. Например, Спасо-Преображенский храм в селе Великая Топаль построил в 1780 г. местный помещик и великий русский полководец генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский [113, с.86-135].

В области внутрисословных человеческих отношений среди дворян также можно найти примеры целых благотворительных кампаний, напоминающих современные. Только вместо не существовавших в начале XIX в. телефона, интернета, телевидения или радио люди того времени использовали доступные средства массовой информации. Замечательно, что одна из подобных «благотворительных акций» была связана с Брянским краем.

В апрельском №8 за 1809 г. московского журнала «Вестник Европы», редактировавшегося тогда замечательным поэтом Василием Андреевичем Жуковским, было напечатано письмо, отправленное из Почеп (ныне райцентр Брянской области РФ) 16 марта того же 1809 г. В письме, подписанном инициалами И.Я., говорилось следующее: «Один дворянин из благородной, но бедной фамилии, служа около 30 лет в военной службе, принужден был за слабостью здоровья взять отставку. Его отставили с чином ротмистра, а за долговременную службу и раны определили ему пенсион. Сей достойный и несчастный человек не долго пользовался щедротою Монарха; приехав в местечко Почеп Черниговской губернии, занемог он чахоткою, несколько времени страдал, наконец умер; с смертью его прекратился производимый ему от казны пенсион, единственное пропитание жены и трех сыновей, из которых старшему около 10 лет. Два года это несчастное семейство живет здесь, то есть в Почепе, без родственников и друзей. Маленькая хижина, данная им одним жалостливым человеком, едва укрывает их от зноя и холода. До сего времени доставали они хлеб продажей некоторых вещей, после покойника оставшихся; но теперь и сие последнее средство истощилось, и им без помощи благодетельных людей ничего более не остается ожидать, кроме голодной смерти».

Далее анонимный автор письма обращается непосредственно к Жуковскому: «Милостивый Государь, я не знаю вас лично, но думаю, что вы имеете доброе сердце. Возьмитесь помочь этим бедным страдальцам, поместив мое письмо в вашем журнале; может быть простое, совсем неукрашенное изображение несчастия дойдет до сердца некоторых из ваших читателей. Россия богата людьми сострадательными, желающими одного только случая помогать ближнему; многие имеющие избыток захотят уделить частицу его, чтобы спасти жизнь

бедной матери, могущей умереть с голода с тремя сиротами. Если найдутся сии добрые люди и захотят вас сделать посредником своих благодеяний (Жуковский в редакторском примечании на эту просьбу ответил: «Издатель с удовольствием примет на себя эту обязанность». – Ю.С.), то вы можете адресовать свои письма в Почеп на имя М<арьи> В<асильевн>ы Б<ерингов>ой (это ее фамилия, которой в Вестнике <Европы> прошу не объявлять, ибо она об этом письме ничего не знает); в противном же случае и сами желающие подать помощь могут присылать, сколько кому заблагорассудится, в Почеп на имя Вильгельма Зандмарка, приложив в пакет записочку, что деньги посылаются по напечатанному в таком-то номере Вестника Европы письму. Имена сих благодетельных людей будут после припечатаны в вашем журнале, вместе с благодарностию от получившей» [15, с.274-276] .

Уже в майском 10-м номере «Вестника Европы» Жуковский сообщил своим читателям, что «имел удовольствие получить от неизвестных для доставления М<арье> В<асильевн>е Б<ерингов>ой в Почеп 60 рублей» [16, с.160] . В следующем номере соредaktor Жуковского Михаил Трофимович Каченовский рассказывал, что на имя издателя «Вестника Европы» пришли переводы из Горбатова, из села Суголок, Санкт-Петербурга, Кременчуга и Киева, и что 100 рублей из общей суммы этих переводов отправлено в Почеп [17, с.240] . В 12-м номере «Вестника Европы» сообщалось, что некий господин С. передал для отсылки в Почеп 25 рублей [18, с.317] .

Наконец, в 13-м номере (июль 1809 г.) отозвалась из Почепа сама Марья Васильевна Берингова, адресат благотворительных переводов: «Препровожденные от вас в четырех пакетах 180 рублей я получила. Изъяснить вам свою благодарность за то одолжение, которое вы оказали мне, поместив письмо от неизвестного в вашем Вестнике о горестном положении моего семейства, я не в силах: один Всевышний зрит, что я чувствую. Да наградит Он вас всеми благами! Вы исторгли несчастную мать и трех детей из пагубной бездны нищеты. Горесть доводила меня не редко до отчаяния; дети в рубищах, стнящие от холода и голода, всечасно раздирали мою душу. Положение мое было тем ужаснее, что и не надеялась ни отколь получить помощи, как вдруг услышала, что мое несчастье описано в Вестнике Европы. С тех пор, до сего времени, получила я значущую помощь; но всех более обеспечена щедростию великодушного владельца местечка Почепа, Его Сиятельства Графа Алексея Кирилловича Разумовского, который приказал из своей экономии выдавать мне ежегодной пенсии по 150 рублей». К письму своему почепская вдова приложила «Реестр, сколько и откуда получено от благодетельных особ на вспоможение для несчастного семейства Марьи Васильевны Беринговой...» В реестре значились 28 благотворителей, часть из которых названы полными именами, часть – анонимы. В общей сложности сумма пожертвований составила 763 рубля, присланных из Почепа, Горбатова, Москвы, Петербурга, Осташкова, Курска, Константинограда, Переяславля, Семенова, Суздаля, Волочиска, Симферополя, Инсары, Кирсанова, Вышнего Волочка, Чернигова. Ко всем этим людям Марья Васильевна Берингова обратилась так: «Пусть благодетельные особы увидят плоды своего великодушия. Их помощью перешла я из убогой хижины в приличную моему состоянию квартиру, и теперь имею хлеб для себя и детей моих. Мне осталось до конца жизни своей молить Бога за своих благодетелей и быть с истинным почтением, вашею и пр.» [19, с.77-80]

Полагаем, теперь самое время раскрыть тайну Марьи Васильевны Беринговой, ее детей и мужа. Безвременно ушедшим из жизни супругом Марьи Васильевны был, скорее всего, Антон Ионович Беринг (около 1763 или 1767 – 1807), внук знаменитого мореплавателя Витуса (Ивана Ивановича) Беринга, датчанина на русской службе, имя которого носит пролив, отделяющий Азию от Америки. 30 июля 1789 г. светлейший князь Григорий Александрович Потемкин отправлял из Ольвиополя вахмистра Лейб-гвардии Конного полка Антона Ионовича

вича Беринга к Императрице Екатерине Великой с донесением о победе над турками при Фокшанах. К сообщению о победе светлейший сделал приписку: «Конной гвардии вахмистра Беринга, посланного с депешами (он мне привез известие о разбитии турок в Фокшанах) пожалуйте, Матушка, в армию, в капитаны» [41, с.362, 363, 878]. Капитанскому чину в кавалерии соответствовал чин ротмистра, который Государыня Берингу и пожаловала – с переводом в армейский Стародубовский карабинерный полк. В 1796 г. ротмистр А.И.Беринг был отставлен с мундиром из полка, который именовался уже Стародубовским кирасирским [62, с.55-56; 103, с.275]. Как видим, герой-кавалерист, служивший под знаменами Суворова (автора Фокшанской победы) и Потемкина, с 1789 г. в чинах не поднялся. В Почепе семейство Берингов оказалось неслучайно: с 1771 по 1785 г. комендантом г. Мглина, к уезду или повету которого принадлежал Почеп, был отец Антона Ионовича и сын мореплавателя, полковник и кавалер Иона Иванович фон Беринг, во Мглине и умерший [81; 67, с.350]. Возможно, Беринги имели в тех краях какую-то небольшую недвижимость – или просто, что называется, «прижились». Кроме того, Почеп был в свое время сотенным городом Стародубского малороссийского казачьего полка, из кадра которого был сформирован полк, в котором служил А.И.Беринг. Так что, могли Беринга с семейством пригласить в Почеп сослуживцы. В семье Антона Ионовича Беринга действительно было трое детей: старшему сыну Михаилу (1798-1868), дослужившемуся позже до отставного генерал-майора*¹, в 1809 г., как и писал «Вестник Европы», было около 10 лет. Другими двумя детьми были, правда, не мальчики, а девочки: Легер-Елизавета и Архус-Карина [81]. Впрочем, возможно, был и еще один, младший, мальчик – Иван, также сделавший военную карьеру. Во всяком случае, 1 февраля 1852 г. орденом Св. Георгия 4 степени был пожалован подполковник Иван Антонович фон Беринг 2-й [109, с.205].

Как бы то ни было, но деньги для Марьи Васильевны Беринговой приходили в редакцию «Вестника Европы» и в августе, и в сентябре, и в декабре 1809, а также в январе 1810 г. [20, с.160; 21, с.317; 22, с.164; 23, с.268; 24, с.76; 25, с.157]. При всем при том главным героем благотворительной акции в пользу М.В.Беринговой стал, как видно из письма этой дамы, тогдашний владелец Почепа граф Алексей Кириллович Разумовский.

Надо сказать, что выплата пенсий, вроде той, что назначил граф Алексей Кириллович Марье Беринговой, была для семейства Разумовских делом обычным, только тайным. Когда 21 ноября 1818 г. скончался в Москве 61-летний брат Алексея Кирилловича, граф Лев Кириллович Разумовский, неожиданно выяснилось, что покойный негласно содержал своими пенсиями 170 семейств [98, с.124]. Да и благотворительная акция, о которой мы рассказали, была не единственной, в которой участвовал граф Алексей Кириллович Разумовский.

Например, в 1818 г. зять Алексея Кирилловича, малороссийский генерал-губернатор князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778 – 1845) начал хлопоты по освобождению из крепостной зависимости 30-летнего актера Михаила Семеновича Щепкина, выступавшего тогда в Полтаве. За актера, его жену, сына и престарелого отца владелица Щепкина,

¹ Михаил Антонович Беринг (к 1857 г. писался как фон Беринг), подполковник со старшинством с 25 декабря 1836 г., к 1838 г. – в Староингерманландском пехотном полку. Полковник с 8 сентября 1845 г. Награждался третьим жалованием в 1827 г., орденами Св. Станислава 2 степени в 1841, Св. Георгия 4 степени за 25 лет беспорочной службы – 17 декабря 1844, Св. Владимира 4 степени за 25 лет беспорочной службы в 1852, знаком отличия за XXXV лет беспорочной службы в 1852. К 1857 г. числящийся по пехоте полковник М.А.фон Беринг служил в Средней Азии, был комендантом форта Перовский. Интересно, что подчиненный Берингу форт – бывшая кокандская крепость Ак-Мечеть, с 1925 Кзыл-Орда в Казахстане – носил имя побочного сына графа Алексея Кирилловича Разумовского, графа Василия Алексеевича Перовского, завоевавшего эту крепость в 1853 г. М.А.фон Беринг вышел в отставку с чином генерал-майора около 1858 г. [106, с.238; 107, с.16; 109, с.171].

графиня Анна Абрамовна Волкенштейн, под предлогом того, что Щепкин ей «по своим познаниям в землемерной науке... крайне нужен», запросила 8 тысяч рублей. Князь Репнин пытался сбить цену, но безуспешно. В конце концов, для сбора назначенной суммы 26 июля 1818 г. в Полтаве был устроен благотворительный спектакль «в награду таланта актера Щепкина для основания его участи». Князь Репнин и его тесть, граф Алексей Кириллович Разумовский, внесли каждый за свои кресла по 300 рублей. Подписка и спектакль дали 7207 рублей, а недостающие деньги уплатил также князь Репнин [77, с.87-90]. Актер же Щепкин переехал в Петербург и стал одним из величайших мастеров русской сцены.

В Почепе Разумовские привычно начинали храмоздательством. Город (он же местечко) Почеп был передан Императрицей Елисаветой Петровной «в вечное и потомственное владение» гетману Малороссии Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728 – 1803), отцу Алексея и Льва, по именному указу от 17 февраля 1760 г. [58, с.184; 13, с.XV-XVI] Вскоре гетман заказал для Почепа одному из самых модных архитекторов своего времени, итальянцу Антонио Ринальди (ок. 1709 – 1794) проект храма в честь Воскресения Христова [32, с.64; 57, с.11; 37, с.65]. Храм заложили в 1765 г., освятили в 1771-м, о чем сообщает надпись, сделанная на западной стене второго церковного этажа: «При державе Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Вторыя Самодержицы всеа России и при Наследнике ея Благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Павле Петровиче основан храм сей Воскресения Господня 1765 года июня 4 дня а за совершением и освятися 1771 апреля 17 собственным коштом господина генерал фельдмаршала сенатора и разных орденов кавалера сиятельнейшего графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго».

Храм, выстроенный архитектором Ринальди и графом Разумовским можно, нисколько не преувеличивая, назвать одним из самых прекрасных и совершенных среди архитектурных памятников Брянского края. Но, кроме того, на втором этаже храма, в «холодной церкви», располагается удивительный иконостас, подаренный, по преданию, Разумовским так же, как и сам Почеп, Императрицей Елисаветой Петровной. Впечатление от храма и иконостаса очень хорошо передал в 1914 г. архитектор и историк искусства Федор Федорович Горностаев (1867 — 1915): «Неожиданное радостное пятно среди унылой скуки домов заглохшего местечка, храм царит над ним и виден издалека. Его особенная художественная значительность требует подробного описания снаружи и внутри. <...> Прекрасная живопись икон... В общем Почепский иконостас представляет выдающийся памятник эпохи императрицы Елисаветы... Стройный, изящный, тонко прорисованный, он отличается... обилием и качеством скульптур. Особенно изящны из них фигуры ангелов, помещенные на фронте портика, над царскими вратами. Великолепно раскинутые на обрезках фронтона, эти барочные, полулежащие с распростертыми крыльями фигуры во весь рост исполнены резцом первоклассного мастера. Не менее красивы фигурки обнаженных ангелов-амуров, прилепившихся ярусом выше... Резная группа Распятия с предстоящими Богородицею и св. Иоанном, на самом верхе иконостаса, и группа ангелов внизу, прямо над царскими вратами, обилие прекрасно лепленных барочных ваз и проч. выгодно украшают Почепский иконостас и делают его еще более ценным, как обладающий сокровищами скульптурного резного дела...» [31, с.53-55]

Старший сын гетмана, 66-летний граф Алексей Кириллович Разумовский прибыл в Почеп 2 июня 1818 г. [43, с.36, 37] для того, чтобы остаться здесь до конца своих дней. За плечами у графа, одного из самых образованных русских людей того времени (он серьезно занимался ботаникой, разводил в своих имениях образцовые ботанические сады и оранжереи, собрал несколько уникальных библиотек), было 9 лет серьезных трудов по министерству народного просвещения. 2 ноября 1807 г. граф Алексей Кириллович Разумовский уступил просьбам Государя Императора Александра Павловича и занял пост попечителя Московско-

го университета и Московского учебного округа – с производством в высокий (2-го класса по «Табели о рангах») чин действительного тайного советника. На посту попечителя граф А.К.Разумовский добился права избирать ректора Московского университета каждые три года, выхлопотал для Московского Общества испытателей природы, президентом которого состоял, статус «Императорского». По распоряжению графа А.К.Разумовского газета «Московские ведомости» с 1808 г. стала печатать метеорологические наблюдения. В это время музей и библиотека Императорского Московского университета считались одними из первых в Европе. При А.К.Разумовском Московский университет удостоился небывалой до того чести: посещения Императором Александром Павловичем 14 декабря 1809 г. За труды по Московскому учебному округу граф Разумовский был пожалован вторым по старшинству русским орденом – Святого Александра Невского.

Императорским указом от 10 апреля 1810 г. граф А.К.Разумовский был назначен на пост министра народного просвещения. Мероприятия министерства А.К.Разумовского как нельзя лучше иллюстрируют и гуманность графа, и его неподдельное благочестие, и любовь к наукам, и патриотизм. Например, именно при министре Разумовском «постановлено было коренным и неизменным правилом, во всех учебных заведениях военного и гражданского ведомства, не изъемя из того и состоящие под управлением иностранного духовенства, обучать юношество Закону Божию и при ежегодных публичных испытаниях всегда начинать экзамен с сего предмета, яко заключающего в себе главную и существенную цель образования». Также при Разумовском в 1811 г. училищными постановлениями были запрещены всякие телесные наказания для учеников. Педагог казенной школы, прибегавший к таким наказаниям, рисковал потерять должность, а практиковавшее розги частное учебное заведение могло быть закрыто.

В канун смертельной схватки с Наполеоном важно было воспитать в любви к Отечеству и в духе русской народности молодое поколение россиян. Для этого граф Разумовский обратился к Государю с представлением «о мерах к прекращению вредного влияния, оказываемого воспитанием юношества иностранцами». Иностранное воспитание способствовало, по мнению графа Алексея Кирилловича (учившегося, между прочим, в Страсбургском университете), «к истреблению народного духа». Чтобы такого не случилось, граф-министр предлагал: «во всех пансионах преподавать науки на русском языке; принимать в пансионы учителей для наук с условием, чтобы преподавали на русском языке; во всем строго следовать правилам, существующим для пансионеров; разрешая открытие пансиона, обращать внимание на добрую нравственность лица, желающего открыть пансион...» Император Александр I утвердил предложения Разумовского.

За годы министерства графа А.К.Разумовского в Российской империи было открыто 175 уездных, приходских и поветовых школ, уездных, городских и сиротских училищ; гимназии в Киеве, Симбирске, Белостоке, Харькове; греческое Александровское училище в Нежине, Повивальный институт в Белостоке и воспитательное заведение при Московской губернской гимназии. Но любимым детищем графа Разумовского был созданный при его живом участии Царскосельский Лицей [60]. О целой сокровищнице талантов, которую представляли собой первые воспитанники этого учебного заведения говорилось и писалось многократно.

У графа А.К.Разумовского, вероятно, была способность находить и поддерживать даровитых людей. Так, 11 октября 1811 г. он подписал министерскую похвалу 18-летнему студенту Императорского Казанского университета Николаю Ивановичу Лобачевскому, будущему великому русскому математику [12]. Александр Ларентьевич Витберг (1787 – 1855), гениальный архитектор, художник и мистик, автор первого проекта московского храма Хри-

ста Спасителя, несчастливый в исполнении этого проекта, рассказывал, как в 1815 г., окончив первоначальный проект храма, представлял его у графа Ф.В.Ростопчина московскому высшему обществу. После доклада А.Л.Витберг должен был ехать в Петербург и передать проект на конкурс в Святейший Синод. Среди московских слушателей архитектора оказался граф Лев Кириллович Разумовский. А.Л.Витберг вспоминал: «Граф Лев Кириллович Разумовский желал иметь подробнейшее объяснение у себя дома, видя, что при многочисленном собрании я не мог так свободно объяснять его. Граф был очень тронут идеей до слез, и с восторгом спросил: чем он может быть полезным, чтоб дать этому делу ход, предвидя затруднения, которые оному сделают. — “Брат мой министр просвещения... Он может многое (сделать) для вас; я полагаю не лишним снабдить вас при поездке в Петербург письмом к брату”. Я возражал: “Извините граф, ежели ответ мой покажется странен и невежлив. Сердечно благодарю за участие принимаемое (вами) в сем деле. Но строгость моих правил, коим изменить не могу, запрещает мне пользоваться всяким искательством, а письмо ваше будет походить на протекцию; ибо я поставил правилом по этому делу ничего не просить, чтоб видеть волю и указание Провидения. Как труд мой важен, то я боюсь искательствами натянуть успех и взять на себя столь трудное дело, сопряженное с раздражением многих и ежели тогда я не в силах буду выполнить. Если же, вопреки моим правилам, дело будет иметь надлежащий ход и успех, тогда я заключу, что оно имеет назначение свыше, и в таком случае я в состоянии буду перенести все препятствия”. Граф нашел мой отзыв не токмо не обидным, но был рад, что я так рассуждаю, хотя впрочем считал не излишним письмо к брату. Я отвечал, что пожалуй приму его; но только, чтоб он заметил, что я не прошу оное. <...> В Твери нашел я обещанное письмо в Алексею Кирилловичу Разумовскому и, сверх того, к Александру Николаевичу Голицыну (обер-прокурору Святейшего Синода. — Ю.С.) — от Льва Кирилловича Разумовского» [44, с.160-161] .

Последовавшие события показали, во-первых, что письма графа Л.К.Разумовского были весьма кстати, и, во-вторых, то, что в обоих адресатах писем А.Л.Витберг нашел самых последовательных своих покровителей. Так, при обсуждении проекта Витберга в Императорской Академии художеств возникли сложности разного рода, в том числе связанные с тем, что Александр Лаврентьевич числился не архитектором, а академиком живописи. Присутствовавший на обсуждении министр народного просвещения граф А.К.Разумовский старался весьма и весьма мягко убедить оппонентов Витберга в перспективности проекта. Дело, увы, закончилось ничем [44, с.169] .

Был уже 1816 год, Государь Император Александр Павлович, главный вдохновитель проектирования и строительства храма Христа Спасителя, собирался в Москву. Туда же должен был ехать («для бракосочетания») и А.Л.Витберг, вспоминавший: «Я счел за нужное писать к графу Алексею Кирилловичу (Разумовскому. — Ю.С.), ...что скоро еду из Петербурга и потому мне решительно нужно знать, намерена ли Академия удовлетворить справедливому требованию? И ежели нет, то я должен буду несправедливость отказа сего поставить на вид Государя Императора. Вследствие сего, министр при первом свидании с вице-президентом и конференц-секретарем (Академии художеств. — Ю.С.) сказал им о полученном от меня письме и советовал через них (членам) Академии быть осторожными в своих действиях.

— Я понимаю характер этого молодого человека, он много трудился, исполнен дарований; эти люди не унижаются и тверды; хуже будет, ежели он напишет Государю, а он прикажет Академии исполнить его требование, тогда стыднее будет нам!

На это Лабзин (конференц-секретарь Академии художеств. — Ю.С.) отвечал:

— Академии нимало не будет стыдно исполнить волю монарха.

Министру нечего было спорить и он, прекращая разговор, сказал:

— Делайте, что хотите, но я бы советовал кончить доброй манерой.

Все и кончилось “доброй манерой” [44, с.170-171]. Показательно в этом отрывке то, как мягко убеждал граф А.К.Разумовский людей, которым по своему служебному положению мог просто приказать исполнить все, что считал нужным...

И позже граф Алексей Кириллович не отворачивался от Витберга. Проект храма, принятый к исполнению, требовал немалых доработок. Архитектор вспоминал, как провел еще два года над чертежами «в неусыпных трудах, доводивших... до изнеможения, так что, может быть, они остановились бы и совсем, если б не одобрили меня к новым усилиям» четыре человека, среди которых был и «министр просвещения граф А. К. Разумовский» [1, с.110-111] ...

При Разумовском же в 1811 г. была открыта при Московском университете первая кафедра славянской филологии, стали действовать Московское общество истории и древностей российских, Общество любителей отечественной словесности при Казанском университете, Общество наук при Харьковском университете, научное Общество при Дерптском университете. Сам граф Алексей Кириллович был вице-президентом Библейского общества и состоял почетным попечителем одного из отделов «Русской беседы». И вот 10 августа 1816 г. Разумовский вышел в отставку, после чего прожил около двух лет в Москве – и переехал в Почеп [60].

Местные жители с интересом наблюдали образ жизни, который вел граф. Уже в 1869 г. бывший дворовый крестьянин Разумовских, состоявший почепского главного правления письмоводителем, Никифор Шишонок, вспоминал: «Граф ходил в церковь каждое воскресенье и праздничные дни, исключая из них такие дни, в которые чувствовал себя не совсем здоровым. Певчие у него были отлично хорошие. Хором певчих дирижировал вольнонаемный из Москвы какой-то Абросимов. Граф молился так, как молится всякий добрый христианин. Всякий великий пост говел, исповедывался и приобщался Святых Таин, и от других, у него служивших, того требовал. Духовником у графа был в Почепе протоиерей Крыловский, которому, по завещанию графа, выдано пять тысяч руб. ассигнациями» [43, с.39-40]. Для графа Алексея Кирилловича подобный образ жизни был характерен и в годы министерства. Более того, при петербургском своем доме граф Разумовский содержал православную церковь, пользовавшуюся популярностью у благочестивой столичной знати. Как вспоминал граф Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807 – 1876): «По воскресным дням и большим праздникам мать наша возила нас к обедне в Зимний дворец, а иногда в домовую церковь графа Алексея Кирилловича Разумовского в его доме с обширным прекрасным английским садом на Фонтанке, между Семеновским и Чернышовым мостами...» [45, с.434]

Почеп, в котором отставной министр полагал, вероятно, обрести покой после многих трудов и волнений, стал для графа Алексея Кирилловича Разумовского местом главного благотворительского подвига. Вот что рассказывает бывший крепостной Разумовских Никифор Шишонок о положении дел в Почепе и его окрестностях: «Неурожай сряду три года, 1819, 1820 и 1821, поставил жителей здешнего края в горестное положение. Запасы хлебные и другие повсюду истощились. Цены на хлеб дошли до 5 р<ублей> за пуд ассигнациями. Поселяне питались древесною корою, соломою, взятою с крыш и истертою в порошок, и тому подобным; словом, и поселяне, и помещики находились в самом горестном, плачевном состоянии. Касательно крестьян, графу принадлежащих: из них в Почепской и Шептаковской волостях было таких, которые требовали пособия в пропитании до 40 т<ысяч> душ обоого пола, всякого возраста. Продовольствие их личною заботою о сем графа было обеспечено. По личному распоряжению его – хлеб озимый и яровой покупали в Курске и Орле, с поставкою про-

давцов. Сверх сего, доставляли из имений графа, как то: Яготинской, в Полтавской губернии состоящей, волости, и доставляли в огромном количестве из Саратовской и Пензенской – Ершовской волостей до г. Орла; тут в нанимаемых графом, при содействии тамошнего губернского начальства, магазинах (т.е. складах. – Ю.С.) ссыпали; и из Орла на наемных подводах доставляли в Почепскую и Шептаковскую волости, и раздавали (заметьте, не продавали! – Ю.С.) крестьянам для продовольствия и на осеменение полей. Удовлетворение таких необходимых нужд человеческих графу стоило до миллиона рублей. Другие делать этого не могли» [43, с.37-38] .

Как видим, граф Алексей Кириллович Разумовский в течение трех лет частным образом спасал от голода 40 тысяч жителей Почепской и Шептаковской волостей. Подобные операции были тогда, да и теперь, наверное, под силу только правительственным органам – и органы эти далеко не всегда могли удачно провести такие мероприятия, как было, например, в голодный 1767 г. в Брянском уезде. Что же касается иных частных лиц, то их в основном мало трогали страдания ближнего. Например, тогда же, в Брянске 1767 г., власти арестовали для раздачи голодающим груз ржи, который орловские купцы Малыгин и Лапкин везли на завод для перегонки на водку. Так вот, купцы не поленились раздобыть у командира воинской части в Почепе подложный документ о том, что рожь направляется военным, забрали хлеб из-под замка и увезли-таки на винный завод [84, с.11-13] ...

Ну, а граф Алексей Кириллович Разумовский, побуждаемый и своим человеколюбием, и барской ответственностью за своих крепостных и соседей, издержал колоссальную по тем временам сумму. В декабре 1821 г., за три с небольшим месяца до смерти, граф Разумовский писал Императору Александру Павловичу из Почепа, заботясь о том, что не на что будет в дальнейшем помогать людям: «Неисповедимыми судьбами Всевышнего в прошлом году ниспосланный на Черниговскую губернию неурожай, не только расстроил благосостояние поселян и мелкопоместных дворян, но повергнул в тягостное состояние людей самых достаточных. Быв принужден для прокормления 40 000 человек издержать более 1 500 000 рублей, тогда как доходы мои от имения прекратились, я ныне лишен средств к вспомоществованию крестьянам в бедствиях, коими они вновь угрожаются. В таком положении я решился жертвовать значительною частью своего достояния для поддержания крестьян и для спасения остального имения моего от совершенного расстройства. Но превратить в денежную сумму назначенное мною в продажу имение обыкновенными средствами невозможно, а между тем состояние крестьян настоятельно требует мер отлагательства не терпящих. Потому дерзаю искать помощи у престола В<ашего> И<мператорского> В<еличества> и всеподданнейше прошу повелеть купить у меня в казну 2 500 душ в Черниговской губернии, или выдать мне заимообразную сумму, соответственную цене оною имения. Всемиловитейший Государь, обращаюсь к вам, яко к отцу подданных, промыслом Божиим милосердому попечению вашему вверенных, и не сомневаюсь в благонисхождении вашем к верному слуге, на закате жизни ожидающему спокойствия от милостивого на него воззрения В<ашего> И<мператорского> В<еличества>. Добродетельному сердцу вашему утешительно будет озарить последние дни старца, с доверием к вам прибегающего. Счастлием детей и мирным течением преклонных лет моих, я обязан буду благосклонному принятию прошения моего и не престану возносить пламенные молитвы к Всевышнему о сохранении на долгое время драгоценной жизни вашей и о увенчании успехами всех предприятий ваших» [14, с.109-110] .

* * *

Здесь мы ненадолго отвлечемся, чтобы обсудить один историографический сюжет. Последний процитированный документ был опубликован в фундаментальном труде гофмейсте-

ра Высочайшего двора, директора Императорского Эрмитажа и председателя Императорской Археологической комиссии Александра Алексеевича Васильчикова (1832 – 1890) [102] «Семейство Разумовских». Правда, Васильчиков предварил публикацию документа очень неприятным для репутации графа А.К.Разумовского сообщением, из которого читателю несложно было сделать вывод о том, что расходы на помощь голодающим были всего лишь благовидным предлогом, под которым скрывалась неоправданная и бессмысленная расточительность «русского Монморанси». Вот что писал А.А.Васильчиков: «Нрав графа в последние годы его жизни стал почти невыносимым. Все его боялись, весь дом дрожал при сильных порывах его гнева. С крестьянами своими он был суров, беспрестанно сменял управляющих, находя их не довольно взыскательными. Каждую прихоть его приходилось исполнять немедленно, во что бы то ни стало. Иногда прихоти эти тяжелым бременем ложились на крестьянах. Так, весною граф из Почепа вдруг всем домом поднимался в Баклань, чтобы там слушать соловьев. Это бывало во время разлива рек. Особенно бушевала текущая около Почепа река Судость. Сгоняли несколько тысяч крепостных и они строили дамбы и насыпи для графского проезда. Дела между тем шли плохо, в Малороссии был голод...» [14, с.109].

Надо ли говорить, что подобный обличительный пассаж стал настоящей находкой сначала для либеральных, а позже и для коммунистических пропагандистов*¹. При этом источник, из которого почерпнул столь яркий эпизод, Васильчиков в примечаниях обозначил весьма лаконично: «Из рассказов Г.В.Грудева» [14, с.109]. Но кто такой этот Г.В.Грудев, какое отношение имел он к графу А.К.Разумовскому и мог ли своими глазами наблюдать почепскую жизнь отставного министра или титанические работы по переезду через реку Судость, которая, правду сказать, в районе Почепа немногим шире ручья, а при Разумовских (еще в 1805 г.) не только имела при себе длинный мост, но и расположенную за мостом этим особую Замостскую слободу [33, с.34, 33]?

Геннадий Владимирович Грудев (21.10.1796 – 12.12.1895) сын мелкого костромского чиновника, 7 лет от роду потерял отца, а с 9 лет уже служил копиистом в костромской казенной палате. В 1815 г. Грудев в поисках лучшей доли переехал в Петербург. Вскоре на Грудева обратил внимание директор департамента горных и соляных дел Дерябин, который взял костромича на службу и поселил у себя в доме. В столице заговорили о хорошем почерке и трудолюбии Грудева. Молодого чиновника пригласил к себе попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (с 1810 по 1822 г.) Сергей Семенович Уваров, женатый на дочери министра народного просвещения графа Алексея Кирилловича Разумовского Екатерине [8, с.638-639]. Уже в 1817 г. Грудев помогал Екатерине Алексеевне Уваровой в трудах под покровительством Императрицы Елисаветы Алексеевны по учреждению Патриотического института для осиротевших барышень-дворянок и Дома трудолюбия для девушек-сирот всех сословий [47, с.426-427]. Словом, Грудев быстро стал у Уваровых «домашним человеком». Как писал редактор журнала «Русский архив» Н.И.Бартенев: «...С Уваровым в течение многих лет связана была судьба Грудева. С 8 часов утра занимался он в Горном Корпусе в 23 линии Васильевского острова, а затем на ялике спешил за Неву в Мещанскую, где была канцелярия Уварова, вечером же снова работал у Дерябина. Жизнь Уварова до са-

¹ Вот, например, как «историю с соловьями» пересказал советский писатель Д.А.Жуков: «Остаток жизни граф Разумовский провел в Почепе, во дворце, построенном его отцом. Вольтерьянец жестоко притеснял крестьян. От его гнева дрожали стены дворца. За его прихоти расплачивались крепостные. Когда граф весной, во время разлива рек, собирался послушать соловьев, то ради одной поездки сгонялись тысячи крестьян строить насыпи и дамбы» [42, с.145]. Также «соловьиный сюжет» попал в книги М.И. Пыляева «Старая Москва» [87, с.368] и Г.И.Стафеева «В Отчизне пламени и слова» [108, с.24].

мого 1839 года означалась рядом крупных наследств и дележей после дядей, родителей и братьев его супруги (ур<ожденной> гр<афини> Разумовской). Тут обнаружилась толковость, деловитость и строгая добросовестность Геннадия Владимировича» [8, с.639]. Из процитированного отрывка следует, что чрезвычайно загруженный по службе Грудев вряд ли мог оставить Петербург и оказаться в Почепе при жизни графа Разумовского. Появился он здесь, наверняка, после смерти графа – либо в июне 1822 г., либо в 1826 г., когда Уваров приезжал в эти края навестить доставшееся его жене имение Баклань [43, с.45-46]. Уже в 1826 г. в благодарность за хлопоты вокруг наследства Грудев получил от дочерей графа Разумовского, Е.А.Уваровой и княгини В.А.Репниной, подарок – село Колюбакино в Рузском уезде [8, с.639]¹.

Мог ли не заставший графа А.К.Разумовского в живых Грудев услышать в Почепе и его окрестностях неприятные для памяти графа разговоры? Безусловно, мог. Вот что писал о графе Алексее Кирилловиче в своем дневнике современник и сосед Разумовского по Мглинскому уезду подполковник (надворный советник) Лука Иванович Дудицкий-Лишень: «О характере его ничего сказать не могу, ибо мне он не знаком; по слухам же: иные хвалят, другие противное говорят; но я первым верю, ибо кто не привыкши с большими знатными людьми обходиться, не хочет быть искательным, тот, конечно, будет противное говорить, – графу же искать в таких гордецах, непонимающих самих себя, кажется, нечего» [38, с.169]. Жаль, что Грудев и Васильчиков оказались людьми иных, нежели Дудицкий-Лишень, жизненных правил.

И все-таки, проводились ли во времена графа А.К.Разумовского крупные земляные работы по умирению реки Судости в районе Баклани? Действительно, проводились. Но не в голодные 1819 – 1821 гг., а в 1799 – 1800 гг., о чем писал побывавший здесь вместе с графом Алексеем Кирилловичем уже в 1805 г. врач, графский секретарь и ученый-натуралист Оттон фон Гун: «Чрез Судость, разлившуюся здесь широко, сделана плотина со многими в ней шлюзами и мостами при мучных мельницах и маслобойне, кои действуют водою, страшной шум производящею, что придает всему ландшафту тем более прелестей, достоинства, и приводит всякого в размышление и задумчивость. Маслобойня, построенная также лет за пять со всем искусством и тщанием, перерабатывает в каждый месяц масла пудов до тысячи. Может быть, она единственна во всем государстве: ибо известно, что масло выбивается везде вручную. Но здесь конопляное семя посредством воды раздавливается прежде на преогромном камне, двумя вертикально поставленными камнями же, катающимися и вместе вертящимися по нем, потом поджаривается оно на огне, и наконец выжимается посредством клиньев и пестов. Дабы все таковые заведения довести до возможной степени совершенства, граф принял к себе теперь механика англичанина и привез его с собою из Москвы» [33, с.57]. Итак, дамбы через Судость у Баклани насыпались для экономического строительства, дабы облегчить местным крестьянам труд, а вовсе не для «слушания соловьев».

К слову, и дорога от Почепа до Баклани совсем не показалась фон Гуну тяжелой. Он рассказывал: «Дорога из Почепа к Баклани идет с начала чрез большой, далеко простирающийся лес, потом по местам болотистым, а наконец по полям, коноплями и гречихою засеянными, и покрытым жнецами обоих полов, что и делало эту поездку чрезвычайно занимательною» [33, с.58].

¹ В 1829 г. Грудев выгодно женился и взял за женою приданного около тысячи душ крепостных крестьян. Позже занял должность начальника удельной конторы Московской губернии, а последние 30 лет своей жизни был гласным Московской городской думы. Умер 99 лет от роду, в высоком чине тайного советника и похоронен на московском Ваганьковском кладбище [72, с.335].

Что же касается разгульной жизни, приписанной графу А.К.Разумовскому Васильчиковым, то состоявший в правлении Почепской экономией с 1810 г. крепостной Никифор Шишонок ничего подобного не помнил. Скорее, наоборот, он рассказывал о сравнительной воздержанности и скромности графского быта, узком круге собеседников – и, надо думать, единомышленников: «Граф тогда, когда приехал в Почеп, был лет 70-ти, но еще стройный, роста высокого, с выразительным серьезным и, вместе с чем спокойным и приятным лицом. <...> Жизнь графа была всегда строгая, трезвая, аккуратная. Граф обедал в три часа пополудни... и не ужинал. <...> Граф после обеда не спал; ложился в 12 часов вечера и вставал поутру рано. <...> У графа бывали вечера домашние, в зале нижнего этажа; на хорах играла духовая музыка, принадлежавшая генерал-майору Денисьеву, и пела графская певчая, – отличная... Собственной музыки у графа не было. <...> У графа бывали в Почепе: малороссийский губернатор князь Репнин (зять. – Ю.С.), полтавский и черниговский гражданские губернаторы и полтавский губернский предводитель дворянства, известный поэт Василий Васильевич Капнист, который гостил у графа месяца по два и более, и с этим граф любил беседовать и прогуливаться, в экипаже и пешком... Графа почаще навещал и более других гостил у него г. Капнист» [43, с.38-39]. Да, и о поездках в Баклань Шишонок не пишет тоже, поскольку у графа были другие привычки: «Граф во всякое время года, в хорошую погоду выезжал для прогулки в большой, так называемый Верхний, сад (это на территории Почепа. – Ю.С.) и в Речицкий, вблизи Почепа стоящий, хутор, тут бывал на скотном дворе, где находился отличный, голландской породы, рогатый скот...» [43, с.38]

Таким образом, мы можем говорить о безусловной неприязненной тенденциозности А.А.Васильчикова по отношению, по крайней мере, к одному из основных героев его сочинения «Семейство Разумовских». К сожалению, приведенный пример – не единственный у Васильчикова. Он и в других местах допускает анахронизмы, что называется, «с намёком» – вроде бакланского. Например, когда исследователь рассказывает о знакомстве в Почепе при графе А.К.Разумовском побочной дочери графа Ольги Алексеевны Перовской (Васильчиков почему-то именуется ее Елизаветой) с ее будущим мужем Михаилом Николаевичем Жемчужниковым, то называет Жемчужникова «молодым жандармским офицером» [14, с.110]. Конечно, М.Н.Жемчужников в жандармах служил, но Жандармский корпус был сформирован в 1827 г., т.е. через пять лет после смерти графа Алексея Кирилловича Разумовского. Поэтому «заявиться» в Почеп жандармом Жемчужников, конечно, никак не мог...

* * *

Побудительные мотивы, заставлявшие графа Алексея Кирилловича Разумовского заниматься благотворительностью, открыл в 1818 г. он сам. Дело в том, что 4 января 1818 г. преемник Разумовского на посту министра народного просвещения князь Александр Николаевич Голицын (1773 – 1844) в качестве главного попечителя Императорского Санкт-Петербургского человеколюбивого общества ставил графа Алексея Кирилловича в известность об учреждении Московского попечительного комитета о бедных – своего рода филиала Человеколюбивого общества. При этом князь Голицын выражал надежду, что граф Разумовский «как житель Москвы» не отречется «принять некоторое участие в сем заведении» [14, с.528-529].

Граф Алексей Кириллович, который переехал к тому времени в Почеп, писал в ответ: «Я не московский житель, но, желая быть всегда христианином не по одному званию, не удаляюсь от благотворения по возможности и здесь так, как в Петербурге и во всяком другом месте, сколько средств моих достанет быть ближнему в чем-либо полезным. Учреждение благотворительных комитетов есть, без сомнения, последствие разливающегося повсюду

ныне духа Христианства. Успехи их довольно обеспечены твердым основанием беспредельной щедроты Монарха. Им даруемые средства усиливаются приношениями многих сему высокому примеру последователей и наконец (к сожалению) не малым числом и тех благотворителей, кои не были бы таковы, если бы не надеялись наслаждаться чтением имен своих в издаваемом журнале. Дабы не попасть в статью сих последних, а притом не лишиться и себя приятнейшего удовольствия вспомоществовать непосредственно тем из нуждающихся, коих при всей бдительности попечительного комитета останется еще довольно, я охотно отделяю 500 руб., кои при сем имею честь препроводить, с условием, чтоб имя мое не было нигде пропечатано, а если нужно будет в отчетах, назначаемо было от неизвестного. Таким образом, не теряя из вида упоминаемое в <ашим> с<иятельством> правило, что всяким подаянием приобретается заслуга пред Тем, Кто даже и чашу воды жаждущему не оставляет без внимания, мыслю, поколику предстоящие обстоятельства дозволяют, с тем согласить и то Евангельское правило, да не уведает шуйца твоя, что творит десница твоя» [14, с.529-530] .

Из процитированных слов можно предположить, что в благотворительной кампании по помощи М.В.Беринговой – той самой кампании, в которой участвовал граф Разумовский и описание которой мы привели выше, – Алексея Кирилловича как раз не устроила печатная огласка имени его в списке благотворителей...

В марте 1822 г. граф Алексей Кириллович Разумовский почувствовал себя нездоровым. 26 марта слёг, «уже не вставал и, будучи еще в полном рассудке, исповедывался и приобрелся Святым Тайн, и потом приказал читать псалтырь. Два чтеца попеременно читали, днем и ночью, так, как было ему угодно. Граф лежа слушал чтение псалтыри и это продолжалось шесть дней. Первого числа апреля чтение остановили. Граф слабел». На Светлой Седьмице 5 апреля в 3 часа ночи граф-благотворитель скончался. Но и смерть свою он превратил в акт благотворительности. В завещании Алексей Кириллович писал: «Похоронить меня просто, по христианскому обряду; сумму, которая потребовалась бы на пышное меня погребение, исчислив, – раздать нищим». По тому же завещанию получили волю несколько дворовых графа Разумовского со своими семействами.

8 апреля 1822 г. в 11-м часу утра гроб с телом графа перенесли в почепский Воскресенский храм, где на отпевание Алексея Кирилловича собралось до 30 священников. Похоронен граф был склепе, специально устроенном в том же фамильном храме Разумовских. Когда Почеп был продан графу Клейнмихелю, тело графа Разумовского перенесли 27-31 июля 1839 г. в Новгород-Северский Спасо-Преображенский монастырь [43, с.40-41, 43-44] . Там, в соборной церкви, надгробие благотворителя украсилось надписью: «Граф Разумовский, сын последнего гетмана Малороссии, генерал-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича и графини Екатерины Иоанновны урожденной Нарышкиной, родился 12 сентября 1748 г., служил отечеству действительным тайным советником, членом Государственного совета, сенатором и министром народного просвещения. Умер в 1822 г. апреля 5 дня в Светлую Седмицу» [31, с.56] .

Один из современников сочинил к портрету графа Алексея Кирилловича Разумовского такую стихотворную подпись:

Он русский Меценат, искусств, наук предстатель,
И славный предками, и доблестью почтен,
И таинств, и чудес природы испытатель!
Лик Разумовского в сердцах запечатлен! [92, с.390]

* * *

Еще одним крупным благотворителем того времени был сосед графа А.К.Разумовского по Мглинскому уезду-повіту Степан Артемьевич Лашкевич. Род Лашкевичей представлял собой потомство стародубского мещанина Тихона Гавриловича Лашка, упоминавшегося в документах под 1677 годом. Герб Лашкевичей, внесенный в 7-ю часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийския Империи», выглядел так: «В щите, имеющем голубое поле, изображены золотая шестиугольная звезда и под оною такого же металла луна рогами вверх. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с павлиньими перьями, на котором видны звезда с луною. Намет на щите голубой, подложенный золотом» [59, с.92] .

Степан Артемьевич Лашкевич родился около 1764 г., в службу вступил вахмистром в Кирасирский Военного Ордена полк. 25 ноября 1784 г. уволен от службы в невысоком чине корнета и «отпущен в дом его», в село Суходолье Стародубовского уезда. Также к владениям Лашкевича относились село Ветлевка и деревни Старая и Новая Романовки, Мглинского уезда, купленные Степаном Артемьевичем в 1801 г. у Софии Васильевны Леонтович, село Ормин (ныне Вормино, Мглинского района Брянской области), которое Лашкевич купил в 1807 г. у сестры своей Ульяны, и деревня Лукавица. Женат был С.А.Лашкевич на Александре Андреевне Дунин-Борковской (1781 г.р.), дочери надворного советника Андрея Яковлевича Дунин-Борковского, занимавшего в 1794 – 1797 гг. должность черниговского губернского предводителя дворянства [71, с.33-34; 70, с.55-56] . Детей у супругов Лашкевич не было.

Известность С.А.Лашкевич приобрел строительством в 1811 г. в своей деревне Новой Романовке храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, выдающегося архитектурного памятника, превратившего, к тому же, названную деревню в село. Побывавший здесь около 1908 г. уже известный нам историк искусств и архитектор Ф.Ф.Горностаев, сделавший также фотографии романовской церкви и внутреннего убранства ее, писал: «Неожиданным светлым пятном среди лесной глуши рисуется усадьба «Романовка», этот последний слабый отзвук исчезнувшей помещичьей культуры. <...> Храм Покрова сооружен в 1811 году местным помещиком Лашкевичем и принадлежит времени увлечения "эллиническим искусством". Простой, но выразительный по плану, храм по идее напоминает известную Башню ветров в Афинах. Удивительно встретить в глуши это изящное и выдержанное произведение Александровского классицизма, этот оригинальнейший образчик зарождающегося русского (ампира). Владелец усадьбы, строитель этого прекраснейшего храма, несомненно, обладал высоко развитым художественным вкусом. Явное этому доказательство даже не самый храм, не его внешность, а то, что находится внутри. Храм обладает на диво скомпонованным иконостасом кисти высокоодаренного художника В.Л.Боровиковского» [31, с.83-84] . Справедливости ради следует сказать, что храм в Новой Романовке своим архитектурным обликом очень напоминает сооруженный в 1791 – 1793 гг. по проекту знаменитого архитектора, художника и поэта, тайного советника Николая Александровича Львова (1751 – 1803) в г. Пропойске Могилевской губернии (ныне Славгород Могилевской области Белоруссии) храм Рождества Пресвятой Богородицы [58а, с.1] . Расписанный, что интересно, тем же Владимиром Лукичем Боровиковским. Возможно, С.А.Лашкевич видел пропойский храм: Мглинский уезд граничил с Могилевской губернией, и Пропойск находится не так далеко от Мглина. И, опять-таки, возможно, что Степан Артемьевич сознательно постарался повторить в имении своем приглянувшуюся белорусскую церковь.

В самом деле, крупнейший русский художник рубежа XVIII – XIX веков Владимир Лукич Боровиковский (1758 – 1826) написал по заказу С.А.Лашкевича 26 икон для романовской церкви [30] . Работы выполнялись в Петербурге (Боровиковский всегда был загружен заказами), после чего доставлялись в Мглинский уезд. О месте написания икон сообщает надпись

на местном храмовом образе Покрова Пресвятой Богородицы: «В сем храме иконы написаны Императорской Академии художеств советником Владимиром Лукичом Боровиковским в С<анкт-> П<етер>бурге 1815 г.» [114, с.147] На той же иконе, «среди коленопреклоненных молящихся», изображен был, по общему мнению прихожан, храмоздатель С.А.Лашкевич [31, с.89] .

Романовский иконостас, как мы уже убедились на примере Пропойска, далеко не единственная работа Боровиковского, человека весьма религиозного и даже мистика, на ниве церковной живописи. Целые иконостасы его кисти находились также в могилевском соборе Св. Иосифа, в Борисоглебском монастыре г. Торжка, в д. Тишанке Острогжского уезда Воронежской губернии, в Троицкой церкви г. Миргорода, в домашней церкви Д. П. Трощинского, в с. Кибинцах Миргородского уезда, иконы кисти Боровиковского были в петербургских церкви Св. Троицы на Смоленском кладбище, в Казанском соборе, в Александро-Невской лавре.

Что касается иконостаса в Новой Романовке, то Ф.Ф.Горностаев спел подлинный гимн этому произведению искусства и веры: «Иконы Романовского иконостаса написаны в 1814 – 1815 годах и представляют редкую высокохудожественную ценность. Можно долго любоваться неподражаемым мастерством В.Л.Боровиковского, разносторонностью и разнообразием его выдающегося таланта, этого достойнейшего самородка Юга. Истинное художественное наслаждение доставляют эти чудные иконы-картины своей экспрессией, замечательной тонкостью письма и колоритом, и в особенности тем непередаваемым настроением, которое навевают эти глубоко мистические произведения мечтательного художника-поэта. Заброшенные в глушь, эти чудные произведения искусства, – храм с его великолепным из ряда вон выходящим иконостасом, составляют какую-то загадку. Решить ее возможно, вспомнив только то понимание художественной красоты, которое было присуще высокой культуре великого Екатерининского века и ”дней Александровых прекрасного начала”. Только оно одно могло заставить так горячо отнестись к делу сооружения храма, связав с ним высшие интересы искусства, считавшиеся в ту славную эпоху глубоко важными и жизненно необходимыми во всякой окружающей жизнь культурной обстановке. Помещик Лашкевич был, очевидно, истым сыном своего века и, строя церковь, не задумался создать ”искусство для искусства” в своей усадьбе, может быть, и не такой глухой, как в наше время» [31, с.91-92] .

Если судить по портрету, хранившемуся до 1917 г. в Черниговском дворянском доме и опубликованному в 1912 г. В.Л. Модзалевским в 3-м томе «Малороссийского родословника», С.А.Лашкевич был награжден бронзовой медалью на владимирской ленте в память Отечественной войны 1812 г. Был представлен С.А.Лашкевич и Государю Императору Александру Павловичу. Это произошло 7 сентября 1825 г., когда Император, путешествуя из Петербурга в Таганрог, проезжал через Мглинский уезд. Несколько позже, 13 сентября, через Мглин проехала Императрица Елисавета Алексеевна, супруга Государя [99, с.170, 175] . Первой остановкой на территории Брянского края в ту поездку стала для Императора Александра I деревня Лукавица, принадлежавшая как раз Степану Артемьевичу Лашкевичу. Встреча с Императором и с Императрицей так потрясла Лашкевича, что рассказ о ней он приказал записать «для любопытства будущим временем» в своем знаменитом романовском Покровском храме «белилами на массивной двери, выкрашенной масляной зеленой краской». В 1942 г. дверь как святыня, вместе с четырьмя иконами кисти Боровиковского, была помещена во вновь открытом при немцах мглинском Успенском соборе. Ныне эта дверь хранится в собрании, составляемом для мглинского краеведческого музея. Фотография, опубликованная в Интернете, дает возможность познакомиться с записью Лашкевича: «Его Величе-

ство Государь Император Александр Павлович изволил путешествовать из Санкт-Петербурга в Таганрог через Малороссию 1825 года сентября 7 дня, при перемене в деревне моей Лукавицы на почтовой станции лошадей, имел я счастье поднести Его Величеству хлеб, от которого повелел мне отрезать немножко и поднести ему; кушая хлеб, он соизволил говорить сии слова: – «Вот я ваш хлеб ем?» и поднявши картуз, сказал: благо вам, потом соизволил удостоить меня своим милостивым разговором, спрашивал фамилию, место моего жительства и где я служил; выслушавши мои ответы, при отъезде изволил сказать: ”Прощайте”...» [118]

О приезде Государыни во Мглин также рассказано в надписи на двери С.А.Лашкевича. Государыня Императрица Елисавета Алексеевна прибыла в Мглин 13 сентября в 5 часов пополудни. Ночевала, как шесть дней назад и ее супруг, в доме титулярного советника П.Г.Косача. 14 сентября, в праздник Крестовоздвижения, Елисавета Алексеевна «изволила слушать в церкви Воскресения Господня литургию; которую совершал протоиерей Иаким Чачка с дьяконом Георгием Байдаковским; литургию пели с одним певчим Иваном Васильевичем Ярославцем» певчие помещика С.А.Лашкевича: «регент Иван Костицкий, Ефим Шулькин, Кирило Триухов, Семен Симонд, Василий Сивак, Феофил Хоменко, Феодосий Пинчук, Григорий Крыса, Анастасий Иванченко и Аким Левый». Певчие «от щедрот» Государыни «получили награждение пятьдесят рублей». Как видим, не только церковное здание выстроил С.А.Лашкевич, не только украсил храм замечательными иконами, но и воспитал известный во всем уезде церковный хор.

Вероятно, авторитет Лашкевича среди соседей-дворян был высок, и в 1827 г. Степана Артемьевича избрали на трехлетний срок (до 1830 г.) мглинским поветовым маршалом – то есть уездным предводителем дворянства [68, с.377; 69, с.296; 71, с.33-34]. К этому времени относятся главные благотворительные подвиги Степана Артемьевича, о которых рассказано в составленной А.М.Марковичем в 1838 г. «Исторической и статистической записке о дворянском сословии и дворянских имуществях Черниговской губернии» [61, с.22-23]. К 1829 г. в Черниговском приказе общественного призрения хранились вложенные Лашкевичем 185 тыс. рублей. По завещанию, составленному как раз в 1829 г., Степан Артемьевич довел эту сумму до 300 тыс. Приказы общественного призрения были образованы в губернских городах в соответствии с учреждением о губерниях Императрицы Екатерины Великой (1776 г.). В обязанности приказов общественного призрения входило устройство и управление народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, работными и смирительными домами. Для пополнения средств этим приказам были разрешен прием вкладов на хранение, а также выдача ссуд под недвижимые имущества и государственные процентные бумаги.

Свои 300 тысяч рублей Лашкевич распорядился использовать следующим образом: проценты со 100 тысяч следовало ежегодно выделять на выплату вместо крепостных крестьян из имений Лашкевича положенных по закону податей, а также на выплату пошлины за право этим крестьянам свободно торговать вином. Таким образом, Степан Артемьевич освободил своих крепостных от налогов и обеспечил им доход от винной торговли на много лет вперед, поскольку в завещании оговаривалось особо: «Ни в каком случае наследники не могут взять капитал сей из приказа, если не изменится Правительством самый быт крестьянский». Дополнительным завещанием 1831 г. Лашкевич дополнил капитал на выплату крестьянских податей еще 25 тыс. рублей. Кроме того, Лашкевич завещал для помощи нуждающимся крестьянам его иметь всегда в запасе 10 тыс. пудов хлеба. Но хлеб этот давался займы, чтобы поправившие свои дела земледельцы могли потом восполнить из вновь собранного урожая эти неизменные 10 тыс. пудов. Также при своей знаменитой Покровской

церкви в Новой Романовке Степан Артемьевич учредил богадельню для неимущих, на 12 человек подопечных. В год на содержание этой богадельни отпускалось по 500 рублей. Интересно, что и для причта Покровского храма в Романовке Лашкевич оставил банковский билет в 574 рубля, процентами с которого романовские священнослужители пользовались еще в 1873 г. [114, с.147]

От вложенного в приказ общественного призрения капитала оставалось еще 200 тыс. рублей. Проценты с этой суммы пошли на содержание воспитанников университетских пансионов и гимназий. Эти воспитанники должны были происходить «из столбовых дворян бедного состояния», уроженцев Черниговской губернии. По окончании своей учебы каждый из стипендиатов Лашкевича получал «на прощание» единовременно такую же сумму, которая вносилась ежегодно за его обучение. Кроме того, отдельно Лашкевич внес 32 500 рублей на учреждение стипендий особо для дворян Мглинского, Стародубовского и Городнянского уездов [71, с.33-34].

Умер, а, вернее, погиб «от руки убийц», Степан Артемьевич Лашкевич 21 апреля 1832 г. [71, с.33-34; 91, с.238] Детальное, но далеко не бесспорное, описание смерти благотворителя находим в записках Доминика Пьера (Демьяна Петровича) де ла Флиза (18 декабря 1787, Нанси, Франция — 1861, Нежин, Черниговская губерния).

Потомственный французский врач, по специализации фармацевт, де ла Флиз в чине капитана служил медиком во 2-м гренадерском полку императорской гвардии Наполеона. В ноябре 1812 г. в сражении при Красном де ла Флиз был ранен и попал в плен к русским. Военнопленного врача поселили во Мглине, где де ла Флиз хорошо сошелся с местными дворянами, и особенно – с генерал-лейтенантом графом Василием Васильевичем Гудовичем, братом знаменитого полководца, генерал-фельдмаршала и московского главнокомандующего графа Ивана Васильевича Гудовича. В конце концов, де ла Флиз женился на племяннице графа Василия Гудовича, Софье Маркевич, и остался в Российской Империи, точнее – на Украине [36]. Здесь Доминик Пьер де ла Флиз стал называться на русский манер Демьяном Петровичем, оказался свидетелем «декабристского» бунта Черниговского пехотного полка в 1825 г. [34]. В 1843 г., после смерти жены, поступил на русскую государственную службу в качестве старшего врача по ведомству государственных имуществ Киевской губернии. В 1858 г. де ла Флиз вышел в отставку с чином надворного советника, продал свое имение в Киевской губернии и переселился к сыну своему Николаю в Нежин, где купил новое имение, стал штатным смотрителем уездного училища и в 1861 г. скончался. Демьян Петрович де ла Флиз был не чужд литературному труду и оставил после себя небольшую библиотеку рукописей, частью даже иллюстрированных: «Медико-топографическое описание или физическо-медицинская география государственных имуществ сквирского округа Киевской губернии» (1849), «Краткая этнография Киевской губернии, а в особенности Киевского округа государственных имуществ с разными местными историческими памятниками древности и рисунками, по программе Русского Географического Общества 1852, составленная надворным советником, доктором медицины, Императорской Московской медико-хирургической Академии медико-хирургом, членом Императорского Виленского медицинского и Киевского Общества и проч. состоящим при Киевских Государственных имуществ старшим врачом Де-Ла-Флизом» (Сквира, 1854); «Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа» (1245 страниц); «Этнографическое описание крестьян Киевской губернии» [5] ...

В последние годы жизни Д.П. де ла Флиз, «желая оставить память о великой эпохе, которой он был свидетелем и сподвижником», собрал и переплел свой дневник, который завещал сыну в надежде на публикацию. В 1873 г. дневник де ла Флиза был переведен с фран-

цузского на русский язык писательницей Екатериной Павловной Бурнашевой (1819 – 1875) – и только лишь в 1891 – 1892 гг. опубликован в журнале «Русская старина» под названием «Поход Великой армии в Россию в 1812 г. Записки Де-Ла-Флиза, доктора французской императорской гвардии» [35, с.451-452]. В этих-то записках, в отрывках, датированных периодом 18 мая 1813 – 5 июня 1814 г., когда пленный де ла Флиз жил во Мглинском уезде, приводит французский врач подробный рассказ о гибели Степана Артемьевича Лашкевича: «В половине октября (1813 г.) случилось происшествие, ...дающее понятие о мщении русских крестьян нам господами, когда эти обращаются с ними жестоко. Соседний помещик Лашкевич... был человек очень богатый, обладал тысячью крестьян, но был без всякого образования и скупой. Жена его, рожденная Дунина-Борковская, была, напротив, характера благородного и любима графиней Гудович. Лашкевич жестоко обращался с своими людьми и заставлял иных крестьян работать в поле с цепями на ногах. Они и порешили отделаться от своего господина. Повар, кучер, камердинер сговорились между собой и в соучастницы взяли горничную госпожи. Лашкевич имел обыкновение после обеда отдыхать. Жена его, в назначенный заговорщиками день, велела при себе варить варенье, в небольшом отдельном домике в саду, не близко от жилого дома. Надобно было удержать ее тут подольше, чтобы дать время совершиться преступлению, и с этою целью горничная графини замедляла варку, подливая в варенье воды; но хозяйка заметила это и разбранила горничную, нисколько не подозревая цели этого действия. Лашкевич строил церковь и в доме его писали образа для иконостаса, причем он очень любил смотреть на работу живописца. В эту мастерскую надобно было проходить через столярную, к потолку которой, посредством веревок, привешаны были массивные бруски дерева. Эти-то бруски заговорщики намеревались спустить на голову своего барина, в ту минуту, как он станет проходить; но как они замешкались, а Лашкевич успел пройти без вреда, то положили подождать его возвращения в спальню; они пошли за ним, бросились на него, стали душить подушкою и бритвою порезали ему горло. Положив бритву ему в руку, убийцы заперли снутри дверь на крючок, потом снаружи закрыли ставни и ушли. Когда же Лашкевич возвратилась в дом, она удивилась, что муж ее еще не встал, тогда как она же еще замешкалась за вареньем. Было 5 часов, время чая. Она приказала разбудить мужа. Ей пришли сказать, что дверь заперта снутри; когда же открыли наружные ставни, увидели убитого на постели в крови и с бритвою в руках. Полиция произвела следствие и было решено, что помещик лишился жизни самоубийством. Труп схоронили в поле, без всяких церковных обрядов. <...> Спустя неделю, в местную харчевню приехал секретно из Мглина полицейский офицер. Он приказал схватить горничную и посадить ее в тюрьму. Госпожа Лашкевич не понимала, куда девалась ее горничная, как, спустя несколько дней, ей объявили, что муж ее умер не своею смертью, но был зарезан ее людьми. Преступление это открылось таким образом. Убийцы сидели в деревенском кабачке и заговорили о смерти своего барина; один из них при этом напомнил пословицу, что лучше убить змею, чем дать ей укунить нас, а слышавший эти слова бывший тут человек побежал объявить о том мглинскому протопопу, этот дал знать полиции – и убийц арестовали. Все они, спрошенные отдельно, сознались в своем преступлении. Тогда прибыл архиепископ, и велел вырыть тело Лашкевича, с большою церемониею похоронил его в склепе его церкви. Убийц наказали кнутом и сослали в Сибирь» [90, с.599-601].

В этом тексте несколько моментов должны нас насторожить. Во-первых, мы знаем точную дату смерти Лашкевича – и это не середина октября 1813 г., как у де ла Флиза, а 21 апреля 1832 г., как следует из надписи на надгробном памятнике Степана Артемьевича. Более того, документально подтверждается активная жизнь Лашкевича после 1813 г.: встреча с Императором Александром I в 1825 г., избрание на пост уездного предводителя дворянства в

1827 г., составление завещаний в 1829 и 1831 гг., о чем у нас уже говорилось. Кроме того, мы выше выяснили, что иконы для романовской церкви, построенной Лашкевичем, В.Л.Боровиковский писал в Петербурге, а не в Романовке, и в 1814 – 1815 гг., так что наблюдать за работой художника в Романовке Лашкевич в октябре 1813 г. точно не мог. Далее, обличительный пафос процитированного фрагмента кажется нам определенно неуместным: во-первых, подлинное и весьма дружелюбное отношение Лашкевича к крепостным видно из составленного в их пользу завещания. Во-вторых, убийцами помещика были дворовые люди: повар, кучер, камердинер и помогавшая им горничная. Они-то уж точно не работали в поле – ни скованные, ни раскованные. Скорее всего, процитированный фрагмент был написан де ла Флизом в старости для того, чтобы дополнить или прокомментировать дневниковые записи 1813-1814 гг., но публикаторы и переводчица этого не оговорили *¹.

Нет, конечно, повода сомневаться в правдивости описания деталей убийства, разоблачения преступления и судьбы тела Лашкевича. Но описал преступление де ла Флиз, скорее всего, по рассказам соседей Лашкевича и родственников своей жены, с которыми наверняка поддерживал отношения по крайней мере до ее кончины в 1843 г. Что же касается повода для убийства Степана Артемьевича, то, возможно, на него указывают предания, сохранившиеся среди романовских жителей до сих пор: «Рассказывают, что Лашкевич имел много золота и прятал его в земле в разных местах своей усадьбы, чтобы не забыть мест его захоронения, он начертил схематический план и приложил к нему код (сокращенные условные обозначения), прочитав который, можно было по чертежу легко найти зарытое в землю золото. Чертеж и код Лашкевич спрятал в своем жилом доме над внутренней дверью. Его крестник обнаружил тайник, вынул чертеж и код, и если раньше только догадывался о спрятанных драгоценностях, то теперь решил убить крестного и воспользоваться его золотом. Скоро обнаружили Лашкевича в его же доме с перерезанным горлом. Совершив преступление, убийца посадил свою жертву в кресло перед зеркалом и вложил мертвому бритву в руку, имитировав такой вариант самоубийства. Однако преступник код прочитать не смог, в схеме не разобрался, золота не нашел» [89]. Надо сказать, что крестником Лашкевича вполне мог быть повар, кучер или камердинер, поскольку помещики частенько выступали восприимчивыми на крестинах своих крепостных.

Похоронили Лашкевича у построенного им Покровского храма в Новой Романовке. Надгробие помещика-благотворителя в годы коммунистического режима было разрушено. Однако же описание этого надгробия чудом сохранилось в подготовительных материалах к изданию «Русского провинциального некрополя» из картотеки историка, археографа и генеалога Николая Петровича Чулкова (1870 – 1940), находящейся в собрании Государственного Литературного музея. Итак, надпись на надгробном памятнике была такой: «Лашкевич Стефан Артемьевич, корнет, <умер> «от руки убийц» 21 апреля 1832, на 57 г<оду жизни>». Далее шла стихотворная эпитафия:

Здесь скрыт страдальца прах.
В пустом тщеславии он счастья не ставил,
И память о себе бессмертную оставил
В благотворительных делах [91, с.238].

Интересная деталь – в 1899 г., когда Покровская церковь в Новой Романовке была давно уже приходской, на ее нужды сделал пожертвование святой праведный Иоанн Крон-

¹ Впрочем, «грубые фактические ошибки» находил в мемуарах Де Ла Флиза такой крупный ученый, как Ю.Г.Оксман [73].

штадтский (священник Иоанн Ильич Сергиев) [118] . Такая вот замечательная благотворительская преемственность.

В 1842 г. более тысячи крепостных крестьян, принадлежавших ранее Лашкевичу, восстали, будучи уверены, что Степан Артемьевич в завещании своем освободил их полностью от крепостной зависимости: «Заблуждение и упорство сих крестьян были столь сильны, что только при содействии воинской команды и при личных распоряжениях начальников губернии можно было усмирить их...» [63, с.77-78]

* * *

А теперь немного о печальной судьбе наследия Лашкевича во время коммунистического правления. В первые годы большевистской диктатуры Покровская церковь в Новой Романовке действовала. Более того, иконы кисти Боровиковского взял под опеку Главмузей и в мастерских Третьяковской галереи в 1921 г. эти иконы (по крайней мере, одна из них) были отреставрированы и возвращены романовскому приходу. Это выяснилось сравнительно недавно, когда в 2010 г. искусствовед Наталия Преснова опубликовала следующий документ: «В Третьяковскую Галерею. Прошу выдать сотруднику Главмузея В.В.Ушакову икону св. Софии, Веры, Надежды и Любви кисти Боровиковского, законченную реставрацией, для возвращения ея в ц<ерковь> Покрова при с<еле> Романовка. 15/VII–21 г. Москва. Анисимов. Прошу выдать. Игорь Грабарь». С обратной стороны документа находится расписка: «Расписка. Означенную икону работы художника Боровиковского, изображающую Св. Софию, Веру, Надежду и Любовь, принял из Третьяковской Галереи для передачи группе верующих с Романовки Мглинского уезда Гомельской губернии ученый сотрудник Главмузея В.В.Ушаков 28/VII — 21 г.» [82] . Из процитированного документа видно, что романовские иконы, как имеющий национальное значение памятник искусства, оказались в руках таких крупнейших специалистов и в области иконописи, и в области русской культуры вообще, как Александр Иванович Анисимов (1877 – 1937) и Игорь Эммануилович Грабарь (1871 – 1960).

Но к 1930-м годам антирелигиозная истерия, представлявшая собой неотъемлемую часть коммунистической идеологии, стала хозяйничать и в Новой Романовке. Покровский храм был закрыт, последний настоятель храма 63-летний протоиерей Сергей Александрович Скворцов 15 февраля 1938 г. был арестован чекистами и меньше чем через месяц – 13 марта – расстрелян в г. Клинцы (ныне райцентр Брянской области) [118] . В те же годы был разрушен надгробный памятник на могиле С.А.Лашкевича [49] .

В 1934 г. большие иконы Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и Михаила Архангела из романовского иконостаса были переданы в разместившийся в стенах московского Донского монастыря «Антирелигиозный музей искусств». Вскоре эти иконы оказались в музее Академии архитектуры, откуда в 1935 г. их передали в Государственную Третьяковскую галерею, где они хранятся до сих пор [119; 120; 121] . Еще одну романовскую икону – удивительный по символизму образ архангела Гавриила – причудливая советская культурная политика занесла в Казахстан. Эта икона и сейчас хранится в алма-атинском Государственном музее искусств им. А.Кастеева [82] .

К 1942 г. из 26 икон романовского иконостаса в храме находились лишь четыре. В тот год в открытый вновь при немцах Успенский собор г. Мглина из Новой Романовки эти иконы были доставлены для благочестивого молитвенного почитания. После войны в Успенском соборе продолжались службы, в 1957 г. храмовую территорию удалось даже окружить изгородью из штaketника. Но начались хрущевские гонения на Церковь... 14 ноября 1961 года Успенский собор был вновь закрыт, священник отец Николай сдал ключи от храма в Мглинский райисполком [83] . Несмотря на объявление собора памятником архитектуры,

храм остался без присмотра. Злые люди и природа вершили свое черное дело. Церковное имущество растаскивали, пока, наконец, не срезали с иконных досок холсты работы Боровиковского. Похитителей толком тогда не искали, судьба украденных полотен до сих пор не известна [118; 100, с.127-128] .

От самой Покровской церкви в Романовке остались лишь стены, которые использовались вовсе неподобающим для храма образом. В 1972 г. московский искусствовед М.П.Цапенко в своей книге «Земля Брянская» писал: «Ново-Романовская церковь сохранилась, но вид у нее обветшалый, запущенный (используется под склад). Внутреннее убранство церкви не сохранилось» [116, с.53] . Десять лет спустя брянский архитектор В.Н.Городков, также на страницах одной из своих книг, обращался к начальству владевшего Новой Романовкой колхоза «Авангард»: «Хочется верить..., что правление колхоза изменит характер использования прекрасного и редкого памятника архитектуры – здания бывшей Покровской церкви – выведет из него склад и найдет ему иное общественно-культурное назначение» [32а, с.17-18] . В наши дни ситуация лишь усугубилась, о чем сообщает мглинский краеведческий интернет-сайт: «Церковь... сохраняется и сейчас как архитектурный памятник начала XIX века. Только все еще находится в заброшенном полузабытом состоянии и продолжает разрушаться» [118] . На том же сайте можно найти и прямой крик о помощи: «Здание церкви в селе Романовка сохранилось, но находится на грани разрушения. Активисты "Общества изучения русской усадьбы", опубликовавшие современные фотографии церкви, выражают надежду, что здание, близкое по стилю постройкам Дж.Кваренги и Н.А.Львова, будет сохранено» [48] .

Летом 1969 г. произошла областного уровня культурная сенсация, о которой 20 июля написала газета «Брянский рабочий»: жители Новой Романовки Федор Петрович Кузмицкий и его мать Мария Ивановна передали в дар Брянскому областному художественному музею икону из иконостаса Ново-Романовской церкви [78] . В 1971 г. краевед С.П.Кизимова говорила: «В 1969 году жители с. Новая Романовка Мглинского района – Кузмицкие передали на государственное хранение в Брянский художественный музей икону кисти Боровиковского. Этот факт должен насторожить наших искусствоведов: вполне возможно, что в этом и соседних селах имеются и другие иконы знаменитого художника. И кто знает, может в будущем опять засияет слава возрожденного Романовского храма с его обретшими новую жизнь иконами незабвенного Боровиковского» [53, с.178] .

Интересно, что ни С.П.Кизимова, ни повторивший информацию о найденной иконе М.П.Цапенко [116, с.53] о названии и сюжете образа как-то промолчали. В посвященном Брянской области томе «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России» (1998) ошибочно сообщалось, что в Брянском областном художественном музее хранится икона кисти Боровиковского «Святые мученики Царица Александра и архидиакон Стефан» [93, с.367] (покровители Степана Артемьевича Лашкевича и его жена Александры Андреевны). На самом же деле в собрании Брянского областного художественного музейно-выставочного центра хранится икона «Святые Юлиания и Василий Пресвитер» [82] .

Иконы же «Святые мученики Царица Александра и архидиакон Стефан», храмовый образ «Покров Пресвятой Богородицы» и отреставрированная в 1921 г. «Святые Вера, Надежда, Любовь и мать их София» из романовского иконостаса дошли до нас лишь в фотографиях, сделанных Ф.Ф.Горностаевым около 1908 г.

* * *

По масштабам благотворительной деятельности в Брянском крае с графом Алексеем Кирилловичем Разумовским можно сравнить только генерал-майора Михаила Петровича Бахтина (6 ноября 1768 – 27 января 1838), помещика Брянского уезда.

Древнейшее, известное нам, упоминание о роде Бахтиных относится к 1556 г. [76, с.140] В 1582 г. в Брянский Свенский Успенский монастырь был сделан хлебный вклад общей стоимостью 15 рублей 26 алтын и 4 деньги «по Иване Бахтине» (вероятно, на помин его души) [40, с.241] . Позже в синодиках Свенского монастыря несколько раз упоминается то «род Бахътин», то непосредственно «род Ивана Бахътина» [40, с.210, 212, 223, 246] . 31 января 1605 г. за участие в героической обороне Новгорода-Северского от войск самозванца Лжедмитрия I среди 62 дворян и детей боярских «брянчан» награждены были от Царя Бориса Феодоровича Годунова государевым жалованьем «по денге по золоченой» Воин да Гавриил Ивановичи Бахтины [3, с.66; 76, с.141] – возможно, сыновья того Ивана Бахтина, по которому был сделан в 1582 г. вклад в Свенский монастырь. Подпись Воина Ивановича Бахтина, избранного вместе с Софроном Мелентьевичем Тютчевым представлять брянских дворян на Земском соборе 1613 г., стоит под Утвержденной грамотой об избрании на Московское государство Михаила Феодоровича Романова [10, с.84] . В 1673 г. келарем Брянского Свенского монастыря был еще один представитель этого рода – Филарет Бахтин [75, с.388] .

В 1690 г. дворянин московский Федор Акимович Бахтин со своей женою Дарьей Герасимовной и сыновьями Иваном Большим и Иваном Меньшим сделал вклад в Свенский монастырь [7, с.27; 40, с.233] . Возможно, Иван Меньшой Федорович Бахтин – одно лицо с умершим в июне 1714 г. в Тобольске дьяком Иваном Бахтиным, занимавшим в 1711 – 1714 гг. второе по значимости место в Большой канцелярии сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина [96, с.43, 44] . В 1722 – 1724 гг. Иван Большой Федорович Бахтин служил камериром, т.е. бухгалтером или начальником счетной конторы, Севской провинции Белгородской губернии (в состав этой провинции входили Брянский, Карачевский, Трубчевский и, собственно, Севский уезды) [85, с.5] . В старейшем синодике Брянской Белобережской пустыни, отнесенном исследователем в 1899 г. по времени составления к рубежу XVII – XVIII веков, значился род Афанасия Ивановича Бахтина [39, с.1295] – возможно, деда Михаила Петровича Бахтина.

Бахтиным в XVII – 1-й половине XIX в. принадлежали расположенные на территории современной Брянской области села и деревни Барышье, Бобылево, Городец, Дарковичи, Домашово, Журиничи, Крестникова, Спасское, Чемодурово, Чернетово, Шапкино (ныне Брянского района); Белоголовль, Дорогинь, Мордасово, Овстуг, Речица, Сельцо-Рудное (ныне Жуковского района); Бобровка (ныне Карачевского района), Верхнее и Нижнее Бунёво (ныне Рогнединского района), Высокое, Издежичи, Княжичи, Новое и Старое Каплино, Слепынь, Страшевичи (ныне Жирятинского района), Липово (ныне Дятьковского района) [27, с.23, 95, 107, 117, 137, 208, 391, 444, 445, 452, 28, 117, 262, 294, 351, 372, 36, 62, 274, 78, 157, 178, 283, 395, 381, 402, 226] .

Отца Михаила Петровича Бахтина, майора Петра Афанасьевича, избирали на 1779 – 1781 г. брянским уездным предводителем дворянства. Видимо, дядю, – ротмистра Федора Афанасьевича Бахтина – дворянским заседателем в брянском уездном суде на то же время [64, с.307; 65, с.313-314; 66, с.240, 241] . Петр Афанасьевич Бахтин был еще жив в 1799 г. [55, с.6] Еще с одним Бахтиным – Василием Афанасьевичем, 30 сентября 1765 г. произведенным в секунд-майоры [4, с.168] – предание, бытовавшее в бахтинской вотчине, селе Страшевичях Брянского уезда, и пересказанное орловским церковным историком Г.М.Пясецким связывает особое участие Пресвятой Богородицы в судьбах Бахтиных – и происхождение семейного богатства. В Брянском уезде, в Кривом лесу хозяйничал разбойник Кудеяр: «На меловых го-

рах (в 30 верстах от села Голубея, ныне Дубровского района Брянской области. – Ю.С.) у него выстроены были каменные подвалы... Сам Кудеяр с молодцами жил в куренках, а в подвалах навалено было всякое добро, что грабил он у бояр. На большой дороге в Кривом лесу никому не было от Кудеяра пропуска. По соснам у него сидели разбойники и подавали свист, когда бывала добыча. Бояре ездили с большой дворнею; но не всякий раз удавалось им проехать благополучно, разве не было дома самого Кудеяра... Разбойники чаще делали так: поведут на высокий обрыв, посадят на вилы, спустят вилы к Десне, раскачают их, да и приговаривают:

Не мы тебя бьем, а вилы;

Не мы тебя губим, а Десна – река!..

Уж и стар стал Кудеяр, а все грабит, все проливает кровь христианскую, все прогневляет Пресвятую Богородицу. Собрала она семь пятниц в одну, да сразу и вылила их на голову окаянному Кудеяру... Приехал, сказывают, о ту пору в село Страшевичи Василий Афанасьевич Бахтин из полку, и оповестил он своим сродственникам, что желает с ними повидаться. Василий Афанасьевич был знатный барин, земли и крестьян у него множество, жил богато и родню имел знатную... И вот отправилась с ним повидаться княгиня Друцкая-Сокольницкая, а путь ей лежал чрез Кривой лес. Знала она про Кудеяра, да понадеялась на своих людей, что с нею были, человек с 30. Въезжает княгиня в Кривой лес да посмеивается: говорили, дискать, что тут разбойники, а их и духу нет!.. Только у Меловой горы сидел на дереве разбойник: и, по его знаку, как черные вороны, видимо-невидимо выскочили разбойники, застрелили дворецкого, побили людей, а самую княгиню обидели и чуть живую отпустили к Василию Афанасьевичу... Тогда Василий Афанасьевич выбрал из своих людей – молодец к молодцу, человек с сорок, дал каждому по пищали, посадил их на-конь и поехал на разбойников. К утру был он уже во Кривом лесу (60 верст от Страшевичей. – Ю.С.); подъехал к Меловым горам и хотел уже взбираться на одну из гор, как видит, – на сосне сидит разбойник и кричит, что, мол, проезжие да много их! Досада взяла Василия Афанасьевича; берет он пищаль лучшую, и разбойник как сноп полетел с дерева кубарем... Собрались разбойники, а впереди сам Кудеяр. Битва была страшная. Сама Пресвятая Богородица помогла Василию Афанасьевичу ранить Кудеяра в щеку. Кудеяр выхватил платок шелковый, подвязал свою щеку и закричал: «казаки, вода!» Разбойники бросились кто куда, их гнали и били; а Василий Афанасьевич догнал самого Кудеяра и тут же покончил с ним». После этого и все богатство Кудеяра, бывшее на виду, досталось Василию Афанасьевичу Бахтину [88, с.374-375].

Действительно, в роде Бахтиных хранился особо чтимый образ Божией Матери Боголюбской. В 1731 г. в Сташевичах был построен храм во имя святых Афанасия и Кирилла Александрийских – вероятно, в честь святого покровителя деда Михаила Петровича Бахтина, Афанасия. В 1812 г. храм перестроил на свои средства уже сам М.П.Бахтин. Позже, в 1831 г. помещик А.С.Бахтин пристроил к храму придел в честь Боголюбской иконы Божией Матери и колокольню. Бахтинский храм был деревянный – каменный в Страшевичах построили в 1901 – 1905 гг. Сама чтимая икона – в рост человека, в серебряной кованой и позолоченной ризе, украшенной жемчугами и другими драгоценными камнями [4, с.55] – находилась в том же храме, в киоте с вызолоченной резьбой и под балдахином на четырех колоннах. Местные крестьяне почитали икону не меньше Бахтиных. Когда последние, после продажи родовых имений Михаилом Петровичем Бахтиным в казну и освобождения тем самым Страшевич и крестьян села из крепостной зависимости у Бахтинского рода (о чем ниже), собрались перенести свой фамильный образ в с. Юрьевск Боровского уезда, прихожане из Страшевич подали в суд, желая оставить святыню в своем храме. Но суд взял сторону Бахтиных. Однако в 1845 г. узнавший о таком благочестивом споре архимандрит Боголюбского монастыря Фео-

фил прислал в Страшевичи новый список с чудотворной иконы, и новый киот [117, с.21-22]

...

* * *

Надо, справедливости ради, сказать, что майору Василию Бахтину приходилось использовать своих вооруженных «молодцев» не только против разбойников. К 1768 г. майор Василий Афанасьевич и вахмистр (старшина) Уфимского полка Иван Петрович Бахтины насчитали за приказчиком в имении соседа своего Фаддея Петровича Тютчева Демидом Федоровым «с товарищи» долгу в 165 руб. 80 коп. Вероятно, долг возвращать ни Тютчев, ни его приказчик не собирались – и Бахтины собрали против строптивного соседа «карательную экспедицию» [85, с.36-37]. В наезде участвовали лично Василий и Иван Бахтины, а также их родственники корнет Гаврила и Иван Бурковы – каждый со своими людьми. Для верности взяли еще крепостных капитана Ивана Афанасьевича и полковника Николая Бахтиных¹. Получился отряд в 85 человек. Целью набега стали уголья у принадлежавшей Фаддею Тютчеву деревни Крупец (иначе Княжий или Большой Крупец, у северной окраины с. Малфа). Тогда Крупец относился к Подгородному стану Брянского уезда, позже входил в Трубчевский уезд, сейчас принадлежит к Выгоничскому району Брянской области РФ [27, с.41].

Надо сказать, что репутация у жителей Крупча оставляла желать лучшего. В село Малфу, напротив которого стоял Крупец, переселили в между 1730 и 1740 гг. самых беспокойных крестьян из числа принадлежавших Московскому Кремлевскому женскому Вознесенскому монастырю и до переезда обитавших в Московском и Мосальском уездах. Еще в 1990-х местные жители рассказывали, что Малфу основали три разбойника – Чика, Синюк и Бука, грабившее купцов по окрестным дорогам [4, с.142]. Так что, Василий Бахтин мог отправиться в поход на Крупец по старой привычке охотиться на разбойников.

Так или иначе, но Бахтины и Бурковы со своими людьми, «нарядным делом, с огненным орудием, с тесаками, рогатинами и дубьем» напали 6 июня 1768 г. на крестьян и дворовых деревни Крупча, находившихся в лугах на покосе. Люди Бахтиных открыли стрельбу, крестьяне Тютчева «от страха, оставя все бывшее при них, побежали». Бахтины бросились «за ними в погоню и догнав били и грабили». Во время расправы крепостные вахмистра Ивана Бахтина – дворовый мужик Алексей Ерофеев и крестьянин Никифор Васечкин, а также дворовый капитана Ивана Бахтина Иван Булатка «с товарищи убили до смерти дворового Тютчева человека Тимофея Григорьева». При этом сам вахмистр Бахтин, что называется, «съездил» несчастному ружейным прикладом.

Фаддей Тютчев дела так не оставил, пожаловался в Сенат и потребовал послать на место преступления следственную комиссию. Комиссию прислали из Вотчинной коллегии, расследование длилось 10 лет. Оплачивать работу и проживание следователей должны были тяжущиеся стороны. Тютчев свою часть денег перечислил. Бахтины же не спешили платить – и не выдавали своих крепостных на дознание. Окончательный приговор по делу Бахтиных и Тютчева сенатская комиссия огласила только 24 апреля 1778 г. Согласно этому приговору майора Василия Бахтина и корнетов Гаврилу и Ивана Бурковых следовало, «вместо телесного наказания, лишить чинов, а бывших с ними дворовых людей и крестьян, всех кои на соре и драке были, высечь публично плетью, нещадно». Вахмистра Ивана Петровича Бахтина, «яко начальнейшаго озорника, вместо казни, лишить чинов и достоинств». Капитана Ивана Афанасьева сына Бахтина за то, что послал своих и брата Николая крепостных в наезд на

¹ Николай Бахтин произведен 25 ноября 1758 г. из вахмистров Лейб-гвардии Конного полка в подпоручики. С 1765 г. ротмистр Конной гвардии. 15 января 1768 г. ротмистр Лейб-гвардии Конного полка Николай Бахтин уволен по болезни в отставку с пожалованием ему чина армейского полковника [80, с.51-52].

Тютчева, а потом «зная подлежащих к следствию крестьян своих, по многим посылкам в комиссию не предъявлял и скрывал» приговорили к лишению одного чина. Виновных же в убийстве бахтинских крепостных комиссия присудила «высечь всех публично кнутом и отдать в вотчину помещикам их», поскольку убийцы «имели нападение на людей Тютчева и бой» не по своей воле, «но будучи при помещиках, а другие посланы были от помещиков и прикащиков своих». За убитого со всех Бахтиных вместе взыскивалось в пользу Тютчева сто рублей. Наконец, со всех Бахтиных в уплату за работу комиссии, в качестве пошлины за признанный несправедливым их иск к Тютчеву в 165 руб. 80 коп., в счет штрафа за утайку от комиссии 85 участвовавших в набеге мужиков приговорили взыскать в общей сложности 13 375 руб. 71 ³/₄ коп. [85, с.36, 37, 38, 39] Но Бахтины эти деньги так и не выплатили.

Возглавлявший с 1774 г. комиссию по делу Бахтиных и Тютчева секунд-майор Неклепаев четыре раза: в 1787, 1788, 1796 и 1797 гг. просил выплатить ему причитающиеся с Бахтиных деньги. Но тут выяснилось, что экстракта из решения комиссии в Сенате нет. А в 1799 г. состоялось окончательное определение, из которого следовало, что назначенные комиссией выплаты с Бахтиных взять невозможно, «как есть показание, что все они (виновные. – Ю.С.) в давних годах померли». К тому же ко времени вынесения приговора истек десятилетний срок давности по расследовавшемуся преступлению – 10 лет, установленный аж тремя императорскими манифестами. В итоге наследников Бахтиных освободили от ответственности, а с Неклепаева взыскали плату за 11 листов использованной бумаги, да еще и печатные пошлины [85, с.40-41] ...

* * *

Михаил Петрович Бахтин был, подобно предкам своим, военным человеком. Вот только его послужной список удастся восстановить лишь отчасти. Гостивший у Бахтина в Барыше в 1833 г. 30-летний инженерный офицер Константин Карлович Жерве, дослужившийся потом до чина генерал-майора и оставивший мемуары, рассказывал, что, по слухам, «Бахтин в молодости служил... в лейб-гвардии Конном полку» [26, с.41] . Слухи не подтверждаются – в офицерских списках Лейб-гвардии Конного, Кавалергардского, Лейб-Кирасирского (позже Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества) и Кирасирского Наследника Цесаревича (позже Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества) полков Михаил Бахтин не значится. Однако если Михаил Петрович появился в штаб-офицерских списках армии уже подполковником, то следует предположить, что Бахтин перевелся из гвардии в армию с положенным прибавлением чина.

Итак, с 16 июня 1796 г. М.П.Бахтин числился подполковником тяжелой кавалерии. К 1797 г. служил в Малороссийском кирасирском полку, расквартированном в Орле [105, с.7; 103, с.276-277] . С 24 октября 1799 г. подполковник Михаил Петрович Бахтин служил в Псковском кирасирском полку [111, с.141] . Во время службы Бахтина Псковский кирасирский полк на январь 1800 г. располагался в Россиенском уезде Литовской губернии, в феврале-марте находился на марше в Рыбачью слободу Санкт-Петербургской губернии, в апреле-мае в Старой Руссе, июнь полк провел на марше к г. Орлу. Наконец, с июля 1800 по декабрь 1801 г. Псковские кирасиры квартировали в Орле, где совсем недавно стоял и предыдущий полк Бахтина. Возможно, Михаил Петрович менял лишь полки, но не место службы, находясь вблизи своих имений. С января 1802 г. по 1805 г. Псковский кирасирский полк квартировал тоже не очень далеко от Брянского уезда – в г. Вязьме Смоленской губернии [111, с.90-91] . На это время приходится наивысший взлет военной карьеры Бахтина – Михаил Петрович во время немного скандальной «пересменки» начальства командовал с 14 июля по 21 сентября 1803 г. Псковским кирасирским полком [79] . В 1804 г. Бахтин в штаб-

офицерских списках уже не значился – вероятно, вышел в отставку с получением чина отставного полковника и вернулся в Брянский уезд.

В ходе очередной войны против Наполеона Государь Император Александр Павлович объявил манифестом от 30 ноября 1806 г. сбор временного ополчения. Орловская губерния, входившая в 5-ю область формирования ополчения, выставила тогда под русские знамена 8 420 ратников [28, с.35; 86, с.4-14]. Собранные таким образом люди носили название земского войска или милиции. Имевшие военный опыт помещики и чиновники занимали в ополчении офицерские должности. Вероятно, немало ратников из числа своих крепостных крестьян выставил в милицию 1806 г. и отставной полковник Михаил Петрович Бахтин. Скорее всего, Бахтин и в структуре орловской части ополчения занимал какую-то важную должность. Все это можно предположить из того обстоятельства, что Михаил Петрович «в вознаграждение усердной службы по Земскому войску, управляющим V областью (им был знаменитый граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. – Ю.С.) оного засвидетельствованной» был по Высочайшему рескрипту, данному в 1808 г. в Санкт-Петербурге пожалован орденом св. Владимира 4-й степени [55, с.6].

Возможно, также, что определенные пожертвования людьми, деньгами, продовольствием и одеждой М.П.Бахтин делал и в Отечественную войну, поскольку Брянским уездным предводителем дворянства был представлен в 1815 г. к бронзовой на владимирской ленте медали в память 1812 года [6, с.76]. Поддерживал Михаил Петрович и первых историков Отечественной войны и Заграничных походов. Так, в 1837 г. издавалась по подписке книга Сергея Николаевича Глинки «Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года». Среди «подписантов» значился и «Его Превосходительство Михаил Петрович Бахтин» – в Брянске, оплативший один экземпляр [29, С.7]. Для сравнения: в Орловской губернии никто, кроме М.П.Бахтина, этой книги не заказал (притом, что брат автора служил тогда при орловском губернаторе); в Смоленске на книгу Глинки подписались четверо, а в Рославле – двое...

До конца своих дней М.П.Бахтин оставался холостяком. Причина этого, по слухам, собранным в 1833 г. К.К.Жерве, была такова: «Бахтин в молодости... влюбился в одну весьма красивую, умную и добрую девушку, которая его также полюбила и сделалась его невестой, но по какому-то несчастному случаю незадолго до свадьбы умерла. Бахтин был неутешен, сам сильно заболел, но, по молодости лет, вынес болезнь. Весь свет ему опостылел, он вышел полковником в отставку и уехал в свои огромные поместья. Сначала жил он очень тихо, потом познакомился с соседями, посещал их редко, но к себе принимал очень часто и постоянно всех весьма радушно. Однако он остался холостяком и даже в преклонных летах всегда с чувством скорби вспоминал о постигшем его несчастье. Недалеко от дома своего он построил большую церковь, со всею возможною для церкви роскошью, полагать надо, в память усопшей своей невесты; но в устройстве ее он не показал своей цели, а держал эту сокровенную мысль в тайне своего прекрасного сердца» [26, с.41].

Действительно, на родине и в вотчине Бахтина, селе Барыше Брянского уезда, где в декабре 1833 г. гостил и К.К.Жерве, отец Михаила Петровича, Петр Афанасьевич Бахтин еще в 1744 г. построил деревянную церковь во имя святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана с приделом во имя святителя Алексия, митрополита Московского. Храм этот был цел еще в 1831 г., но пришел уже в ветхость. Рядом Михаил Петрович Бахтин в 1829 году начал возводить каменный храм того же посвящения [117, с.29-30]. 6 декабря 1833 г., в праздник святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, и в день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича в храме этом специально приглашенный М.П.Бахтиным орловский архиерей «со всем причтом... отслужил молебствие о долгоден-

ствии Государя Императора... с коленопреклонением и многолетием» [26, с.47]. Свидетелем чему был К.К.Жерве .

Жерве познакомился с Михаилом Петровичем Бахтиным, когда тому было 65 лет: «Старик был лет около 70-ти, высокого роста, довольно бодрый, приятной наружности, приветлив, - барин в форме, но не горд. С своими крестьянами жил он в ладу, делал им и окрестным помещикам много добра, родню свою недолюбливал» [26, с.41] . Вот как проявлялась частная благотворительность Бахтина по отношению к соседям. У помещика Гудимы в канун нового 1833 г. сгорел скотный двор: «Бахтин попросил к себе Гудиму с его семейством и продержал их у себя под разными предложениями около 3-х недель. Гудима очень хорошо понимал, в чем дело, но молчал, чтоб не лишать старика удовольствия сделать ему сюрприз. Между тем Бахтин приказал построить Гудиме новый скотный двор, гораздо больших размеров, чем прежний, и под железною крышей; поставил туда полный комплект рогатого скота и лошадей и, когда все было готово, отпустил гостей домой» [26, с.45] .

Попадали под благотворящую руку Бахтина и вовсе посторонние люди. Все в том же декабре 1833 г. знакомый нам К.К.Жерве наблюдал своеобразное благотворительное соревнование между Михаилом Петровичем и соседним Бахтину брянским помещиком Небольсиным. Жерве гостил у Небольсина: «После обеда хозяин вызван был из комнаты, и вот по какому случаю. Чрез его усадьбу проезжал какой-то егерский офицер с молодою и недурненькою женою и маленьким ребенком. Они страшно прозябли и попросили позволения переночевать у него. Добрый Небольсин тотчас отвел им две теплые комнаты, накормил и напоил их на славу. Он... одарил их теплою одеждою, подарил им кибитку и пару лошадей и на другое утро, напоив чаем, отпустил счастливую чету, не находившую слов благодарить доброго старика. Мы об этом узнали уже после от исправника (главы брянской уездной полиции капитана Евгения Егоровича Логатино. – Ю.С.) и, при первой встрече с Небольсиным, провозгласили тост за его здоровье и человеколюбивый поступок. Бахтин, всегда готовый на доброе дело, просил исправника проследить, куда отправилась эта чета, и вручил исправнику 200 рублей для передачи офицеру. Тогда же мы узнали, что добрый Небольсин дал на дорогу уехавшим 50 рублей. Долго искал исправник следы путешественников и только чрез месяца полтора ему удалось узнать, что полк, в котором служил этот офицер, стоял в каком-то городке Смоленской губернии. Туда он отправил деньги от имени Бахтина и получил от полкового командира расписку в получении их» [26, с.45-46] .

В самом деле, поддержать защитника Православных Веры, Царя и Отечества было делом чести и для большого влиятельного вельможи. Любопытно, что похожая на описанную только что история произошла с отцом нашего первого героя, гетманом Малороссии генерал-фельдмаршалом графом Кириллом Григорьевичем Разумовским. Вот что рассказывает Мглинский поветовый хорунжий (дворянский депутат), помещик села Нивное (ныне Суражского района Брянской области) подполковник Лука Иванович Дудицкий-Лишень (1777 - после 1846): «Херсонского гранодерского полка поручик Павел Яковлевич Щипка, просился в домовый отпуск. Приехавши в местечко Чернухи (близ Лубен), где дом отца его находился, застал сего в крайней бедности, не в своем, а в чужем доме, ибо его за долги был взят. Поручик Щипка человек неученый, но не глупый, вздумал ехать к графу (К.Г.Разумовскому. – Ю.С.) в Батурин, чтоб время отпуска прожить у него (не будучи вовсе знакомым); по обыкновению, отведена ему горница, в коей он четыре месяца живши, всякий раз ходил за обеденный и вечерний графский стол. Когда срок отпуску приближился, то вздумалось ему поблагодарить графа за хлеб-соль, как говорится. Граф, известясь, что он, не застав собственного дома, жил все время у него, благодарил его и напоследок сказал: "Из домового отпуска обыкновенно приезжают в полк обшитые, обмытые и напугуемые хлебом-солью. Вы

предпочли дом мой вашим сродственникам, а потому я должен занять их место». В три дня поручик Щипка лутшим образом окопирован (экипирован – Ю.С.): дана ему бричка, накладенная всем нужным для офицера, четырьмя лошадьми запряженная, прекрасная верховая лошадь с прибором, два человека людей (крепостных. – Ю.С.), пять сот рублей денег и рекомендательное письмо к полковнику того полка, князю Николаю Леонтиевичу Шаховскому. Я сам, в сие время, служил в том полку и это при мне было» [38, с.169-170; 11, с.114-116].

Из подобных, надо полагать, настроений дворянской среды родился и самый грандиозный благотворительный проект отставного полковника Михаила Петровича Бахтина. Государь Император Николай Павлович собирался организовать кадетский корпус в Туле. Здесь готовили бы офицеров из мальчиков, рожденных в центральных губерниях России. Однако царским планам суждено было коренным образом перемениться. По воспоминаниям К.К.Жерве, М.П.Бахтин еще летом 1833 года... возымел намерение употребить часть своего огромного состояния на какое-либо доброе дело. Ему пришло на мысль устроить на свой счет в г. Орле кадетский корпус...» [26, с.46] В начале 1835 г. о замысле Бахтина узнал орловский губернатор Аркадий Васильевич Кочубей. Сам Кочубей о дальнейшем вспоминал так: «Весною 1835 года, отправившись объезжать по обыкновенно губернию, я, по прибытии в Брянск, вспомнил о Бахтине и пожелал познакомиться с ним. Бахтина я до тех пор вовсе не знал и потому послал к нему исправника предупредить, что, по окончании ревизии Брянского уезда, я намерен заехать к нему и с ним познакомиться. Бахтин был очень доволен моим посещением и просил меня остаться отобедать. Разговорившись с ним, я сказал, что слышал о его намерении.

— Да, Ваше Превосходительство, — отвечал он мне, — я бы хотел это сделать, да не знаю, как мне поступить.

— Дайте только ваше согласие, — сказал я, — а я уж постараюсь это устроить.

Мы ударили с ним по рукам, выпили шампанского за здоровье строителя будущего кадетского корпуса и условились, что он отдаст свой капитал сейчас же на корпус, а после смерти своей завещает на корпус же свое благоприобретенное имение, причем он объявил мне, что не желает лишать наследников своих родового имения. Я уведомил министра Внутренних Дел Д. Н. Блудова о намерении Бахтина; дело сейчас же пошло в ход» [95, с.283-284].

В ходатайстве, направленном на имя Государя Императора Николая Павловича брянским помещиком отставным полковником Михаилом Петровичем Бахтиным, не имевший потомства Бахтин просил принять от него на устройство кадетского корпуса в губернском своем городе Орле «капитала 1 500 000 рублей и благоприобретенного имения в 2 700 душ крестьян» [55, с.1]. «Покойный государь Николай, — пишет по этому поводу К.К.Жерве, лично знавший не только Бахтина, но и Государя, — как рыцарь, сочувствовал вполне прекрасной мысли Бахтина, написал ему собственноручное письмо, в котором благодарил его за жертву и уведомил его, что приказал принять приношение» [26, с.46].

Вскоре Бахтин добавил к своему первоначальному пожертвованию родовое имение, 1 469 душ крепостных крестьян и все движимое имущество. Это пожертвование вступало в противоречие с существующим законодательством, так как ущемляло права других представителей семейства Бахтиных. Мотивы подобного решения благотворителя пытался выяснить орловский губернатор А.В.Кочубей. Поначалу губернатор полагал, что это военный министр, генерал от кавалерии граф Александр Иванович Чернышев, который «вошел в прямые сношения» с Бахтиным» по делу о пожертвовании, «так вскружил этому старику голову, что тот пожертвовал и родовое имение свое в пользу корпуса». Однако позже губернатор решил напрямую поговорить об этом с Михаилом Петровичем Бахтиным: «Я упрекнул старика в

том, что он не исполнил обещания по отношению к своим наследникам, но от него в ответ получил следующее объяснение его поступка.

— Что же, батюшка, мне делать было, когда мои крестьяне родового имения пришли ко мне с упреками: ”За что же вы, батюшка, осчастливили благоприобретенных крестьян, тогда как нас несчастных оставляете в подданстве; ведь вы то имение приобрели нашими же трудами”. Как же мне, согласитесь сами, было устоять против таких упреков и не удовлетворить их справедливой претензии?» [95, с.284, 289] . Другими словами, крепостные родового имения Бахтина узнали, что крестьяне благоприобретенных бахтинских имений, пожертвованных в пользу кадетского корпуса, из положения крепостных переходят в состояние государственных – свободных, в общем-то – крестьян, и пожелали для себя такой же судьбы. Бахтин пошел своим крестьянам навстречу. Теперь следовало уладить правовую сторону вопроса.

7 октября 1835 г. Государь Император Николай Павлович прибыл в Орел. Губернатор Кочубей рассказывал позднее: «Вспомнив о пожертвовании Бахтина, Государь сказал мне: ”Благодарю тебя за то, что ты это устроил. Но слышал ли ты, что Бахтин изъявляет теперь желание отдать и родовое имение?”

— Да, Ваше Величество, – отвечал я, – но ведь закон воспрещает принять это пожертвование.

— Ну, однако ж, надо как-нибудь это уладить.

— Буду ожидать на это приказание Вашего Величества, – ответил я.

В скором времени, действительно, последовало Высочайшее повеление купить имение Бахтина и купчую крепость поручено совершить губернскому предводителю, что и было исполнено против справедливости и общего желания и в явный ущерб наследникам Бахтина, потому что деньги, которые выручены были при продаже имения, Бахтин также пожертвовал в пользу кадетского корпуса. Для подписания купчей крепости, я, вместе с губернским предводителем, отправился к Бахтину» [95, с.288-289] .

31 декабря 1835 г. в приказе по военно-учебным заведениям было объявлено: «Государь Император, приемля с особенною Высочайшею признательностью таковое пожертвование г-на Бахтина, высочайше соизволил на учреждение в г. Орле кадетского корпуса, назвав оный корпус Бахтина...» «За столь выдающийся подвиг благотворительности» Михаил Петрович Бахтин был награжден орденом св. Владимира 4-й степени [55, с.1-2] . Кроме того, Высочайшим приказом 7 января 1836 г. Бахтин из отставных определен на службу генерал-майором – без определенной должности, с зачислением по кавалерии [94; 104, с.28] .

Были и другие памятники признания, из чего видно, что и верховная власть, и дворянское общество расценивали пожертвование Бахтина как самый настоящий подвиг. Например, государственная власть повелела отчеканить в 1836 г. на Санкт-Петербургском монетном дворе в честь Бахтина золотую медаль. На лицевой стороне медали, исполненной старшим медальером монетного двора академиком А.И.Губе, находилось поясное изображение Бахтина в генеральском мундире, со звездой и знаком ордена св. Владимира 2-й степени и надписью «Михаил Петрович Бахтин». На оборотной стороне медали, выполненной медальером монетного двора Г.И.Сабуровым, красовались слова в трех строках: «За благотворение юношеству. 1836», вокруг которой находились знак и лента ордена св. Владимира, наложенные на дубовые ветви. До большевистского переворота 1917 г. медаль эта хранилась в Орловском Бахтина кадетском корпусе [97; 55, с.2] .

Дворянская же корпорация Орловской губернии поднесла «господину генерал-майору и кавалеру Михаилу Петровичу Бахтину» адрес за подписью губернского и уездных предводителей дворянства. В адресе говорилось: «Подвиг благотворительности, совершенный Вашим Превосходительством и упрочивший на вечные времена воспитание благородного

юношества Орловской губернии, преисполнил дворянство оной чувствами живейшей к Вам признательности. Оно единогласно постановило... поднести Вашему Превосходительству письменное изъявление чувств справедливой благодарности, питаемой к Вам целым сословием. Удостоверившись ныне получить на сие предположение дворянства Высочайшее Его Императорского Величества соизволение, мы... имеем честь Ваше Превосходительство почтительнейше просить принять изъявление той глубокой и искренней признательности, которою одушевляется к Вам все благородное дворянство Орловской губернии и которая, вместе с памятником благотворительности Вашей, переходя из рода в род, отзовется в самом отдаленнейшем потомстве нашем. И тогда, как и теперь, дворянство Орловской губернии с торжеством будет произносить имя Ваше и, благословляя Вашу память, гордиться тем, что в числе членов своих видело столь доблестного сына Отечества и столь высокого благотворителя, как Ваше Превосходительство; будущие же питомцы Орловского Бахтина кадетского корпуса, заслугами Всемиловейшему Государю своему и Отечеству, блестящим образом определять меру признательности своей к знаменитому виновнику их воспитания» [55, с.2-3] .

21 марта 1836 г. в Высочайше утвержденном порядке в палате Орловского гражданского суда губернатор оформил три акта: дарственную запись на благоприобретенные бахтинские имения в пользу корпуса, купчую крепость на продажу государственной казне родового имения Бахтина и акт, согласно которому полагающиеся за родовое имение Бахтина деньги безвозвратно перечислялись Орловскому кадетскому корпусу. Высочайшим указом от 21 июня 1836 г. за Бахтиным пожизненно сохранялось право владения родовым имением.

Здание кадетского корпуса в Орле было заложено 19 августа 1837 г. в присутствии Наследника Цесаревича Александра Николаевича. Закладные мероприятия сопровождалось архиерейским богослужением в соборе и крестным ходом к месту закладки. Генерал-майор М.П.Бахтин при этом вошел в состав строительной комиссии корпуса [55, с.3, 4-5] . Последнее свое пожертвование на корпус М.П.Бахтин сделал за пять дней до смерти, пожертвовав 22 января 1838 г. 140 126 руб. 35 коп. После смерти благотворителя во всех военно-учебных заведениях Российской Империи был объявлен трехдневный траур. Немного позже от продажи завещанных корпусу скота и хлеба выручили еще более 200 тыс. рублей ассигнациями [55, с.5-6] .

А что же крестьяне, пожертвованные Бахтиным в пользу корпуса или проданные в казну? Они действительно, как и пожелали сами, перестали быть крепостными и превратились в государственных. Из этих новых государственных крестьян в Брянском уезде в 1840-х гг. была образована особая волость с центром в бахтинской прежней вотчине – Барышье [27, с.24] . Кроме того, Бахтин завещал на устройство своих дворовых, на церкви и свою могилу определенные суммы [55, с.6] . Впрочем, Михаил Петрович и при жизни не обижал своих крестьян. Как вспоминает К.К.Жерве, на празднование Николая зимнего в 1833 г.: «Бахтин приказал устроить во всех своих деревнях праздничные столы с полным угощением, музыкой и танцами. Дня за два перед тем прибыли к нему пять пар молодых, которые желали вступить в брак. Он приказал в день св. Николая всем невестам выдать по двести рублей» [26, с.48] .

Похоронен был Михаил Петрович Бахтин у выстроенной им же в Барышье Космодемьянской церкви. Надгробие благотворителя (массивный мраморный памятник) венчали крест и фигура ратника-ополченца. Надпись на монументе гласила: «Под сим камнем погребено тело генерал-майора Михаила Петровича Бахтина, незабвенною памятью, патриотическим усердием, пожертвованием в пользу Орловского кадетского корпуса всего своего состояния из 5 400 душ крестьян и денежного капитала 1 600 000 рублей. Родился в 1768 г. 6-го ноября, умер 1838 года 27 января» [9, с.18; 117, с.30] .

К сожалению, бахтинские крестьяне не смогли должным образом воспользоваться полученными свободой и состоянием. В пору подготовки освобождения крепостных в 1861 г. отрицательный пример существования бывших бахтинских мужиков заставлял задуматься многих помещиков Орловской губернии. Тогда предводитель дворян Орловского уезда гвардии штабс-капитан Александр Алексеевич Бурнашев [2, стб.207] говорил: «В Брянском уезде генерал-майор Бахтин довел крестьян своих до такого зажиточного состояния, что они считались богатейшими в губернии и гордились своей нравственностью и своим помещиком. По смерти его, они поступили в ведомство Государственных Имуществ, получили свободное самоуправление и в короткий период 16 лет развратились, обленились и обнищали, несмотря на то, что им были отданы на самую ничтожную оброчную плату все удобренные господские поля и угодья, бывшие в примерном порядке при жизни заботливого помещика» [56, с.411-412].

В 1903 г. орловский дворянин и краевед Александр Юрасовский писал: «Как-то, во время поездки по Брянскому уезду, я разыскал совершенно случайно, на сельском, ныне заброшенном, кладбище памятник на могиле генерала Бахтина. Надгробная плита почти ушла в землю, здесь же бродил крестьянский скот. Пройдет 5-6 лет и окончательно утеряно будет место погребения того, кому орловское дворянство обязано многим» [46, с.4].

Прошло 14 лет, и власть над Россией захватили безбожники-большевики. Могила Бахтина сгинула, храм в Барыше был разорен и разрушался. Новый памятный знак на могиле благотворителя установили лишь около 2005 г. В августе же 2016 г. надгробие Михаила Петровича Бахтина было реконструировано, причем в основу монумента положили центральную часть первоначального памятника. 29 августа того же года памятник освятил митрополит Брянский и Севский Александр [115]. Также восстанавливается в Барыше и храм во имя святых мучеников и бессребреников Космы и Дамиана.

Библиографический список

1. Автобиография А. Л. Витберга // Русская старина. 1876. Т.17. №9.
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в царстве Польском и в великом княжестве Финляндском на 1861-1862 год. Ч.II. СПб., б.г.
3. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Под ред. Н.А.Попова. Том I. Разрядный приказ, Московский стол.1571-1634. СПб., 1890.
4. Алексеев В.П. Брянские люди XVIII века. Брянск, 1993.
5. Алексеев М. К вопросу об этнографических работах Де-Ла-Флиза // <http://www.history.odessa.ua/publication.htm>
6. Апухтин В.Р. 1812-1912 г. Орловское дворянство в Отечественную войну. Очерк и материалы. Орел, 1913.
7. Арсеньев В. Вкладная книга Брянского Свенского монастыря. [Тула, 1911.]
8. Б<артенев> П. Г.В.Грудев // Русский архив. 1896. Кн.1. №4. С.638-639.
9. Бахтин А. Михаил Петрович Бахтин (1768-1838) // К истории Орловского Бахтина кадетского корпуса. Сборник статей / Сост. Н.Петрованова. Орел, 2002.
10. Белокуров С.А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1906. Кн.3. I. Материалы исторические. С.84.
11. Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах / Издание П.С.Киселева. Ч.1. 1796 г. В Богородицке. М., 1875.
12. Васильев А.В. Лобачевский, Николай Иванович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс] – М.:ИДДК,2006- 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
13. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т.1. СПб., 1880. Приложения.
14. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т.2. СПб., 1880.
15. Вестник Европы. 1809. №8.
16. Вестник Европы. 1809. №10.

17. Вестник Европы. 1809. №11.
18. Вестник Европы. 1809. №12.
19. Вестник Европы. 1809. №13.
20. Вестник Европы. 1809. №14.
21. Вестник Европы. 1809. №16.
22. Вестник Европы. 1809. №18.
23. Вестник Европы. 1809. №23.
24. Вестник Европы. 1810. №1.
25. Вестник Европы. 1810. №2.
26. Воспоминания Константина Карловича Жерве (продолжение) // Исторический вестник. 1898. №7.
27. Вязьмитин О.Р. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь / изд. 2-е, дополненное и исправленное. Брянск, 2012.
28. Генеральный отчет о милиции составлявшей подвижное земское войско, составленный по велению Военного Министра в инспекторской экспедиции 1809-го года. Б.м., б.г.
29. Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года, с присовокуплением статей: I) Александр Первый и Наполеон. II) Наполеон и Москва. СПб., 1837. Имена подписавшихся особ.
30. Горленко В. Боровиковский, Владимир Лукич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс].
31. Горностаев Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга. М., 1914.
32. Городков В.Н. Архитектурные образы Брянщины. Тула, 1990.
- 32а. Городков В.Н. По старинным аллеям. Тула, 1983 (1982).
33. Гун, фон О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. Ч.1. М., 1806.
34. [Де-Ла-Флиз.] Ла Флиз Д. де. Муравьевский бунт // Аргус. 1913. №4. С.65-80.
35. [Де-Ла-Флиз.] Поход Великой армии в Россию в 1812 г. Записки Де-Ла-Флиза, доктора французской императорской гвардии // Русская старина. 1891. Т.71. №9.
36. Де-Ла-Флиз. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. Мемуары современников и очевидцев. Москва : Образование, [1912]. // http://www.twirpx.com/files/historic/russia/modern/istoriya_rossii_v_xix_veke/
37. Демехина Л.А. Листая страницы истории // Почеп – славный город на Судости. Сборник исторических очерков. Клинцы, 2000.
38. [Дудицкий-Лишень Л.И.] Авгасова конюшня. Журнал ежедневных занятий подполковника Луки Иванова сына Дудицкого-Лишня, с означением годов, месяцев и числ, когда какая статья внесена // Календарь Черниговской губернии на 1892 год. Отдел второй. Чернигов, 1891.
39. Е.Н. Синодики Белобережской пустыни // Орловские епархиальные ведомости. 1899. №31. Отдел неофициальный.
40. Евсеев И.Е. Описание рукописей, хранящихся в орловских древнехранилищах. Орел, 1906.
41. Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка 1769 – 1791 / Издание подготовил В.С.Лопатин. М., 1997.
42. Жуков Д.А. Козьма Прутков и его друзья. М., 1976.
43. Записка о смерти и похоронах гр. Ал. К. Разумовского, Н.Шишонка. С предисловием // Лазаревский Ал. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. II. Киев, 1895.
44. Записки академика Александра Лаврентьевича Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве (Продолжение.) // Русская старина. 1872. Т. 5. №2.
45. Записки графа М.Д.Бутурлина (Продолжение) // Русский архив. 1897. Кн.1. №3.
46. Из прошлого. К биографии Орловских деятелей. Генерал М.П.Бахтин // Труды Орловской ученой архивной комиссии. За 1901 и 1902 гг. Орел, 1903.
47. Из рассказов Г.В.Грудева // Русский архив. 1898. Кн.3. №11.
48. Иконостас Романовской церкви // <http://old.mglin-krai.ru/>
49. Историческая справка о с. Старая и Новая Романовки // <http://old.mglin-krai.ru/>
50. Историческое описание церквей и приходов Карачевского и Дмитровского уездов. Брянск, 2010.
51. Историческое описание церквей и приходов Севского уезда. Брянск, 2010.
52. Историческое описание церквей и приходов Трубчевского уезда. Белые Берега, 2002.
53. Кизимова С.П. Романовский иконостас В.Л.Боровиковского // Брянский краевед. Вып.IV. Брянск, 1971.
54. Кизимова С.П., Зубова Е.М. По следам святых обителей. Из истории монастырей и пустыней Брянского края. Брянск, 1999.

55. Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса с приложением списка бывших воспитанников... (1843-1893). Орел, 1893.
56. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест / Изд. 2-е, дополненное и уточненное. Т.1. Брянск, 2013.
57. Кючарианц Д.А. Антонио Ринальди. СПб., 1994.
58. Лазаревский Ал. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т.1. Полк Стародубский. Киев, 1888.
- 58а. Лебедева-Емелина А.В. Осип Козловский — белорус? (Новое о композиторе) // Старинная музыка. 2015. №2 (68).
59. Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914.
60. Майков П.М.Разумовский, граф Алексей Кириллович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова в 27 томах // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс].
61. Маркович А.М. Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянских имуществвах Черниговской губернии. Чернигов, 1894. С.22-23.
62. Мартынов А.Г. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., [1908]. Приложения.
63. Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 г. Berlin, 1872.
64. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1779. СПб., [1779].
65. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1780. СПб., [1780].
66. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1781. СПб., [1781].
67. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1785. СПб., [б.г.].
68. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1828. Ч.2. СПб., б.г.
69. Месяцослов и общий штат Российской Империи на 1830. Ч.2. Спб., б.г.
70. Милорадович Г.А., граф. Родословная книга Черниговского дворянства. Т.II. Ч.6. СПб., 1901.
71. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т.III. Л-О. Киев, 1912.
72. Николай Михайлович, Великий Князь. Московский некрополь.Т.1. СПб., 1907.
73. Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка (Обзор источников публикаций и исследований) // Восстание декабристов. Материалы. Т. VI. М. – Л., 1929. С.LIV.
74. [Описание Брянска после 1835.] // РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.942. Л.3-3об.
75. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.18. М., 1913.
76. Опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова. Вып.1. М., 1906.
77. Павловский И.Фр. К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н. Г. Репнина // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып.1. Полтава,1905.
78. Петрачков В. В дар музею // Брянский рабочий. 1969. №167 (13 688). 20 июля. С.3.
79. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков Русской Армии (1796–1825) // http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/alfshcom_b.html (Бахтин Михаил Петрович)
80. Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-Гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886.
81. Последний комендант Мглина, его родители и потомки // <http://www.mglin-krai.ru/malorossiya/322-poslednij-komendant-mglin-ego-roditeli-i-potomki>
82. Преснова Н. Усадебный Боровиковский // Наше наследие. 2010. № 93-94 // <http://www.nasledierus.ru/podshivka/2010-94.php>
83. Протченко З. Е. Земля Мглинская – родной край. Из главы 9 // Собор Успения Пресвятой Богородицы // <http://mglin-krai.narod.ru/index.htm>
84. Пупарев А.Г. Голодный год в Брянском уезде // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1892. Вып.3. Орел, 1892.
85. Пупарев А. Орловская старина. Исторические сведения об Орловской губернии, извлеченные из архивов. Т.1. Орел, 1872.
86. Пупарев А.Г. Сбор милиции 1806 г., повинности и пожертвования на нее // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1890. Вып.4. Орел, 1891.
87. Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 2010.
88. [Пясецкий Г.М.] Исторические очерки города Орла (продолжение) // Орловские епархиальные ведомости. 1873. №7. 1 апреля. Отдел неофициальный.

89. Рассказы о гибели Лашкевича // Историческая справка о с. Старая и Новая Романовки // <http://old.mglin-krai.ru/>
90. Русская старина. 1892. Т.73. №3.
91. Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П.Чулкова из собрания Государственного Литературного музея // Река времен. Кн.4. М., 1996.
92. Сабурова Т.Г. Дагеротип в России. Собрание Исторического музея. М., 2014.
93. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1998.
94. Северная пчела. 1836. №9. 13 января. С.1.
95. Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича Кочубея. 1790-1873. СПб., 1890.
96. Сибирский летописец. Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске / С предисловием Е.В.Кузнецова. Тобольск, 1892.
97. Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Вып. V. СПб., 1846. С.100-101, Таблица XII, №64.
98. Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д. Тайные архивы русских масонов. М., 2007.
99. Соловьев Ю.П. Император Александр I на Брянской земле // Проблемы сохранения культурного наследия. Материалы III международного семинара (28 ноября 2013 года). Брянск, 2014.
100. Соловьев Ю.П. Память об Отечественной войне 1812 года в Брянском крае // Проблемы сохранения культурного наследия. Материалы II международного семинара (29 ноября 2012 года). Брянск, 2013.
101. Соловьев Ю.П. Религиозная жизнь Брянского гарнизона на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы истории. 2012. №6.
102. Сомов А. Васильчиков, Александр Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] – М.: ИДЦК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
103. Список армейским офицерам по полкам и батальонам... 1797 года. [СПб., 1797.]
104. Список генералитету. Напечатан по 1-е января 1838 года. Б.м., б.г.
105. Список штаб-офицерам по старшинству на 1802 год. [Б.м., б.г.]
106. Список подполковникам по старшинству. СПб., 1838.
107. Список полковникам по старшинству. СПб., 1857.
108. Стафеев Г.И. В Отчизне пламени и слова. Тула, 1983.
109. Степанов В.С. и Григорович И.И. В память столетнего юбилея Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1769 – 1869). СПб., 1869. Список кавалеров Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, четырех степеней, за 100 лет.
110. Трубецкой В.П., князь. История одного хозяйства // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996.
111. Урусов С.П., князь. История 4-го лейб-драгунского Псковского Ее Величества полка. 1701-1883 г. Изд. 2-е. СПб., 1886. Приложения.
112. Филарет [Гумилевский], архиепископ [черниговский]. Историко-статистическое описание Мглинского и Суражского уездов. Белые Берега, 2009.
113. Филарет [Гумилевский], архиепископ [черниговский]. Историко-статистическое описание Стародубского и Новозыбковского уездов. Брянск, 2011.
114. [Филарет Гумилевский, архиепископ черниговский.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн.7. Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды. Чернигов, 1873.
115. Храм во имя св. Бессребреников и Чудотворцев Космы и Дамиана с.Барыше Брянского р-на / Новости // <http://borishram.cerkov.ru/novosti/>
116. Цапенко М.П. Земля Брянская. М., 1972.
117. Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда. (Ротепринтное воспроизведение издания «Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии». Т.1. Орел, 1905 г.) Брянск, 1990.
118. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Новая Романовка) // <http://mglin-krai.narod.ru/>
119. <http://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=4206>
120. <http://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=4205>
121. <http://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=4208>

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, доцент Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, yur.soloviev@yandex.ru

ИЕЗУИТЫ VS. РЕКОЛЛЕКТЫ: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА МИССИОННЫХ ПОЛЯХ НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII ВЕКА

Аннотация. Конкуренция между различными орденами Римско-Католической церкви как в Европе, так и на колониальных территориях играет весьма заметную роль в истории раннего Нового времени. Противоречия между реколлектами и иезуитами в Новой Франции XVII в. отражают и общую тенденцию противостояния «старых» и «новых» орденов, и особенности положения католической церкви во Франции и ее колониях.

Ключевые слова: иезуиты, реколлекты, миссионерская деятельность, Новая Франция, галликанизм, конгрегация Пропаганды веры.

Fedin A. V. Jesuits vs. Recollects: to a question on a religious competition on mission fields of a 17-th century New France

Annotation. The competition between various orders of Catholic church both in Europe and colonial territories plays rather appreciable role in the history of early Modern time. Contradictions between recollects and jesuits in New France reflect both the general tendency of opposition of "old" "new" orders, and features of position of a latin church in 17th century France and its colonies.

Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, recollects, Gallicanism, congregation of Propaganda of Faith.

История миссионерской деятельности католической церкви в Северной Америке, реализуемой в XVII-XVIII вв. силами различных монашеских орденов и конгрегаций, полна героических деяний, невероятных авантюр и не менее потрясающих страданий. Вместе с тем, в ней хватает и малозаметных сюжетов, связанных с повседневным (и даже, где-то, рутинным) трудом миссионеров, а также, с до сих пор остающимися дискуссионными и до конца не разъясненными вопросами, в силу этого, как правило, удастаивающимися нескольких строк в работах по ранней истории Канады. К этим сюжетам относятся и противоречия, возникшие между двумя орденами, бывшими пионерами в миссионерской деятельности в Новой Франции – иезуитами и реколлектами.

Почвой для разгорающегося с середины XVII столетия конфликта послужил отказ членам ордена реколлектов в возможности продолжать их миссионерскую деятельность во французской Северной Америке, который они в течение 1632-1672 гг. неизменно получали от феодального собственника колонии – Компании Новой Франции. Реколлекты объясняли этот отказ интригами иезуитов, боявшихся честной конкуренции со стороны истинных сынов Церкви, иезуиты же – отрицали эти обвинения. Со временем, по мере роста колонии и обращенного туземного населения, к прежним обвинениям добавлялись новые или менялись акценты, но суть оставалась той же. Даже когда реколлекты вновь вернулись в Канаду в 1673 г., их борьба с иезуитами не только не прекратилась, а даже усилилась. Выяснению причин этого и посвящена данная статья.

Реколлекты (Ordo Fratrum Minorum Recollectorum, Орден меньших братьев-реколлектов) – это конгрегация францисканского ордена, выделившаяся из его обсервантского течения в 1525 г. в Испании и Италии с целью восстановления духа аскетизма и отшельничества. Во Франции, где орден появился в 1592 г., возникло несколько провинций, среди членов которых был силен не только дух аскетизма, но и миссионерской деятельности. С возобновлением заморской экспансией Франции в начале XVII в., орден активно стремился к новым миссионным территориям, продолжая, во многом, еще средневековую традицию, в рамках которой миссионерская деятельность была сродни индивидуальному духовному

подвигу аскета и отшельника в борьбе с греховным миром. Полею для этой борьбы к началу 1610-х гг. была определена Новая Франция, которая в это время состояла, по сути, только из одного поселения – Квебека, основанного Самюэлем де Шампленом на р. Св. Лаврентия.

В 1612 г. наместник Новой Франции граф де Суассона приказал Шамплёну не только сохранять Канаду «под властью Его Величества», но и «привлекать и побуждать дикарей к знанию и службе Богу, в свете веры и религии, католической, апостолической и римской» [5, vol. IV, p. 211]. Со времен путешествий Ж Картье в первой половине XVI в. это стало традицией (заимствованной, по-видимому, у испанцев и португальцев) обосновывать колониальные захваты потребностью проповеди слова Божия и расширения Церкви среди туземных народов. Еще в 1609 г. «отец Новой Франции» обращался за помощью именно к иезуитам, уже зарекомендовавшим себя как весьма успешные миссионеры в иберийских колониях Америки и Азии, но потерпел неудачу, ибо в то время его патроном выступал Пьер де Мон, бывший гугенотом, что никак не могло быть принято главной контрреформационной силой того времени [5, vol. IV, p. 27-28, 31, 34]. В результате, теперь он обратился за помощью к монахам ордена реколлектов, которые с готовностью приняли его предложение.

Не последнюю роль в том, что выбор основателя Квебека пал именно на реколлектов, сыграло знакомство Шамплёна с Луи Уэлем, секретарем короля и генеральным инспектором соляных работ в Бруаже, который и посоветовал ему обратиться к членам этого ордена. Согласие короля и папы, как и гарантии помощи от Компании Коммерсантов, в то время имевшую монополию на торговлю с Америкой, не замедлили быть предоставлены. [5, vol. III, p. 22-24; 27, t. I, p. 133]. Более того, в 1618 г. папский нунций во Франции Гвидо Бентивоглио официально передал канадскую миссию парижским реколлектам [15, p. 62; 7, p. 201].

Первые реколлектские миссионеры отплыли из Франции в Канаду 24 апреля 1615 г., достигнув Квебека 25 мая. Они ревностно взялись за исправление ослабленной расстоянием и общей неустроенностью раннеколониального быта морали французских поселенцев, а с другой стороны, начали вой апостолат среди местных кочевых племен монтанье. И по всем направлениям встретились с такими препятствиями, от которых опускались руки. Прежде всего, речь шла о фундаментальном противоречии между любыми представителями Церкви, стремящимися утвердить ее основы на новых территориях, и представителями торговых компаний, стремящихся лишь к увеличению прибыли от мехоторговли (и, стоит добавить, очень часто бывшими протестантами). Если для первых стабильная земледельческая колония, причем, состоящая как из французских переселенцев, так и местного, обращенного в христианство и осевшего на землю, туземного населения, была основным условием строительства церковной организации, для последних – это стало бы весьма болезненным ударом по их торговой деятельности; ибо переход индейских кочевников-охотников и трапперов к оседлому образу жизни означал сокращение поставок бобровых и иных шкур на склады компаний, а развивающаяся сельскохозяйственная деятельность угрожала экологическим основам мехоторговли. Конфликты торговцев и миссионеров не замедлили возникнуть, которые сильно осложнял тот факт, что материальное обеспечение реколлектов полностью зависело от торговых компаний.

Во-вторых, уже упомянутый кочевой образ жизни индейского населения, обитающего в районе Квебека: кочевать вместе с паствой (реальной и потенциальной) было физически невероятно трудным делом, связанным с риском для здоровья и даже жизни. «Они заметили, – писал Шамплён о деятельности реколлектов, – что никогда не преуспеют в обращении [туземцев], если, прежде чем сделать их христианами, не сделают их людьми. Необходимо сделать индейцев оседлыми, и привести их к нашим обычаям и законам», «так, чтобы с французской речью они могли также приобрести французское сердце и дух» [23, vol. II, p. 340; 18,

vol. I, p. 110-111; 5, vol. III, p. 6]. Это стремление к «цивилизации» станет главной миссионерской программой в Новой Франции, по крайней мере, до середины XVII в.

Уже в 1616-1618 гг. реколлекты, опираясь на поддержку сил в колонии и метрополии, которые разделяли их стратегическую задачу создания развитой колониальной инфраструктуры (прежде всего, Шамплена), начали активно пропагандировать эту идею при дворе, призывая королевскую власть к большему участию в делах Новой Франции [5, vol. III, p. 173-174]. Реколлекты добились немногого: ситуация, как внутри во Франции, так и за ее границами, была тогда сложной и не оставляла возможности властям уделять много внимания заморским владениям. Торговцы пользовались этим, не выполняя обязательства по содержанию миссионеров, а подчас даже притесняя их [28, vol. IV, p. 262-263; 1, p. 36-37]. Сменивший Суассона в качестве вице-короля Новой Франции принц Конде поддерживал гугенотов, как в метрополии, так и в колонии, что еще более осложняло положение реколлектов. А после его ареста в 1616 г. ситуация и вовсе стала критической не только для миссионеров, но и для Шамплена, чьи права на Квебек оспаривались [5, vol. IV, p. 369; 27, t. I, p. 140, t. II, p. 4; 13, t. III, p. 356].

В результате, миссионеров-реколлектов всегда было мало в Канаде, и состав их миссии постоянно менялся. За четырнадцать лет (до 1629 г., когда реколлекты были вынуждены оставить это миссионерное поле) 12 отцов и 6 братьев реколлектов покинули Францию ради Квебека, но никогда их число в колонии не превышало четырех. Эта нестабильность помешала обучению языкам и образованию миссионерских команд, способных на систематическую работу. «Их единственной заботой, – писал Шамплен о ситуации в миссии первой половины 20-х годов, – было молиться Богу и возделывать свои сады» [5, vol. V, p. 92]. Ни до 1629, ни после 1670 г., когда они вновь вернулись в Канаду, реколлекты не показали ни способности и желания к адаптации, ни необходимой настойчивости в деле миссии [20, vol. II, p. 50*].

Ситуацию осложнили противоречия, вспыхнувшие внутри самого ордена реколлектов. В 1614 г., когда решался вопрос о привлечении его членов в Новую Францию, первоначально миссионерами в Квебек были назначены представители орденовой провинции Аквитания. Но руководство провинции Сен-Дени в Париже добилось их отстранения и передачи этого служения исключительно для их монахов. Внутри французских реколлектов, в результате, возник серьезный конфликт, который получил широкую огласку при французском дворе и в Риме. В конце концов, реколлекты Аквитании нашли для себя поле евангелизации в Акадии в 1619 г., где три монаха трудились до 1624 г., когда отсутствие средств заставило их оставить миссию. Они возобновили свою работу в Акадии только в 1630 г. [20, vol. II, p. 76; vol. II, p. 158; 5, vol. III, p. 15-19].

Однако, к концу 1619 г. отношение королевского двора к Канаде начинает меняться. Интерес к колонии проявил герцог де Монморанси, один из знатнейших аристократов, губернатор Лангедока и адмирал Франции. Он выкупил титул вице-короля Новой Франции у принца Конде, распустил Компанию Акционеро́в, тогда обладавшую монопольными правами на деятельность в колонии, и в 1620 г. сформировал собственную компанию во главе с кальвинистскими торговцами из Ла-Рошели братьями де Кан, одним из условий монополии которой, уже традиционно, стала транспортировка и содержание шести католических миссионеров. При этом королевским и своим представителем в колонии Монморанси назначил Шамплена, сторонника активной колонизации [28, vol. IV, p. 256; 20, vol. II, p. 63, 84; 5, vol. V, p. 38; 31, с. 60]. Именно тогда, в ноябре 1619 – январе 1620 гг., в среде иезуитского руководства провинции Франция возрождается идея возобновления (после весьма болезненного фиаско в 1611-1613 гг.) апостолата в Северной Америке [20, vol. II, p. 39-40].

Генерал Общества Иисуса Муцио Вителлески, со своей стороны, поддержал эту инициативу. Более того, он связался с руководством французских реколлектов с целью координации совместной деятельности для утверждения христианства в Канаде [20, vol. II, p. 40-41]. Тем не менее, процесс подготовки к возвращению в Новую Францию затянулся на 5 лет. Этому способствовали не только неизбежные трудности, связанные с заморскими путешествиями, но и общая ситуация, сложившаяся в 20-е гг. XVII в. во Франции и ее колониях. Молодой Людовик XIII в этот период воевал то с вдовствующей королевой-матерью, то с непокорной аристократией, то с гугенотами, вновь оставив заморскую колонизацию в руках торговых компаний. В результате, Пьер Шоню мог уверенно заявить: «В 1620 году французской Америки еще не существовало» [33, с. 65].

Непосредственно началу основания иезуитской миссии в Квебеке предшествовали события, которые стали существенной частью реколлектского обличительного антииезуитского дискурса впоследствии, и вокруг которых до сих пор идут дискуссии среди историков. Реколлектская историческая традиция, от «Истории Канады» Сагара (1636) до «Первого утверждения веры в Новой Франции» (1691), приписываемого реколлекту Леклерку, утверждала, что именно реколлекты Квебека призвали туда иезуитов, чтобы совместными усилиями обратить эту страну к христианству и способствовать установлению там истинно католической колонии, и что последние затем вытеснили своих коллег с миссионерского поля, пожав чужие плоды. Данный тезис был принят различными историками практически без изменений [23, vol. III, p. 781-785; 18, vol. I, p. 225, 231; 15, p. 64-65; 19, p. 20; 12, v. I, p. 206-208; 16, p. 8; 2, p. 124; 9, p. 297; 8, p. 118-119; 25, p. 124-125, 169; 21, p. 309-310], хотя другие участники и современники событий (например, Шамплен [5, vol. V, p. 139]) прямо заявляли о собственной инициативе Общества Иисуса в создании миссии в Канаде. И лишь во второй половине XX в., с открытием новых документов после II Ватиканского собора, стало возможным точно разграничить реколлектские и иезуитские миссионерские программы и их реализацию [20, vol. II, p. 61-62; 1, p. 50-51].

Действительно, стремление иезуитов возобновить миссионерскую деятельность в Новой Франции никак не зависело от позиции других орденов. Леклерк описывает визит представителей новофранцузских реколлектов Пья и Сагара в Париж в октябре 1624 г. с жалобой на де Канов, не выполнявших обязательств по укреплению колонии и поддержке миссионеров, во время которого они якобы и предложили иезуитам помочь им в Америке. При этом, добавлял Леклерк, «никто [во Франции] не желал и слышать об этом; и точно так же жители страны [Канады]». Тем не менее, о. Пья обратился с этим предложением к прокуратору иезуитского коллежа в Бурже Филиберу Нуаро и светским властям, и «решение было принято с радостью и обещаниями благодарности и союза со стороны иезуитов» [18, vol. I, p. 225, 231]. Однако, наиболее активные представители Общества Иисуса во Франции уже в течение нескольких месяцев перед этим усердно работали над организацией их нового миссионерского предприятия. Речь идет, прежде всего, о Ф. Нуаро, ставшем в ноябре 1624 г., после смерти Ля Бретеша, духовником маркиза де Вантадура – племянника вице-короля Новой Франции Монморанси.

Маркиз де Вантадур был, как и многие другие французские аристократы-католики в то время, истово верующим, стремящимся к активной деятельности ради славы Господа и Церкви. Он был одним из основателей тайного элитарного религиозного Общества Св. Таинства (Компани дю Сен-Сакраман), состоявшего из таких же, как он, отпрысков знатных семейств, и занимавшегося благотворительностью и надзором за нравственностью и чистотой веры [33, с. 187; 1, p. 40]. Зимой 1624 г. Нуаро настоятельно советовал Вантадуру выкупить у дяди титул вице-короля и стать главным оплотом католицизма в Новой Франции, послав ту-

да миссионеров-иезуитов [20, vol. II, p. 50*, 59-60; 10, p. 27]. В результате, 15 февраля 1625 г. маркиз де Вантадур вступил в должность и права вице-короля Новой Франции. Большинство исследователей согласны, что главным интересом нового вице-короля была христианизация коренных жителей Канады. «Герцог Вантадур, – писал Шамплен, – стал вице-королем, влекомый никаким иным интересом, кроме ревности и желания увидеть сияние славы Божьей в тех варварских странах; и с этой целью послал туда братьев, среди которых, как он полагал, не было никого способнее иезуитских отцов, дабы привести те народы к нашей вере» [5, vol. V, p. 139-140].

Первыми приказами он доказал, что иезуиты не ошиблись в выборе покровителя их апостолата в Канаде: было запрещено протестантам управлять навигацией между колонией и метрополией, Гийом де Кан обязывался оказывать всякую помощь миссионерам, Шамплен был утвержден лейтенантом вице-короля, а иезуитам была предложена крупная сумма для основания и развития миссии в Квебеке [20, vol. II, p. 53*, 839; 5, vol. V, p. 144-145, 151-152; 10, p. 28; 15, p. 65]. Новый вице-король прямо заявил, «что не потерпит [в Новой Франции] иной религии, кроме католической, апостольской и римской; что отцы иезуиты... будут подержаны и в радости, и в горе» [20, vol. II, p. 839].

Наконец, 27 апреля 1625 г. из Дьеппа отправилось судно Гийома де Кана, на борту которого находились первые члены квебекской миссии: отцы – Шарль Лалеман, назначенный супериором миссии, Жан де Бребёф и Анмон Массе, и братья – Жильбер Бюрель и Франсуа Шартон. С ними также отправился один реколлект, Жозеф де Ля Рош д'Айон [28, vol. IV, p. 259; 20, vol. II, p. 51*, 70]. Через два месяца, 15 июня, они достигли Квебека, в котором тогда жило не более 50 человек [26, p. 46].

С отплытием кораблей из Квебека к концу 1625 г. там осталось всего три реколлекта: оо. Юэ и д'Айон и бр. Лангуассё (20, vol. II, p. 76). К осени 1626 г. в Новой Франции остался только один реколлект – Рош д'Айон, находившийся у гуронов (28, vol. IV, p. 225). Поэтому иезуиты никого не стеснили, когда были радушно приняты в реколлектском монастыре Сен-Шарль близ Квебека, как в силу отсутствия в поселении достойного жилища, так и неоднозначного отношения части жителей (прежде всего, гугенотов) к появлению членов Общества Иисуса. «Отцы [реколлекты] приняли нас со столь большим милосердием, что мы в вечном долгу перед ними», – сообщал Лалеман Шамплону [28, vol. IV, p. 171]. Им придется прожить там около двух лет, в течение которых они разделят со своими хозяевами не только кров, но и пастырские обязанности в отношении католической общины в Канаде и немногих обращенных к этому времени в христианство индейцев [20, vol. II, p. 51*].

Леклерк (или те, кто назвался его именем) описывает принятие иезуитов реколлектами как помощь в безвыходном положении, в котором очутились первые в результате якобы крайнего «отвращения», выказанного в их отношении поселенцами Квебека. «Они не нашли никого, кто пожелал бы приютить их... Предприятие было на грани провала, они собрались вернуться во Францию на тех же самых судах и полностью отказаться от своих планов, когда наши отцы, после многих усилий, наконец добились от генерала [Гийома де Кана] и поселенцев согласия на то, чтобы иезуитские отцы поселились с нами» [18, vol. I, p. 237-238]. Эти слова, написанные в 1691 г., полностью противоречат воспоминаниям современников. И сами иезуиты, и Шамплен отмечают «любезность» со стороны де Кана, который сам предложил им совместное проживание с реколлектами [28, vol. IV, p. 171; 5, vol. V, p. 149].

Вместе с тем, только обустроившись на Сен-Шарль, иезуиты начали подыскивать место для строительства своего собственного дома, и 1 сентября был водружен крест на месте будущего знаменитого монастыря Нотр-Дам-дез-Анж (Богоматерь Ангелов), ставшего символом иезуитского присутствия в Канаде. С помощью жителей Квебека и привезенных из

Франции рабочих весной-летом 1626 г. были возведены первые дома, начата распашка земли под руководством о. Массе, прозванного впоследствии своими компаньонами «Полезным отцом» [28, vol. VI, p. 37-39; vol. IV. P. 209; 10, p. 32-33].

Иезуиты разделили с реколлектами не только кров, но и существенные догматы их конверсионной стратегии. Как и реколлекты, иезуиты полагали, что утверждение французского владычества в долине Св. Лаврентия и создание там стабильной колонии будут способствовать формированию оседлого образа жизни у кочевых охотников в постоянных земледельческих поселениях, как основы их будущей христианизации и цивилизации. Как и реколлекты, иезуиты не видели перспектив в работе со взрослым населением и акцентировали свое внимание на детях, считавшимися более податливыми к обращению и воспитанию. Поэтому, они предполагали построить не только резиденцию (место проживания миссионеров), но и семинарию для обучения детей туземцев французскому языку и основам европейской культуры. Но иезуиты понимали, что, если сами французы не очистят землю, не посеют зерновые культуры и не построят дома, нецивилизованные индейцы быстро разочаруются в бесполезных попытках осесть на землю и возвратятся к бродячему образу жизни [20, vol. II, p. 94-95; 1, p. 54-55].

Первой задачей, которую поставили перед собой новоприбывшие миссионеры, было изучение местных языков и перевод на них основных католических молитв и гимнов. Наиболее близким к Квебеку было племя монтанье и еще во Франции было решено уделить большое внимание христианизации этого народа – важного французского союзника и торгового партнера. С этой целью иезуиты привезли с собой молодого монтанье Пьера-Антуана Пастедешуана, который в 1620 г. был доставлен реколлектами во Францию с целью обучения его французскому языку и обращения в веру. Иезуиты возлагали на него большие надежды в подготовке миссионеров к работе с его родичами [20, vol. II, p. 106*]. Одновременно стали готовиться к миссии в страну гуронов к берегам озера Гурон и Джорджиан-Бей.

В отличие от племен на р. Св. Лаврентия – кочевых монтанье, наскапи, алгонкинов, ирокезоязычные племена Великих озер были оседлыми, объединенными в большие конфедерации, а главное, – выступали основными посредниками в меховой торговле между населением долины Св. Лаврентия и другими народами Великих озер. Исходя из сложившейся в первой четверти XVII в. экономической и политической конъюнктуры, наиболее привлекательным в качестве коммерческого и военного партнера, так же, как и объекта христианизации, представлялась конфедерация четырех племен, населявших широкую территорию между озерами Гурон, Онтарио и Эри, и называвшая себя и свою страну Вендат. Французы называли их гуронами [5, vol. IV, p. 302; 29, p. 58-59].

Реколлекты (Ле Карон, Сагар и др.) и Шамплен с 1615 г. совершили несколько путешествий к гуронам, заключив союзные и торговые соглашения, а также добившись принципиального согласия этих индейцев на присутствие миссионеров в их селениях. Для гуронов оно было, с одной стороны, символом и залогом союза с французами, а с другой, – давало большие преимущества в торговле [5, vol. III, p. 171; 27, t. I, p. 107; 17, p. 21]. Реколлекты возлагали на них большие надежды в деле христианизации и цивилизации туземцев [25, p. 167]. Вслед за ними и иезуиты были убеждены, что от «оседлых племен, [можно] ожидать наибольшего плода» [28, vol. VII, p. 63]. К лету 1625 г. среди гуронов находился лишь один священник – реколлект о. Никола Вьель, возвращения которого в Квебек ожидалось со дня на день. Решили отправить к гуронам совместную иезуитско-реколлектскую миссию, должную заменить Вьеля на его посту [20, vol. II, p. 52*, 80].

Первым иезуитским миссионером к гуронам был избран Жан де Бребёф, ставшим со временем истинным апостолом этого народа, разделившим с ним и его взлет, и гибель в

1648-1649 гг. Со стороны реколлектов был назначен о. Рош д'Айон. Оба монаха последовали в июне 1625 г. за торговцами навстречу к гуронам до мыса Виктории близ современного г. Труа-Ривьер, места межплеменного обмена. Там они действительно нашли туземную флотилию и узнали, что о. Вьель утонул при переправе через пороги на реке у острова Монреаль. Обстоятельства смерти оставались неясными, что заставило миссионеров изменить планы и вернуться в Квебек, перенеся путешествие на следующий год. Первая попытка иезуитской миссии к гуронам была неудачной.

Тело Вьеля было позднее обнаружено и похоронено в монастыре Сен-Шарль. Место его гибели с тех пор называется Соль-о-Реколле. Современные исследователи не сомневаются, что это был несчастный случай, хотя некоторые современники, в том числе и миссионеры, были склонны подозревать гуронов в злом умысле. Не последнюю роль в появлении версии убийства сыграла торговая конкуренция между гуронами и их соседями-алгонкинами, которые и распространяли подобные слухи, стремясь не допустить миссионеров далее на запад и сохранить монополию на торговлю между французами и племенами Великих озер [20, vol. II, p. 52*, 76, 80-81; 6, vol. II, p. 36-37]. Леклерк охотно поддержал версию убийства миссионера, подчеркивая, что тот погиб *odium fidei* (из ненависти к вере), а значит, является «первомучеником Канады» [18, vol. I, p. 244-245]. Это утверждение предоставляло реколлектам приоритет перед иезуитами в утверждении основ церкви в Северной Америки, которые закладываются кровью святых мучеников.

Новый 1626 г. принес крупные изменения в развитии миссионерского предприятия иезуитов в Новой Франции. Летом прибыла новая партия иезуитских миссионеров, о. Ан Денуэ и бр. Жан Гофетр, а также супериор канадских реколлектов Ле Карон. Вместе с ними в Канаду отправились 20 рабочих, нанятых иезуитским прокуратором Филибером Нуаро для строительства иезуитской резиденции и культивации земли в Нотр-Дам-дез-Анж [20, vol. II, p. 152-153; 5, vol. V, p. 153-154, 206].

Пополнение и начало лета активизировали деятельность иезуитов. Совместно с реколлектами был возрожден проект Гуронской миссии. Жан де Бребёф, прибывший Денуэ и Рош д'Айон сразу отправились в страну гуронов, где разделились: Бребёф и Денуэ остались у гуронов (поселение Тоанче, где ранее уже жили реколлекты), а д'Айон, выполняя поручение Шамплена об установлении контакта с новыми племенами, в октябре 1626 г. отправился к соседям гуронов – Нейтральной нации. «Если Богу будет угодно даровать успех этой миссии, – сообщал Шарль Лалеман своему брату Жерому в Париж, – это откроет нам путь... к бесконечному числу племен, которые имеют постоянные поселения», что вызовет «великую нужду в работниках» [28, vol. I, p. 21-22; vol. IV, p. 179, 219, 265].

Было решено отправить Нуаро, сохранявшего влияние на вице-короля, обратно во Францию «для содействия интересам нашего предприятия», т. е. поиска средств для продолжения миссии. Второй важной задачей Нуаро стало сокращение (в идеале – полная ликвидация) влияния гугенотов, и прежде всего де Канов, в колонии [28, vol. IV, p. 181, 267; 20, vol. III, p. 421]. Именно эта миссия положит начало формированию важнейшей в истории Канады колониальной структуры – Компании Новой Франции (или Ста Акционеро́в). Иезуиты, как и реколлекты, добивались настоящей колонизации, как главного условия христианизации. Этого можно было достичь, поселив неопитов вместе с французами, которые предоставили бы им одновременно помощь и пример культурной жизни [20, vol. II, p. 54*]. Но сначала необходимо было создать стабильное французское католическое общество, чему мешала политика компании де Канов.

Еще в 1624-1625 гг. Ле Карон и Шамплен стремились утвердить эти идеи при дворе, доказывая, что существующие торговые компании, возглавляемые еретиками, враждебны

идеям создания постоянной сельскохозяйственной колонии, однако безрезультатно [20, vol. II, p. 99-120]. Теперь за дело взялись иезуиты. Нуаро привез около 70 рекомендательных писем, которые Шарль Лалеман написал различным лицам. Нуаро стремился убедить наиболее влиятельных лиц, вице-короля и королевских министров в необходимости передать управление в Новой Франции католикам, которые поставили бы основной задачей не частное обогащение, а создание французской и католической колонии на Св. Лаврентии. Эту кампанию Нуаро повел тонко и незаметно, посещая людей, которые могли оказать существенную поддержку его проектам. Таким образом он добился согласия шести влиятельных персон, которые вскоре образуют ядро Компании Ста Акционеро́в [20, vol. II, p. 184].

Но ни реколлектам, ни иезуитам не суждено было реализовать свои планы и надежды на строительство церкви в Новой Франции в этот раз. Англо-французская война 1627-1632 гг. (известная как Гугенотская) привела к первой потере всех колониальных владений Франции в Северной Америке, т. е., Квебека и Пор-Руайяля. С 1628 г. Квебек находился в осаде английской эскадры под командованием братьев Кирков. Она захватила французский флот под командованием адмирала Рокемона, посланный с припасами для колонии.

Ситуация там была катастрофической: не хватало еды, оружия, людей. Иезуитские отцы внесли посильный вклад в дело обеспечения колонии продовольствием: вместе с остальными занимались охотой и рыболовством, чтобы продержаться до весны, предложили свой запас зерна и ручную мельницу. Шамплен вспоминал: «У реколлектских отцов было намного больше земли, расчищенной и засеянной, и их было всего лишь четверо. Они обещали, что, если у них будет больше, чем требовалось с четырех или пяти арпанов земли, засеянной несколькими видами зерна, овощей, корней и трав, они дадут нам немного. Но немного щедрости было показано, в отличие от нескольких лиц в поселении, и иезуитов, которые помогли нам несколькими репами, насколько они могли» [5, vol. V, p. 297-300; vol. VI, p. 49; 11, p. 64].

Дальнейшее сопротивление было невозможно. Несмотря на призывы иезуитов продолжать борьбу, Шамплен вынужден был капитулировать. 19 июля 1629 г. стороны подписали статьи капитуляции. Шамплен, среди прочего, требовал беспрепятственного пропуска миссионеров вместе с другими французами во Францию. Кирк гарантировал возвращение всем, но только через Англию [5, vol. VI, p. 56-60; 18, vol. I, p. 301]. Реколлекты не подверглись никаким притеснениям, им разрешили остаться в Квебеке. «Преподобные иезуитские отцы встретили совсем другое обращение. Их дом ограбили, и все найденное там стало добычей солдат». Сами они, в том числе и вернувшийся от гурунов Бребёф, как и Шамплен и его офицеры, были отосланы в Англию. 18 октября английская эскадра прибыла в Плимут, 29 октября они были в Кале [5, vol. VI, p. 66-67, 124-125; 18, vol. I, p. 303-306].

Ришелье, не имея сведений о происходящем в колонии, воспринял катастрофу предыдущего года как оскорбление французского национального достоинства, требующего отмщения. Эскадре из семи судов во главе с его родственником командором де Разийи было приказано идти на помощь Квебеку. Но во время ее приготовлений мирные переговоры между обеими странами привели к прекращению военных действий (договор в Сузе, 24 апреля 1629 г.), и кардинал запретил кораблям покидать Ла-Рошель. От мощного флота осталось лишь два судна компании Новой Франции и лодка Нуаро, которые покинули берега Франции в течение июня. Пять иезуитов совершали путешествие в Квебек: о. Бартеlemi Вимон на корабле капитана Даныеля, отцы Шарль Лалеман, Александр де Вьёкспон и Филибер Нуаро с братом Луи Мало на судне прокуратора. Реколлекты на этот раз не решились сопровождать экспедицию [20, vol. II, p. 212-213]. Результаты этого путешествия оказались еще более тра-

гическими. Корабль Нуаро попал в шторм у берегов Кап-Бретон: Нуаро и Мало погибли, Лалеман и Вьёкспон смогли спастись, их подобрала баскские тресколовы.

Колония была потеряна, как и жизни нескольких миссионеров. На достаточно долгое время оба ордена были вынуждены отказаться от своих апостольских планов в Канаде. Именно в это время, в 1632 г. реколлектский брат Габриель Сагар издал книгу «Долгое путешествие в страну гуронов», описывающую реколлектскую миссию в Гуронии в 1623-1624 гг., когда он посетил эту страну [24]. Книга наполнена описаниями индейской жизни и быта, как и подвигов реколлектских миссионеров, закономерно не только не упоминая об иезуитах (так как их тогда вообще не было в Новой Франции), но и не затрагивая более поздних событий, в том числе вопроса о «приглашении» реколлектами иезуитов присоединиться к их миссии в 1625 г.

Как только мир с Англией был заключен (в Сен-Жермен-ан-Лэ, 29 марта 1632), руководство Общества Иисуса приступило к реализации проекта восстановления миссии. Уже 31 марта Поль Лежён, тогда настоятель резиденции Дьеппа, получил приказ провинциала о назначении его супериором канадской миссии и направлении в Гавр, где находилась эскадра, готовящаяся к отправке в Америку. В Руане к нему присоединились отец Ан Денуэ и брат Жильбер Бюрель [28, vol. V, p. 11; 20, vol. II, p. 61*, 264]. 14 апреля, находясь в Сен-Жермен-ан-Лэ, кардинал Ришелье подписал приказ об отправке иезуитов в Новую Францию [20, vol. II, p. 274-275], и уже 18 апреля корабли с тремя миссионерами на борту вышли в море. Они уехали так быстро, что их багаж и провизию доставили только со следующими рейсами флота [20, vol. II, p. 281, 286]. Эта спешка объяснялась как сильным желанием иезуитов вернуться на свое миссионерное поле, так и некоторыми сложностями, с которыми они столкнулись при подготовке экспедиции.

Одной из важных проблем, которую должны были решить супериоры Французской провинции ордена до отплытия флота, был вопрос о дальнейшем сотрудничестве на миссионерном поле Канады с реколлектами. В 1691 г. в книге «Первое утверждение веры в Новой Франции» реколлекты прямо обвинили руководство Компании Ста Акционеров и косвенно – иезуитов, «которые делали вид, что помогают, но на самом деле мешали нам» вернуться в Канаду. По словам автора, Компания отказалась оплачивать перевозку и содержание реколлектских миссионеров в колонии, так как передала это содержание исключительно в руки иезуитов [18, vol. I, p. 321-322]. Эта версия событий 1631-1632 гг. была принята многими известными историками без какой-либо критики или дальнейших исследований. Гарно и многие другие историки приняли также предположение Шарлевуа о том, что отказ реколлектам в возвращении был инспирирован именно торговцами, так как «нищенствующий монах будет скорее бременем, чем помощью поселенцам» [6, vol. II, p. 65. 15, vol. 1, p. 117-118; 27, t. II, p. 44; 1, p. 38; 21, c. 95].

Ситуация, однако, была не столь однозначна, как представлялось реколлектам или тем, кто принял их версию за истину. Сразу после заключения мира в Сен-Жермен, Ришелье в качестве миссионеров в Квебеке указал ни реколлектов, ни иезуитов, а капуцинов, к которым питал известную симпатию (вспомним, хотя бы, Жозефа дю Трамбле, «серого кардинала»). Однако, руководство этого ордена, не желая вставать между двумя организациями, первыми освоившими миссионерное поле в долине Св. Лаврентия, отказалось от предложения кардинала, предпочтя Акадию в качестве объекта своего апостолата [25, p. 125, 172; 19, p. 77]. Возможно, выбор кардинала, как главы Компании Ста Акционеров, мог в результате склониться в пользу иезуитов, ибо, действительно, согласно их уставу они могли обладать доходами, и, таким образом, были бы менее дороги для колонии и более в состоянии привлечь индейцев,

нежели нищенствующие реколлекты [22, t. I, p. 182; 13, t. V, p. 292]. Но это не означало запрета для последних миссионерской деятельности в Америке.

На самом деле в 1632 г. реколлекты сами отказались от путешествия, найдя недостаточным финансирование, которое было предложено их миссионерам Компанией Новой Франции. Более того, в следующем, 1633 г., Жан де Лозон, президент Компании, снова предложил им отправиться в Квебек, но реколлекты опять отказались, будучи не готовы, и перенесли отплытие на следующий год [12, t. I, p. 279, 281-282; 20, vol. II, p. 63*]. Они действительно собирались отправляться в 1634 г., но неожиданно возникло препятствие, которое окончательно решило судьбу реколлектской миссии в Канаде в первой половине XVII в.

Дело в том, что среди руководства реколлектов тоже не было единства по вопросу продолжения миссии в Северной Америке. Еще в 1630 г., после известий об изгнании парижских реколлектов из Квебека, три их собрата из Аквитании попытались основать миссию в Акадии, на мысе Сейбл (Новая Шотландия). Миссия оказалась неудачна, но отчет о ней попал в руки секретаря конгрегации Пропаганды веры Франческо Инголи, повлияв на его проект создания епископства в Канаде. В 1631 г. Инголи предложил его на рассмотрение папе Урбану VIII. Главной целью кардинала было подчинение всех заморских миссий своей конгрегации, что можно было реализовать через создание зависимых от нее епископств на миссионерских территориях. В 1634 г. он лично написал Людовику XIII, прося короля поддержать создание епископства, и предлагал в качестве кандидатуры первого епископа аквитанского реколлекта, живущего в Риме, о. Пьера Пона [20, vol. II, p. 59*, 63*, 197-198; vol. III, p. 158-159].

Это была дипломатическая оплошность: в условиях развития во Франции королевского галликанизма ни папе, ни, тем более, кардиналам не надлежало предлагать кандидатуры на замещение епископских вакансий королю [32, с. 43-44]. Одновременно возник конфликт между капуцинами и аквитанскими реколлектами, ибо последние, несмотря на прямые приказы Ришелье, официально передавшего Акадию в 1633 г. капуцинам, отказывались оставить свою миссию там. Несмотря на усилия парижских реколлектов смягчить растущее недовольство французского правительства и директоров Компании Ста Акционеро́в, с 1634 и вплоть до 1670 г. на все их просьбы об отправке в колонии следовал категоричный отказ [20, vol. II, p. 63-64*].

В 1635 г. Инголи, вновь подтвердив миссионерские полномочия реколлектов в Новой Франции, пытался найти компромисс между ними и иезуитами: в частности, он заявил, что и те, и другие несут ответственность за «новых христиан», но непосредственно миссионерская деятельность среди индейцев находится в компетенции только реколлектов. Эти положения нашли отражение в «Меморандуме», направленном реколлектами правлению Компании Новой Франции в 1636 г., после очередного отказа в возможности им работать в Канаде (20, vol. III, p. 164-170; 18, vol. I, p. 331-332; 7, p. 213). Естественно, это новое свидетельство ультрамонтанских симпатий реколлектского руководства отнюдь не способствовало продвижению миссионерских интересов ордена во французских колониях.

Тем не менее, иезуиты проявили участие в судьбе реколлектов, памятуя и об их гостеприимстве в 1625-1627 гг., и в целом, радея за дело миссии в Канаде. 16 августа 1632 г. суперприор миссии о. Лежён, после прибытия в Квебек, написал отцу-гвардиану парижских реколлектов письмо с сожалениями по поводу их отсутствия в Новой Франции [18, vol. I, p. 344]. В августе 1636 и сентябре 1637 гг. Шарль Лалеман писал различным представителям ордена реколлектов, в том числе о. Иньясу Лего, французскому провинциалу, утверждая, что его Общество желает возвращения реколлектских миссионеров [20, vol. III, p. 158, 514].

Именно реакцией на эти события нужно считать вышедшую в 1636 г. новую книгу Сагара «История Канады», повествующую об истории реколлектов в Новой Франции и включившую и большую часть «Долгого путешествия» [23]. Вместе с тем, Л. Кампо считает, что последнее издание подверглось редакционному вмешательству другого реколлекта, никогда не бывшего в Новой Франции. В нем много ошибок, особенно относительно гуронов, которые «не могли быть допущены прямым и искренним свидетелем» [20, vol. II, p. 856-857]. Эта редакция открывает целую серию книг реколлектов, наполненных критикой миссионерской деятельности иезуитов (чего, например, совсем нет в «Долгом путешествии»), объясняющей отказом в апостолате в Канаде, который с 1635 г. получали реколлекты от Компании Новой Франции, феодального собственника колонии.

Одним из важнейших трудов в этой связи является уже упомянутая книга реколлекта Кретьена Леклерка «Первое учреждение веры в Новой Франции» (1691) [18]. Изданная через 60 лет после того, как они покинули Канаду, эта книга ставила целью не только описать успехи реколлектских миссионеров на ниве христианизации, но и напомнить публике, что именно они стали основателями католического апостолата в Новой Франции. В результате, именно здесь родился один из главных мифов канадской историографии о том, что иезуиты, призванные реколлектами для совместного труда среди индейцев, не только вытеснили своих коллег из Канады, но и присвоили плоды всех их трудов. Иезуитскими интригами объяснялось полувековое отсутствие реколлектов в Новой Франции. Соответственно, почти все положительное, что накопила католическая миссия к концу столетия, провозглашалось наследием реколлектов, а негативный опыт – результатом иезуитских ошибок и искажений.

Уже в XVIII в. историки пришли к выводу, что «Первое учреждение веры» написано не Леклерком, а представляет собой коллективный труд французских реколлектов (возможно, автором был реколлектский комиссар Новой Франции в 1677-1683 гг. о. В. Леру), в котором самому автору принадлежит весьма скромное место [18, vol. I, p. 27; 14, p. 78-82; 30, p. 225-234]. Как и в случае с «Историей Канады» Сагара, редакция преследовала цель представить деятельность иезуитов в Америке с самой невыгодной стороны, подчеркивая корыстные интересы ордена, а не христианские добродетели. Шарлевуа прямо называл «заказчика» труда: граф Фронтенак, генерал-губернатор Новой Франции, стремившийся подавить орден в колонии и принизить его значение при французском дворе [6, vol. I, p. 85].

Инициативу, заложенную Леклерком (или теми, кто использовал его имя), подхватили и другие критики иезуитского апостолата. Большинство из них также принадлежали к ордену реколлектов (Энепен, Дуэ, Мамбрэ), или были близки ему по духу, то есть разделяли сходные установки и представления о целях и средствах христианизации североамериканских туземцев или о задачах колонизации (Ла Саль, Лямот Кадийяк, барон Ляонтан). Эти представления чаще всего зиждились на идеологии галликанизма и янсенизма. Неслучайно, именно на «Первое учреждение веры» ссылался лидер французских янсенистов Антуан Арно в «Morale Pratique des Jésuites», известной своей критикой моральной доктрины Общества Иисуса [18, vol. I, p. 25-26].

Таким образом, не иезуитские интриги и не особенности орденских уставов помешали реколлектским миссионерам продолжить работу в Новой Франции, а внутренние противоречия в самом ордене и растущие галликанские устремления французской монархии, ревниво оберегающей свои привилегии от покушений со стороны римской курии. Кстати, во многом в силу тех же причин, вопрос о создании епископства в Канаде будет отложен на несколько десятилетий, а проблема церковной юрисдикции Новой Франции приобретет исключительно болезненный характер. То, о чем писал Леклерк в 1691 г., было лишь попыткой оправдать долгое отсутствие миссионеров его ордена в Канаде, с одной стороны, и объяснить их сла-

бые успехи в христианизации туземцев, с другой, обвинив иезуитских конкурентов в нечестной игре и присвоении ими всех достижений реколлектов в американском апостолате.

Библиографический список

1. Axtell J. *The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America*. N. Y., Oxford University Press, 1985.
2. Biggar H. P. *The Early Trading Companies of New France: A Contribution to the Industry of Commerce and Discovery in North America*. Toronto, University of Toronto Library, 1901.
3. Campeau L., SJ. *La Mission Des Jésuites chez les Hurons, 1634-1650*. Montréal, Éditions Bellarmin, 1987.
4. Campeau L., SJ. *The Jesuits and Early Montreal*. Midland, Steve Catlin, 2002.
5. Champlain S. de. *The works of Samuel de Champlain* / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
6. Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. *History and General Description of New France* / ed. by J. G. Shea. Vol. I-VI. N. Y., Francis P. Harper, 1900.
7. Codignola L. *The Holy See and the Conversion of the Indians in French and British North America, 1486-1760 // America in European Consciousness, 1493-1750* / ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill and London, The University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture, 1995. P. 195-242.
8. Colby C. W. *The Founder of New France: A Chronicle of Champlain*. Toronto, Glasgow, Brook & company, 1915.
9. Dawson S. E. *The Saint Lawrence. Its basin and border-lands. The story of their discovery, exploration and occupation*. Toronto, Copp, 1905. P. 453.
10. Du Creux F., SJ. *The history of Canada or New France* / ed. by J. B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
11. Dupuy P. *Les illustrations canadiennes: première série, 1494-1676*. Montréal, Cadieux & Derome, 1887.
12. Faillon É. M. *Histoire de la colonie française en Canada*. T. I-III. Villemarie [Montréal], Bibliothèque paroissiale, 1865-1866.
13. Fouqueray H. *Histoire de la Compagnie de Jésus en France: des origines à la suppression, (1528-1762)*. T. I-V. Paris, A. Picard, 1910-1925.
14. French B. F. *Bibliographical notice of the «Établissement de la foi», by Father Christian Le Clercq, Recollect // Historical collections of Louisiana* / ed. by B. F. French. New York, 1852. Vol. 4. P. 78-82.
15. Garneau F.-X. *Histoire du Canada depuis sa découverte jusqu'à nos jours*. T. 1-4. Québec, Lamoreux, 1859.
16. Gosselin D. *Histoire populaire de l'Église du Canada*. Québec, J. A. Langlais, 1887.
17. Jefferson C. *Conquest by Law*. Ottawa, Solicitor General Canada, 1994.
18. Le Clercq C. *First establishment of the faith in New France*. Vol. I-II. N. Y., J. G. Shea, 1881-1882.
19. Martin F., SJ. *Hurons et Iroquois: le P. Jean de Brébeuf, sa vie, ses travaux, son martyre*. Paris, G. Téqui, 1877.
20. *Monumenta Novæ Franciæ* / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
21. Parkman F. *Pioneers of France in the New World // Parkman F. France and England in North America*. Vol. 1. N. Y., Literary Classics of the U. S., Inc., 1983. P. 1-330.
22. Rochemonteix C., SJ. *Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siècle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus*. Tome I-III. Paris, Letouzey et Ané, 1895-1896.
23. Sagard G. T. *Histoire du Canada et voyages que les Freres Mineurs recollects y ont faits pour la conversion des infideles depuis l'an 1615. Avec un dictionnaire de la langue huronne*. Vol. 1-4. Paris, E. Tross, 1866.

24. Sagard G. T. The Long Journey to the Country of the Hurons / ed. by G. M. Wrong. Toronto, The Champlain Society, 1939.
25. Shea J. G. History of the Catholic Missions among the Indian tribes of the United States, 1529-1854. N. Y., E. Dunigan and Bro., 1855.
26. Sulte B. Histoire de la ville des Trois-Rivières et de ses environs. Montréal, E. Senécal, 1870.
27. Sulte B. Histoire des Canadiens-Français, 1608-1880: origine, histoire, religion, guerres, découvertes, colonisation, coutumes, vie domestique, sociale et politique, développement, avenir. T. I-VIII. Montréal, Wilson & Cie, 1882-1884.
28. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.
29. Trigger B. G. The children of Aataentsic: A history of the Huron people to 1660. Kingston, Montreal, McGill & Queen's University Press, 1987.
30. Trudel S. Étude de Genese: Le cas de «Premier établissement de la foi dans la Nouvelle France» (1691). Montréal, 1997.
31. Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., ВИРД, 1999.
32. Плешкова С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., Изд-во Моск. ун-та, 1992.
33. Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург, У-Фактория, 2005.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета, доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, 89532985245, avfedin@yandex.ru

СОФОНИЙ РЯЗАНЕЦ, БРЯНСКИЙ БОЯРИН

Аннотация: В статье на основе исторических свидетельств предпринята попытка выяснить происхождения автора «Задонщины» Софония. Изучение древнерусских текстов позволяет сделать вывод, что Софоний был брянским боярином, затем ушедшим в монастырь. Оказалось, что Софоний не имеет никакого отношения к Рязани. Подтверждается выдвинутое ранее исследователями предположение о связи Софония с окружением Дмитрия Брянского.

Ключевые слова: Русь, Софоний, Задонщина, Куликовская битва, Пересвет.

Fedchenko O. D. Sofoniy ryazanets, Bryansk boyarin.

Abstract: In the article on the basis of historical evidence an attempt is made to find out the origin of the author of Zadonshchina by Sofoniy. The study of Old Russian texts allows us to conclude that Sofoniy was a Bryansk boyar, then left for the monastery. It turned out that Sofoniy had nothing to do with Ryazan. Confirmed the earlier put forward by the researchers assumption about the connection of Sofony with the environment of Dmitry Bryanskiy.

Keywords: Rus, Sofoniy, Zadonshchina, Kulikovskaya battle, Peresvet.

Ежегодно в древнем граде Трубчевске Брянской области проходит традиционный праздник народного творчества «На земле Бояна». Высоко почитают на Брянщине и своего земляка легендарного участника Куликовской битвы Александра Пересвета. Иногда вспоминают и про его брата Ослябю, еще реже про князя Брянского Дмитрия Ольгердовича, а также Романа Михайловича (младшего) Брянского и Глеба Ивановича Брянского.

Однако есть еще один исторический персонаж, имеющий отношение к грандиозному событию в жизни древней Руси – битве на поле Куликовом, который может заинтересовать брянцев. С выдающимся памятником древнерусской литературы поэтическим произведением «Задонщина» тесно связано имя Софония (Сафрония). Персонаж сей, сколь известен, столь и загадочен.

Как отмечает Р. П. Дмитриева, «в научной литературе давно утвердилось мнение о том, что Задонщина была написана Софонием рязанцем» [5, с. 360]. Вместе с тем, последние изыскания историков, филологов, лингвистов несколько расширили понимание данного вопроса. По утверждению А.А. Шахматова, с которым согласились исследователи, «Задонщина», как поэтическое произведение, возникла на основе «словес» Софония [5, с. 364]. Возможно, что это есть изложение, как ныне говорится, мемуаров, воспоминаний, не исключено, что и участника Куликовской битвы.

При отсутствии фактических свидетельств биографии Софония заслуживает внимания версия А.А. Шахматова об окружении создателей «Задонщины». Первоисточник произведения возник «при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича в среде служилого сословия» [5, с. 365]. Далее прослеживается политическая и родственная связь князя Серпуховского с литовскими братьями-князьями Ольгердовичами – Андреем Полоцким и Дмитрием Брянским. Отсюда, как заметил А. А. Шахматов, и особое внимание в «Задонщине» к братьям Пересвету, брянскому боярину, и Ослябе. И разгадка в Тверской летописи, указывающей в сюжете по году 6888 (1380): «А се писание Софония резанца, брянского боярина...» [4, стлб 440].

С учетом соображений А. В. Лаврентьева, что «датировка “Задонщины” 80-ми годами XIV в. может быть сужена до 1385-1387 гг. — исхода марта 1389 г.» [1, с. 198], можно сделать первые выводы.

Софоний – брянский боярин, возможно, участник Куликовской битвы, «очевидец сражения или человек, получивший сведения от участников сражения» [5, с. 366].

Интересный момент «юго-западной» самостийности Софония высказывает А. В. Соловьев: «Иерей Софроний не упоминает ни Сергия Радонежского, ни митрополитов. Он больше чувствует себя брянским боярином, потомком сведомых кметей князя Игоря, чем духовным лицом. Его совершенно не касается вопрос, есть ли митрополит в Москве» [7, с. 197].

В таком контексте слишком уж надуманным выглядит «рязанское» происхождение автора «Задонщины». Попытка А. В. Лаврентьева объяснить эту связь упоминаемыми рязанскими топонимами – неубедительна. «Куликово поле, Непрядва, Чур-Михайлов — вряд ли была широко известна в XIV в. за пределами Рязанского княжества. Описание места битвы в ней гораздо более конкретно, скорее всего, потому, что текст (или его источник) принадлежал уроженцу Рязани», считает историк [1, с. 204]. Между тем, в произведении сказано: «У Дону стоят татарове погание. Мамай царь, на реке на Мечи, между Чюровым и Михайловым...» [5, с. 132]. Т. е. местный житель не мог бы ошибиться в топониме Чур-Михайлов (да и как Мамай мог стоять в таком случае «между»?), сделав из них два разных названия Чюров и Михайлов. «Поле Куликово» не является топонимом, а выступает литературным эпитетом значимого события [8, с.78]. Кроме того, топонимы-гидронимы места битвы мог знать участник русской рати, коим и мог являться автор «Задонщины», как было указано выше. В то же время, ориентир в виде «между Доном и Непром» и постоянное упоминание Днепра мог применить лишь человек близкий к Поднепровью, но вряд ли «рязанский патриот». В таком случае и текст был предназначен, прежде всего, для читателей западной Руси, Поднепровья, для чего и указан им знакомый ориентир в виде Непра.

По выше приведенным причинам, столь же сомнительным представляется отождествление Софония-литератора с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем, сделанное В. Ф. Ржигой [3, с. 405] и поддержанное А. Л. Никитиным [2, с. 248]. Кроме того, предположение исследователей основано лишь на совпадении антропонимов, безапелляционно отвергая сведения древнерусских источников, что Софоний ерей (иерей) и брянский боярин.

Если мы обратимся к древнерусским текстам, то уважаемые люди обычно не определяются по топонимическому происхождению (киевлянин, москвич, рязанец, брянец и т. д.), в отношении них указывается их социальное положение в административно-территориальном образовании (князь владимирский, боярин брянский, посадник новгородский и т. д.).

Вероятно, исследователей вводит в заблуждение используемый в текстах термин «ря(е)занец». Между тем, в документах мы встречаем с именем Софония следующие эпитеты: ря(е)занца; ерея рязанца; старца рязанца; ерея, брянского боярина; резанца, брянского боярина. Идентичные эпитеты применяется по отношению к Пересвету: чернеца; старца; чернеца, брянского боярина [5, с. 134-135; 3, с. 215]. Особенно интересным представляется полное конструктивное совпадение оборота «резанца, брянского боярина»/«ерея, брянского боярина»/«чернеца, брянского боярина». Очевидно, что мы имеем дело с религиозным статусом, званием, чином лица, в отношении которого это выказано. Тогда, следует признать, что и для Софония соблюден сей принцип, и термин «ря(е)занец» есть определение положения его носителя в церковной иерархии. Обратившись, например, к «Этимологическому словарю русского языка» А. Преображенского, узнаем, что «ряса - старое заимствование из греческого *ράσων* - истертая одежда; до XVII в. у нас исключительно монашеская одежда, с конца XVII в. вообще одежда духовенства» [9, т. 2, с. 242]. Очевидно, мы видим в «Задонщине» некий словообразовательный термин от греческого *ράσων* (в современном значении – рясоносец) и *риза* (черноризец/черноризник) - «*рязанец*», определяющий принадлежность Софония к монашеству, который впоследствии исследователями был ошибочно сориентирован на

созвучный топоним. Собственно, и используемое слово *старец* имеет значение чернец, монах [6, т. 4, с. 219].

Здесь же разрешается и противоречие, которое высказывает В. Ф. Ржига: почему в светском произведении нет упоминания про церковные власти, хотя автор принадлежал к церкви [3, с. 402]. Как было выше уже отмечено, «Задонщина» стала изложением воспоминаний, мемуаров Софония о событиях, к которым он имел отношение, записанных светским автором (своего рода, литературным редактором).

Таким образом, Софоний был иеромонахом в одном из монастырей в землях князя Владимира Андреевича Серпуховского. До ухода в монастырь Софоний был брянским боярином, как и Александр Пересвет, и, вероятно, служил при дворе Дмитрия Ольгердовича Брянского. Потому братья-литовцы в «Задонщине» наделены очень высокими эпитетами, как выдающиеся воины – сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полководцы [5, с. 8]. С большой долей вероятности, можно предположить, что Софоний был на Куликовом поле.

Библиографический список:

1. Лаврентьев А. В. “Задонщина”, Рязань и московская великокняжеская семья. // Slověne, №2 2015. – с. 180-213
2. Никитин А. Л. Основания русской истории / Мифологемы и факты. - М.: АГРАФ, 2001 - 768 с.
3. Повести о Куликовской битве // Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев; Отв. ред. М.Н.Тихомиров; Ред. изд-ва Д.П. Лбова; Худож. В. В. Ашмаров. — М: Изд-во АН СССР, 1959. – 512 с.
4. ПСРЛ, том XV. Издание 1-е. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 12 стр. + 504 столбц.
5. Сказания и повести о Куликовской битве // Издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Под ред. Д. С. Лихачев. - Л.: Наука, 1982 – 422 с.
6. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. - СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. - 4 тома.
7. Соловьев А.В. Автор «Задонщины» и его политические идеи // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — [Т.] XIV — с. 183-197.
8. Федченко О. Д. Поле Куликово: найти место битвы // «История. Общество. Политика», №2 (6), 2018 – с. 66-81 - [Электронный ресурс] URL: <http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2018-N2.pdf>
9. Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. — М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910-1914 – в 3 томах.

Сведения об авторе:

Федченко Олег Дмитриевич, историк-исследователь, Брянск, e-mail: vukby@yandex.ru

Рецензии

УДК 930.25

Я.С. Абдуллаев

«ЕГО НЕ БУДЕТ ХВАТАТЬ ИСТОРИКАМ ВО ВСЕМ МИРЕ»

Рецензия на книгу «Историк. Время. Общество»: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / отв. ред. М. А. Воскресенская, А. С. Крымская, Е. В. Петров. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017. 624 с.

Аннотация: Рецензия посвящена специальному сборнику статей, подготовленному в честь 90-летия со дня рождения выдающегося петербургского историка Р. Ш. Ганелина. Проводится анализ некоторых из включенных в книгу работ, затрагивающих вопросы историографии и источниковедения, методологии истории, политического развития России в XIX–XX вв.

Ключевые слова: Р.Ш. Ганелин, Новая и Новейшая история России, историография, источниковедение, биографии историков.

Abstract: The review is dedicated to a special collection of articles prepared in honor of the 90th anniversary of the birth of the outstanding Petersburg historian R.Sh. Ganelin. An analysis of some of the works included in the book, involving questions of historiography and source study, the methodology of history and political evolution of Russia in the XIX–XX centuries, is carried out.

Key words: R.Sh. Ganelin, Late Modern History of Russia, historiography, source study, biographies of historians.

В 2017 г. в московском издательстве «Новый хронограф» вышел в свет именной сборник научных статей под названием «Историк. Время. Общество» [18]. Его публикация была приурочена к 90-летию со дня рождения известного представителя петербургской исторической школы, члена-корр. РАН, доктора исторических наук Рафаила Шоломовича Ганелина [19; 20].

Книга была подготовлена к печати усилиями коллег и учеников Рафаила Шоломовича. В роли ответственных редакторов сборника выступили историки СПбГУ, проф. Е. В. Петров, проф. М. А. Воскресенская и доцент СПбГИК А. С. Крымская.

В состав редакционной коллегии сборника вошли проф. В.Ф. Блохин (БГУ), проф. А.Х. Даудов, проф. С.Г. Кашенко, доцент Т.Н. Жуковская (СПбГУ), проф. Дж. Рабинович (США), проф. Н.Н. Смирнов (СПБНИИ РАН), проф. А.С. Тургаев и проф. В.П. Яковлев (СПбГИК). Неоценимый вклад в издание книги внес Санкт-Петербургский Общественный Фонд Анатолия Собчака, который возглавляет ученица Р. Ш. Ганелина, член Совета Федерации Л. Б. Нарусова.

Основные вехи академической биографии учёного хорошо известны. Рафаил Шоломович Ганелин родился 16 октября 1926 г. в Ленинграде в семье преподавателей. В 1949 г. он окончил исторический факультет ЛГУ по специальности «история международных отношений». Его учителями являлись известные петербургские историки Б.А. Романов и Н.Н. Полетика. Отчасти научная деятельность Р. Ш. Ганелина была связана с т. н. «Новым направлением», школой А.Л. Сидорова [16, с. 256–260].

Академическая карьера ученого складывалась в стенах Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ), ныне – Санкт-Петербургского Института

истории РАН. Основная сфера научных интересов Ганелина лежала в области политической истории России конца XIX – начала XX вв. [8; 9; 11] Совместно с Б. В. Ананьичем он подробно исследовал биографию С. Ю. Витте [12].

Рафаил Шоломович написал ряд интересных историографических работ, в числе которых книга о жизни и творчестве советских историков 1940–1970-х гг. [10] За свою чрезвычайно насыщенную научно-исследовательскую (свыше 300 публикаций), педагогическую и организаторскую деятельность историк был награжден премией им. В. О. Ключевского (2000 г.) и премией им. С. Ф. Ольденбурга (2007 г.). В глазах знавших его людей Р. Ш. Ганелин навсегда останется яркой и неординарной личностью, талантливым исследователем и внимательным и чутким учителем.

Структурно сборник «Историк. Время. Общество» состоит из пяти тематических разделов. В биографической главе «Памяти ученого» публикуются воспоминания о Р. Ш. Ганелине его коллег и учеников. В разделе «Вопросы теории и практики исторического познания» представлены авторские статьи источниковедческого, историографического и методологического содержания. Раздел «Проблемы политической истории XIX–XX вв.» объединил статьи, в которых представлены результаты исследований на данную тему российских и зарубежных историков. Раздел «Исторические свидетельства и свидетели» содержит комментированные публикации архивных документов и личных записей. В заключительной части «Научное наследие историка» публикуется библиографический указатель трудов Р. Ш. Ганелина.

Наиболее примечательной статьей первого раздела сборника является, пожалуй, «Разговор о Р. Ш. Ганелине». Ее главная особенность заключается в том, что она была записана в форме свободного разговора. Диалог между собой вели доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории СПбГУ М. Ф. Флоринский и Т. Н. Жуковская, кандидат исторических наук, доцент той же кафедры. Запись разговора производилась студентами.

Флоринский и Жуковская вспоминали историю своего знакомства с Р. Ш. Ганелиным (каждый – по отдельности), характерные черты, присущие его исследовательской и преподавательской деятельности, опыт совместного участия в научных проектах. М. Ф. Флоринский отмечает, что Ганелина «очень интересовала фактическая, событийная сторона дела», а написанные им работы «носят фактографический характер в самом лучшем смысле этого слова» [29, с. 23]. Т. Н. Жуковская назвала ученого «одним из ярких представителей петербургской школы историков», которого отличал «очень академичный подход к источнику, чувство источника» [29, с. 24].

Известный американский историк из Индианского университета, специалист по Российской революции 1917 г. Александр Рабинович посвятил памяти Ганелина короткую, но одним названием говорящую за себя заметку «Его не будет хватать историкам во всем мире». В ней сказано, что исследователи познакомились друг с другом в 1994 г. на конференции в Санкт-Петербурге. После этого они не переставали общаться, а Ганелин постоянно оказывал американскому коллеге помощь во время архивных изысканий последнего в России. По мнению Рабиновича, «Рафаил Шоломович был блестящим ученым петербургских традиций, который беспокоился о судьбах России и российской науки, а также о гуманистических ценностях в мире» [27, с. 39].

Своими воспоминаниями о блестящем историке поделилась также Л. Б. Нарусова, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Она вспоминает, что Ганелин помогал ей не только, как научный руководитель, но и в вопросах личной жизни. В частности, именно благодаря Рафаилу Шоломовичу Нарусова познакомилась с Анатолием Собчаком [24, с. 41].

И. Ю. Еременко из Санкт-Петербургского государственного института культуры и Л. М. Копреева, учительница гимназии № 205 в Санкт-Петербурге, вспоминают об историко-ведческих спецсеминарах, проводившихся у Ганелина дома, а также о его внимании к совсем юным школьникам [15, с. 45–46].

Второй раздел сборника, так же, как и третий с четвертым, является совокупностью локальных исследований, объединенных одной общей тематикой, в данном случае – историографией, источниковедением и методологией истории. Статья «Дети и детство в условиях Первой мировой войны: подходы к теме современных российских историков» за авторством Ольги Петровны Илюхи, директора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в Петрозаводске, освещает уровень исследованности истории детей и детства в России в 1914–1918 гг. В рамках отечественных children studies, замечает Илюха, наибольшее внимание уделяется сюжетам, связанным с бегством детей на фронт, их школьной социализацией, детской беспризорностью, девиантным поведением несовершеннолетних, например, проституцией у девочек [17, с. 102–106]. При этом все они крайне слабо и неравномерно изучены. Возможность для более тщательного исследования истории детей в годы Первой мировой войны оставляет богатая источниковая база, представленная в первую очередь мемуарными источниками (письмами и дневниками). Тем не менее, автор приходит к выводу, что даже из имеющегося скромного количества работ на данную тему был сделан один важный вывод: в условиях Великой войны роль и статус детей и подростков в российском обществе сильно возросли [17, с. 110].

В последние десятилетия в отечественной исторической науке активно изучается тема русского зарубежья. Академическая деятельность русских историков-эмигрантов во многом заложила основы развития современной русистики как лингвострановедческой науки. Доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ Евгений Вадимович Петров и Валерий Геннадьевич Бабин, ректор Горно-Алтайского государственного университета, в совместной статье обстоятельно исследовали жизнь и творческий путь Дмитрия Николаевича Федотова-Уайта (1889–1950), историка-эмигранта, работавшего в Русском институте Колумбийского университета в Нью-Йорке. Восстановление главных этапов академической карьеры ученого велось на основе материалов из личного фонда Федотова-Уайта в Бахметевском архиве [26, с. 116].

Служивший в военно-морском флоте, ветеран Первой мировой войны и Гражданской войны в России, Д. Н. Федотов-Уайт успел послужить при штате морских атташе в Вашингтоне (правда, до войны) и в Лондоне. Бывший сторонник Колчака, отсидевший за это в каторжной тюрьме в Иркутске и концентрационном лагере в Красноярске, в 1921 г. он перебирается в Соединенные Штаты. В 1930-х гг. поочередно учится в Пенсильванском университете, а затем в Колумбийском, под руководством Джеройда Робинсона [26, с. 122].

Главные события в научной жизни Федотова-Уайта произошли в 1944 г., когда он получил степень доктора философии и выпустил свой *magnus opus* – книгу «The Growth of the Red Army» [30].

С 1946 г. историк работал в Русском институте при Колумбийском университете. Кроме научной и преподавательской деятельности, Д. Н. Федотов-Уайт очень много сделал как попечитель и организатор собственной школы «Junto Adult Evening School of Philadelphia», помогая адаптироваться в США так называемым «перемещённым лицам». Со слов современников он не только «добивался успеха, независимо, в какой бы области не работал...», но и до последнего всегда оставался «истинным джентльменом» [26, с. 126].

Авторы делают вывод о том, что анализ профессиональной деятельности Федотова-Уайта как историка, позволяет говорить о нём как ключевой фигуре в развитии колумбийской школы

(Симхович – Корф – Флоринский – Вернадский и др.) американской русистики в годы «холодной войны».

Интересной работой в области источниковедения отметилась Людмила Вениаминовна Белгородская, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Ее статья «Стереотипные представления о “русском мире” в современной англоязычной энциклопедистике» посвящена анализу «русского мира» как культурного концепта на страницах британских и американских энциклопедий, словарей, справочников.

Рассуждая о механизмах формирования внешнеполитических стереотипов, Богородская показывает, что наиболее часто в англо-американской энциклопедистике слово «Russian» ассоциируется с войнами (особенно русско-турецкими), революциями 1905 г. и 1917 г. и «особенностями природного мира и спецификой хозяйственной и бытовой жизни россиян» (матрешка, салат оливье, соболь, баня, русская рулетка, балет, юфта и др.) [3, с. 175–176]. В конечном итоге, «Россия и русское скорее вызывают положительные или нейтральные ассоциации...» [3, с. 182].

Еще одной частью источниковедческих изысканий в сборнике является статья «Издавания законодательных актов о цензуре Российской империи» Натальи Генриховны Патрушевой, заведующей сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки. В работе представлен обзор основных изданий законодательных актов по цензуре Российской империи (временные правила, уставы, министерские циркуляры, высочайшие повеления и др.), принятых в конце XVIII – начале XX вв., и приведен перечень публикаций цензурного ведомства, дополняющий цензурные законы. Автор приходит к профессиональному выводу о том, что для дальнейшего тщательного изучения истории цензуры необходимо специальное издание законов о печати за весь период их существования в дореволюционной России, снабженное подробными комментариями и вспомогательными указателями [25, с. 53–55].

Одним из самых актуальных направлений в исторической науке сегодня выступает теория и методология истории. Доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ М. А. Воскресенская в «Исследовании культурной проблематики в предметном поле исторической науки» занимается разбором вопросов методологии и историографии культурно-исторических исследований. Рассматривая различные исторические подходы к разработке проблематики культуры, она обращается к творчеству таких мыслителей и ученых, как Дж. Вико (понятие *Humanitas*, «человечность»), Г. В. Ф. Гегеля («дух» – двигатель человеческого прогресса), И. Тэна, П. Н. Милюкова, Н. Я. Данилевского, Й. Хейзинга, М. Вебера и др. [7, с. 187–198]

Особенно подробно Воскресенская подходит к рассмотрению точек зрения российских историков: В. И. Герье, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского (культурно-историческая проблематика – неотъемлемый элемент единой картины исторической действительности), И. М. Гревса. В результате автор формулирует мысль, согласно которой «включение культурогенных факторов в объяснительные модели истории, вопреки нередко раздающимся опасениям, не “размывает” ее предмет, а делает более объемным научный взгляд на историческую действительность» [7, с. 204]. Данный подход может способствовать преодолению разрыва между социально-историческим и культурно-историческим познанием.

Учитывая то, что большая часть трудов Р. Ш. Ганелина касалась различных сторон истории самодержавного режима в России конца XIX–начала XX вв., неудивительно, что третий раздел сборника оказался самым объемным.

Так, тема статьи ведущего научного сотрудника Отдела новой истории России СПбИИ РАН Игоря Владимировича Лукоянова «Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам

18 февраля» схожа с тем, что Ганелин разбирает в монографии «Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция» [8]. В центре внимания исследователя оказалось противостояние внутри бюрократической элиты империи в январе–феврале 1905 г. между сторонниками созыва законосовещательного представительства (великий князь Александр Михайлович, министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов) и чиновниками, выступавшими за объединение правительственной власти (председатель Комитета министров С. Ю. Витте).

Из содержания работы следует, что после всех обсуждений император Николай II, в сущности не поддержавший обе инициативы, больше склонялся к идее создания «законосовещательного Земского собора», планируя поручить составление необходимого проекта Витте. Однако, вплоть до августа–сентября 1905 г. эта тема в высших кругах не поднималась. Главное, что хотел показать Лукоянов, это особенность реформаторского процесса, за которым «стояло не столько давление революции, сколько карьерные интересы сановников» [22, с. 314, 320–321]. Парадокс состоял в том, что иногда движение за ограничение царской власти шло на пользу представителям имперского чиновничества. Например, таким фигурам как С. Ю. Витте, который при помощи Манифеста от 17 октября 1905 г. реализовал многие свои задумки.

Первой русской революции также посвящены работы профессора Уральского федерального университета Алексея Валерьевича Антошина «Перспективы парламентаризма в России после издания Манифеста 17 октября 1905 г.: позиция либеральных консерваторов» и американского историка из Университета штата Северной Каролины Джеральда Сура «Anti-Jewish violence in 1905: pogroms as ritual» (Антиеврейское насилие в 1905 году: погромы как ритуал).

Если автор первой статьи, опираясь на довольно традиционную методiku, показывает эволюцию идейно-политических установок партии октябристов в отношении Государственной думы и разделения властей в России (от требования превратить Думу в Учредительное собрание в 1905 г. до идеала в виде Земского собора в 1907 г.) [2], то Джеральд Сур, частично пользуясь инструментариумом социальной антропологии, трактует поведение большинства участников антиеврейских погромов как политический ритуал, направленный на символическое укрепление силы государства и народа и борьбу с их противниками [32, с. 364–366]. Как и в предыдущем случае, оба этих вопроса занимали важное место в сфере интересов Р. Ш. Ганелина.

О более раннем периоде 1860–1870-х гг., озаренных реформами Александра II, написали В. Ф. Блохин (доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета) и Альфред Рибер (Центрально-Европейский университет в Будапеште, Университет Пенсильвании). Исследование Блохина о «шестидесятниках» освещает изменение общественных настроений и государственной политики по отношению к российской периодической печати в 1860-х гг. По мнению ученого, несмотря на все еще продолжавшуюся практику административного давления на владельцев газет и журналов, именно в этот период печать превратилась в по-настоящему массовый источник информации, целую общественную подсистему [5].

В отличие от брянского историка, Альфред Рибер сконцентрировал свое внимание на элите Российской империи, Дмитриии Милютине и политической группировке военных. Он рассматривает борьбу «милютинской группы» с другими влиятельными силами в правительстве – «экономистами» во главе с министром финансов Михаилом Рейтерном и влиятельными советниками царя, как князь П. А. Шувалов – за преобладание в деле реформирования и развития сфер образования, прессы, железнодорожного строительства и контроля над пограничными областями [31, с. 282].

Рибер пишет, что деятельность группировки военных, способствовавшая углублению «Великих реформ», может быть охарактеризована как «модерный либерализм» [31, с. 276]. При этом соперничество между министрами не позволяло им выработать единого плана действий, чем охотно пользовался царь, укреплявший личную власть за счет ведомственных распри.

Замечательную обзорную статью на тему «Всероссийский союз городов в Первой мировой войне: государственные задачи и общественное движение» поместила на страницах сборника французская исследовательница Ева Берар, старший научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции в Париже.

В отличие от других специалистов, Берар считает Союз городов организацией не буржуазной, а городской, выделяя понятие «город» в качестве отдельного исторического субъекта [4, с. 373]. Она особенно подчеркивает уникальность положения Союза, не имевшего законной основы и фактически действовавшего вне правового поля. Положительно оценивается работа организации, связанная с уходом за больными и ранеными, помощью беженцам и обустройством медицинской инфраструктуры в прифронтовой полосе. Скоординировав действия со Всероссийским союзом земств, пишет Берар, «Союз городов становится важным игроком на политической сцене» [4, с. 384]. Оперировав за счет ассигнований из казны (посредством Главного комитета по снабжению и снаряжению армии («Земгор») дополнительно получали государственные оборонные заказы), руководители Союза укрепляли свое положение на местах (в ноябре 1915 г. в Союз входило 460 городов империи, т. е. почти половина от их общего количества) и усиливали оппозиционные власти движение [4, с. 383]. Помимо прочего, в работе сказано, что деятельность Земского и Городского союзов способствовала повышению сознательности российской общественности.

Яркий представитель одного из самых известных центров русистологии в США, Индианского университета, профессор Александр Рабинович изучает политическую обстановку в Петрограде в годы Гражданской войны на примере отношений между большевиками и левыми эсерами в 1917–1919 гг.

Он выделяет в них три периода: 1) сотрудничества – с марта 1917 г. по июль 1918 г.; 2) конфронтации – с июля по октябрь 1918 г.; 3) смертельной вражды – с октября 1918 г. и вплоть до полного установления однопартийной диктатуры [28, с. 390]. Большую часть текста занимает описание третьего периода. В Петрограде он начался в середине октября 1918 г. после неудачной попытки поднять матросов Балтийского флота на антибольшевистское восстание. После этого левые эсеры еще не раз будут саботировать власть РКП(б) в старой столице, в частности, выступая организаторами стачек рабочих Путиловского завода [28, с. 397–400].

Хотя центральное руководство большевиков и примет решение о начале беспощадной борьбы с левыми эсерами, партийного актива в Петрограде для таких акций явно не хватало. О непримиримости большевизма открыто говорит его отказ от предлагавшегося эсерами сотрудничества для совместного отражения наступления армии Н. Н. Юденича на город летом 1919 г. [28, с. 401–402]. У этих отношений оставался только один, летальный вариант исхода.

П. Ю. Мажара, ведущий специалист Российского государственного архива Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге, как и Рабинович, посвятил статью малоизученному вопросу по Гражданской войне, но через другую, «белую призму». Он хотел показать влияние событий на Северо-Западе России в 1918–1920 гг. на дальнейшую эволюцию крайне правых и монархических идей в составе сил Белого движения [23].

Петербургский историк Сергей Викторович Куликов (СПБНИИ РАН) впервые в историографии рассматривает деятельность заметного сановника, последнего министра иностранных дел Российской империи Н. Н. Покровского в годы революции, Гражданской вой-

ны и эмиграции. Особенно интересна часть работы, описывающая роль Покровского в попытке создания «ответственного министерства» 24–27 февраля 1917 г. [21, с. 422–424].

Последними в третьем разделе размещены исследования, касающиеся СССР в середине XX в. Примечательна одно из них, «Вместо открытой двери – замочная скважина». Об издании иностранной литературы в СССР в 1940–1950-х гг.» – статья за авторством И. В. Алферовой, доктора исторических наук, профессора Брянского университета и А. С. Крымской, кандидата педагогических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного института культуры.

В ней раскрываются одновременно захватывающие и трагичные страницы из истории Государственного издательства иностранной литературы и его главы Б. Л. Сучкова. Если в мае 1946 г. Сталин планировал создать крупный центр по публикации наиболее ценной зарубежной литературы, то спустя некоторое время, в силу изменения внутри- и внешнеполитической (отказ от плана Маршалла) обстановки в стране, на издательство обрушились репрессии [1, с. 464–470]. Тем не менее, профессионализм и гражданское мужество работников учреждения позволили ему продолжить свою деятельность.

Не считая пятого раздела, включающего в себя только библиографический указатель трудов Р. Ш. Ганелина, завершает сборник статей глава под названием «Исторические свидетельства и свидетели». В ней публикуются не вводившиеся в научный оборот документальные материалы с развернутыми комментариями специалистов. Так, Л. А. Булгакова из СПБНИИ РАН представляет взору читателя воспоминания С. А. Сокольской о сдаче выпускных экзаменов студентками-медиками Московских высших женских курсов в 1914 г. [6]. Приобретение ими наряду с мужчинами права на государственную аттестацию и получение медицинской ученой степени являлось важным шагом вперед в деле преодоления гендерной дискриминации.

Своими размышлениями о судьбе и творчестве выдающегося русского историка-эмигранта Г. В. Вернадского делится доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX в. Института истории СПбГУ Андрей Юрьевич Дворниченко. Публикуя заметку Вернадского о сущности евразийской концепции, ученый призывает не путать понятия «научного» и «политического» евразийства [13, с. 536]. По мнению Дворниченко, евразийство для Г. В. Вернадского – это лишь средство достижения главной цели для любой науки, «абсолютной истины». Поэтому, признавая огромную роль исследователя в становлении евразийского подхода изучения российской истории, А. Ю. Дворниченко идентифицирует его взгляды и деятельность не иначе, как «позицией русского интеллигента», «питомца одновременно и московской и петербургской исторических школ» [13, с. 539–540].

В работе А. М. Дубровского «1930-е гг. глазами С. А. Пионтковского» освещается судьба ученого-историка «по ту сторону “железного занавеса”» в Советском Союзе периода расцвета «сталинизма». Предельно краткий обзор основного содержания дневника Пионтковского дает представление о том, что он «очень хотел быть и был верным солдатом партии». Такая жизненная позиция предавала его научной деятельности весомую долю предвзятости, т. к. «заранее оправдывалось все, что считалось социализмом, его строительством». По сути, Пионтковскому было присуще «двоемыслие», когда он сам себя призывал изжить прежние дружеские отношения с репрессированными [14, с. 548–550]. Однако само его это не уберегло от обвинения в троцкизме и расстрела в 1937 г.

Таким образом, можно прийти к выводу, что статьи, представленные в сборнике «Историк. Время. Общество», подготовленном в честь 90-летия Р. Ш. Ганелина, представляют из себя огромный научный интерес. В каждой из работ были сделаны новые акценты в поста-

новке вопросов и достигнуты интересные результаты. Анализ их значительной части в рецензии подтверждает данный тезис. Все это позволяет назвать рецензируемую книгу достойным актом увековечивания памяти выдающегося петербургского историка Рафаила Шоломовича Ганелина.

Библиографический список

1. Алферова И.В., Крымская А.С. «Вместо открытой двери – замочная скважина». Об издании иностранной литературы в СССР в 1940–1950-х гг. // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С.461–475
2. Антошин А.В. Перспективы парламентаризма в России после издания Манифеста 17 октября 1905 г.: позиция либеральных консерваторов // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 337–348.
3. Белгородская Л.В. Стереотипные представления о «русском мире» в современной англоязычной энциклопедистике // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 173–183.
4. Берар Е. Всероссийский союз городов в Первой мировой войне: государственные задачи и общественное движение // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 373–389.
5. Блохин В.Ф. «Шестидесятники»: общественные настроения и государственная политика в отношении периодической печати 1860-х гг. // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 234–243.
6. Булгакова Л.А. С.А. Сокольская. Выпускные экзамены 1914 года (Из воспоминаний курсистки) // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 493–503.
7. Воскресенская М.А. Исследование культурной проблематики в предметном поле исторической науки // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 184–208.
8. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: «Наука», 1991. 221 с.
9. Ганелин Р.Ш. Россия и США: очерки русско-американских отношений, 1914–1917. М.: «Наука», 1969. 416 с.
10. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х гг. СПб.: «Нестор-История», 2004. 213 с.
11. Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917–начале 1918 г. Л.: «Наука», 1975. 203 с.
12. Ганелин Р.Ш., Ананьич Б.В. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 430 с.
13. Дворниченко А.Ю. Некоторые рассуждения по поводу публикуемой заметки Г.В. Вернадского // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 531–541.
14. Дубровский А.М. 1930-е гг. глазами С.А. Пионтковского // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 542–550.
15. Еременко И.Ю., Копреева Л.М. Занимательное источниковедение: О семинарах Р.Ш. Ганелина // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 43–46.
16. Зырянов П.Н. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // Acta Slavica Iaponica. 1995. No. 13. P. 256–271.
17. Илюха О.П. Дети и детство в условиях Первой мировой войны: подходы к теме современных российских историков // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 101–115.

18. Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / отв. ред. М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017.
19. Эмигрантика/Emigrantica: периодические издания русского зарубежья (вопросы источниковедческой критики). Труды международной конференции. К 85-летию Р.Ш. Ганелина / Отв.ред. Б.В. Ананьич, А.Х. Даудов, А.Ю. Дворниченко, С.Г. Кашенко, Е.В. Петров и др. СПб ИИ РАН, СПбГУ– СПб.: «Издательский дом СПбГУ», 2012.
20. Петров Е.В. К 85-летию член-корр. РАН Р.Ш. Ганелина // Источниковедение и историография отечественной истории России. Сборник научных статей. СПб., 2011. Вып. 6. С. 5-11.
21. Куликов С.В. Царский министр в эпоху революции, Гражданской войны и эмиграции: Н.Н. Покровский в 1917–1930 гг. // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 420–435.
22. Лукоянов И.В. Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам 18 февраля // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 314–336.
23. Мажара П.Ю. Крайне правые политические силы в Белом движении на Северо-Западе России (1918–1920) // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 405–419.
24. Нарусова Л.Б. Мой учитель // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 40–42.
25. Патрушева Н.Г. Издания законодательных актов о цензуре Российской империи // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 49–60.
26. Петров Е.В., Бабин В.Г. Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт (1889–1950): сотрудник «Russian Institute» в Колумбийском университете США // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 116–127.
27. Рабинович А. Его не будет хватать историкам во всем мире // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 38–39.
28. Рабинович А. Отношения между большевиками и левыми эсерами в 1917–1919 гг.: взгляд из Петрограда // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 390–404.
29. Флоринский М.Ф., Жуковская Т.Н. Разговор о Р.Ш. Ганелине // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 15–30.
30. Fedotoff-White D. The Growth of the Red Army. Princeton: Princeton University Press, 1944. 486 p.
31. Rieber A.J. Dmitrii Milutin and the military group in the era of the Great reforms // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 244–282.
32. Surh G.D. Anti-Jewish violence in 1905: pogroms as ritual // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014). С. 349–372.

Сведения об авторе

Абдуллаев Ясын – бакалавр кафедры истории народов стран СНГ Института истории СПбГУ. ragiev@list.ru

УДК 902+929(1-924.8)

А. А. Чубур

О ПОЛЬЗЕ УМЕНИЯ ЧИТАТЬ И ПРОБЕЛАХ В ПАМЯТИ – ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

(О СТАТЬЕ Е.Г. КАЛЕЧИЦ И А.В. КОЛОСОВА «В ПОИСКАХ ИСТИНЫ. НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ» // КАМЕННЫЙ ВЕК РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОРУБЕЖЬЯ. – СПБ.: МАЭ РАН, 2017. ЗАМЯТНИНСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. 5)

Аннотация: В статье рассматривается пример некорректной историографической работы в рамках научного гранта, посвященной некоторым эпизодам истории археологии Беларуси и сопредельных территорий. Восстанавливается истинная картина обретения и обработки архива выдающегося белорусского ученого К.М. Поликарповича. В приложении опубликована опись личного архива К.М. Поликарповича, хранящегося в Юдиновском краеведческом музее.

Ключевые слова: К.М. Поликарпович, Л.И. Гришин, личные архивы, научные биографии, белорусская археология, палеолит, каменный век, Юдиновский краеведческий музей.

Chubur A.A. About the skill of skills to read and blanks in memory - historical and human (about the article by E.G. Kalechits and A.V. Kolosov "In search of truth. Some pages of the history of paleolitology in Belarus" // Stone age Russian-Belarus frontier. – SPb.: MAE RAS, 2017. Zamyatninsky COLLECTION. Vol.5)

Abstract: The article considers an example of incorrect historiographic work within the framework of a scientific grant devoted to some episodes of the history of archeology of Belarus and adjacent territories. The true picture of the acquisition and processing of the archive of the outstanding Belarusian scientist K.M. Polikarpovich. The annex contains an inventory of the personal archive of K.M. Polikarpovich, stored in the Yudin Museum of Local Lore ..

Keywords: K.M. Polikarpovich, L.I. Grishin, personal archives, scientific biographies, Belarusian archeology, Paleolithic, Stone Age, Yudinovsky Museum of Local Lore.

Ночь. Под фонарем в парке ползают два человека.

Подходит милиционер, интересуется:

— Ты чего тут ползаешь?

— Истину потеряли. Ищем.

— А где потеряли-то?

— Вон там, в кустах...

— А чего же тут ищете?

— А тут светлее...

(парафраз старого анекдота)

Бывают пробелы в исторической памяти. Их особенность в том, что со временем они могут заполняться, порой неожиданно – с воспоминаниями очевидца или обнаружением какого-то документа. С этим часто приходится сталкиваться историографу и историку науки – не все интересующие нас события оставляют документальный след, а часто след этот приходится долго искать. Иной раз подробности минувших событий всплывают неожиданно. Так было, к примеру, когда во время недавней встречи на конференции в честь 90-летия профессора Э.М. Загорюльского в Минске юбилей поделился воспоминаниями об интересных фактах из биографий брянских археологов Ф.М. Заверняева и В.П. Левенка, участвовавших, как выяснилось, в раскопках древнего Минска в 1949 году.

Куда сложнее с пробелами в памяти человеческой, ибо они нередко не исчезают, а напротив, имеют тенденцию расти и затем заполняться не обретенными фактами, а самыми нелепыми фантазиями, постепенно подменяющими стершуюся реальность. Когда это проис-

ходит в одной отдельно взятой голове – это беда лишь носителя этой головы. Но когда параллельная реальность выплескивается на страницы научных изданий – это уже серьезно.

Примером таких подмен и манипуляций фактами можно считать статью белорусских коллег Е.Г. Калечиц и А.В. Колосова [1], опубликованную в очередном Замятнинском сборнике Кунсткамеры – весьма уважаемом и интересном археологическом научном издании, за каждым выпуском которого я, как исследователь палеолита, внимательно слежу.

Авторы в заглавии объявляют о своих «поисках истины», однако при прочтении материала невольно складывается впечатление, что преследовалась вовсе не эта цель. Уже с первых абзацев они в странном, если не сказать фривольном тоне, не очень подходящем для работы, претендующей на статус научной и историографической (тем паче написанной в рамках проекта, поддержанного международным грантом), пишут следующее: «В начале XXI в. археологический мир облетело сообщение о находке большого количества документов, в том числе дневников К.М. Поликарповича, попавших в руки брянского исследователя А.А. Чубура. Он оказался в нужное время в нужном месте, когда некий любитель «зеленого змия» выбрасывал с чердака дома в д. Юдиново (Погарский район Брянской области) какие-то старые бумаги. В этом доме раньше жила жена К.М. Поликарповича Мария Климентьевна. А.А. Чубур выкупил эти бумаги и через несколько лет в Интернете в пространной рукописи, красочно написанной этим мастером слова, была изложена целая история жизни ученого, содержащая, наряду с имевшими место реальными событиями, и искаженные факты. В 2009 г. в издательстве «Белорусская наука» (Минск) вышел сокращенный вариант рукописи с дополнениями и уточнениями» [1, с.57].

Увы, если где-то и имеется искажение фактов – так это в самой статье А.В. Колосова и Е.Г. Калечиц. В приведенном пространном абзаце что ни фраза – то, как говорил булгаковский персонаж Коровьев, «опять-таки случай так называемого вранья». И ладно бы, история личного архива К.М. Поликарповича была «тайной за семью печатями». Но нет: история обретения архива была неоднократно опубликована мною [4; 5; 6; 7; 8], в том числе в названной монографии о жизни и открытиях Константина Михайловича. Может быть авторы временно разучились читать на втором государственном языке Республики Беларусь? Напомню в таком случае для них и для читателей цитату из собственной монографии: «Архив был перевезен в Юдиново шурином ученого после его кончины и... оставлен на чердаке «до лучших времен». Эти времена все-таки наступили благодаря нашедшему и забравшему архив в местный краеведческий музей заслуженному деятелю культуры России Л.И. Гришину. Я же, узнав о находке, взялся за обработку документов» [6, с.9-10].

Где здесь, позвольте узнать, загадочные «любители зеленого змия» (видимо хотелось показать таким образом спившуюся деревню в российской глубинке – да вот беда, именно в этой в «спившейся» деревне имеется солидный музей, самодеятельный театр и даже собственная картинная галерея с рядом уникальных экспонатов). Пикантная история с покупкой архива у выдуманных местных алкоголиков точно так же «высосана из пальца». Архив был передан в Юдиновский музей безвозмездно. А то, что его не отправили на помойку или в костер со старым мусором с чердака купленного (и вскоре обложенного кирпичем – не иначе приобретенным с точки зрения белорусских коллег за сданную стеклотару?) дома – целиком и полностью заслуга уже названного выше директора Юдиновского музея Леонида Ивановича Гришина. Моя же роль была скромнее – я лишь разобрал, систематизировал и упорядочил для всех желающих далее работать документы и рукописи спасенного архива.

А вот то, что авторы статьи вообще не упомянули человека, спасшего архив, сочиняя при этом основанные на фантазиях и собранных по углам сплетнях «байки», иначе как форменной непорядочностью я назвать не могу при всем уважении к их научным трудам и педа-

гогическим заслугам. А ведь фундаментальная монография Елены Геннадьевны о палеолите Беларуси служила мне одним из научных маяков при написании кандидатской диссертации! До неутомимого подвижника-краеведа, писателя, режиссера, живописца Л.И. Гришина, не только автора идеи павильона-скансена «Палеолит» и создавшего в своем музее экспозицию о К.М. Поликарповиче, но даже написавшего и поставившего на местной сцене театральную пьесу об ученом, статья, в которой о нем и о его подвиге «успешно» (хочется верить, что не преднамеренно) забыли, так и не добралась – он скончался 20 октября 2018 года на 80-м году жизни. Но у живых «осадочек» безусловно остался. О Леониде Ивановиче стоит написать подробней – он, человек с удивительной биографией, светлый и порядочный, этого достоин. Но пока есть еще что ие труде, попавшем в сборник Кунсткамеры.

Один из авторов статьи является официальным рецензентом моей монографии о К.М. Поликарповиче.¹ Он, таким образом, имел возможность внимательно ознакомиться с текстом и, более того, в силу взятого на себя труда рецензирования обязан был это сделать. А заодно указать мне, автору монографии, на неверную трактовку фактов упомянутую им ныне в ста-

Спасший архив К.М. Поликарповича директор юдиновского музея Л.И. Гришин (справа) и автор (слева) сверяют обработанный и систематизированный архив с архивной описью (2005 г.)

тье. Он этого не сделал – либо потому что не заметил таковых, либо потому, что рукопись не читал. В последнем я сильно сомневаюсь. Значит дело все-таки не в затруднениях с чтением, а в провалах в памяти. На сей раз человеческой, а не исторической. Эта гипотеза подкрепляется тем, что А.В. Колосов, еще в бытность свою аспирантом Института истории НАН Республики Беларусь участвовал в раскопках многослойных поселений в микрорегионе Курово (Погарский район Брянской области) [10]. Посещая тогда расположенный неподалеку Юдиновский краеведческий музей он лично встречался со спасшим архив директором музея Л.И. Гришиным, имел возможность ознакомиться и с самим архивом, первичная обработка которого к тому времени как раз была в основном завершена. Да и я не раз излагал А.В. Колосову все перипетии истории обретения и обработки архива (сушить, гладить, подклеивать, сортировать бумаги, искать недостающие страницы в рукописях – труд, надо сказать, непростой – тем более, когда им занимаешься в свободное от работы время). Не думаю, что тяжким трудом для Александра Владимировича было бы поведать об этом своему соавтору и по совместительству научному руководителю. Более того, оба автора рассматриваемой статьи получили лично

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за содействие в издании посвященной биографии К.М. Поликарповича книги именно в Беларуси в серии «Люди белорусской науки» одного из выпускников истфака Могилевского государственного университета – Александра Григорьевича Лукашенко. Не менее я признателен и добровольно взявшей на себя немалый труд научного редактора моей монографии доктору исторических наук Ольге Николаевне Левко (Институт истории НАН Республики Беларусь).

от меня опись архива на цифровом носителе. Увы, опись им, как мы увидим далее, так и не пригодилась. Опись эта мной публикуется в приложении к данному отклику, и я надеюсь, что она все же окажется для многих исследователей истории науки куда более полезной, чем для двух моих коллег по археологическому цеху.

Итак, уважаемые Елена Геннадьевна и Александр Владимирович искали в поте лица полевые экспедиционные дневники К.М. Поликарповича, связанные с раскопками стоянок Бердыж и Юровичи в 1930-х гг. Признаюсь, я тоже был бы рад возможности знакомства с подобными документами, причем не только по указанным памятникам, но и, например, по Елисеевичам. Но интересуют их, похоже, и личные дневники ученого. Именно о них, а не о полевых записях сетуют авторы, говоря о фактах из биографии археолога: «Поскольку сами дневники до сих пор нам недоступны...» Создается ощущение, что их некие злые силы не выпускают в соседнюю страну, чтобы на несколько дней задержаться в гостеприимном российском селе Юдиново, в музее которого хранится архив. Характерно, что другие белорусские исследователи преград вовсе не испытывают и, приезжая в Юдиновский музей, беспрепятственно работают с хранящимися там документами.

В составленной мной описи архива полевые дневники 1930-х гг. не значатся, есть там лишь записные книжки с личными дневниковыми записями ученого, из которых можно узнать какие-то детали быта, описания природы, закатов, лирических размышлений, наконец, состава экспедиций и времени их проведения – но практически ничего о деталях самих раскопок. Детали такие содержатся лишь в публикациях ученого и черновиках статей. Научные дневники же, как и значительная часть полевой документации, скорее всего, оказались у одного из учеников К.М. Поликарповича – подавшегося в археологию бывшего капитана КГБ В.Д. Будько. В археологическом мире уже более двух десятилетий является «секретом Полишинеля», что Будько после смерти учителя присвоил часть его документов и рукописей, чтобы использовать в собственной научной карьере. Одновременно Владимир Дмитриевич фальсифицировал и некоторые коллекционные материалы. К счастью для археологии, подвела страсть к тому самому «зеленому змию», которого в неуместном контексте упомянули авторы рассматриваемой статьи [9, С.33-35]. В конце жизни он приторговывал возможностью снимать копии с некоторых чертежей, о чем рассказывала исследовательница стоянки Елисеевичи Л.В. Грехова. В Беларуси о персоне Будько не принято говорить, но отпечаток на восприятие одних археологов другими его стремительно взлетевшая и столь же стремительно рухнувшая карьера наложила. Здесь-то, думаю, и кроются истоки быличек о «деревенских алкоголиках» продавших документы проходившему мимо «в нужное время» человеку. Этакое калькирование, хорошо известное этнографам.

Итак, полевых дневников 1930-х гг. в Юдиново обнаружено не было. Несколько раз я обстоятельно пояснял этот нюанс каждому из авторов – как при встречах, так и в переписке, но память в итоге вновь сыграла с ними злую шутку. Авторы, возмнив, что разыскиваемые ими документы обязаны находиться именно в архиве, найденном в Юдиново, придумали весьма странное объяснение фатального несовпадения их ожиданий с суровой реальностью: «Сам же А.А. Чубур путано и туманно отвечал всем, кто к нему обращался, о местонахождении найденных документов. Поиски их в указанных им музеях были тщетны» [1, с.57]. И то правда: трудно искать кошку в комнате, где её нет. Особенно после того как вам сказали, что там ее и не было до начала поисков. А коль найти не выходит – причина, конечно же, в «путаных и туманных ответах» людей советовавших сменить вектор поисков и выбрать более подходящее место, например в самом Минске, в полученном Академией наук личном архиве В.Д. Будько, почившего в 2004 г. Хотелось бы узнать и о каких «музеях» авторы ведут речь, если архив хранится в одном музее – Юдиновском? И зачем там было искать то, чего – даже

согласно описи - там заведомо нет? Похоже, очередные «игры разума», выплеснувшиеся на бумагу.

Неожиданно авторы сообщают, что в фондах Кунсткамеры были выявлены материалы работ 1927 г. в Бердыже, а архив В.Д. Будько после его смерти стал наконец-то доступен для изучения, и искомая археологическая документация обнаружилась там. После этого следует патетический, но неясный возглас: «Круг замкнулся!». Хотя «мистическая» связь между бумагами почившего бывшего археолога и фондами Кунсткамеры остается для меня такой же, как между бузиной в огороде и дядькой в Киеве, но посыл в целом понятен: наука на месте не стоит, заветные дневники наконец-то найдены (правда, вовсе не там где искали или якобы искали). Казалось бы, с этого момента истины и стоило начать статью, не вдаваясь в неспособность авторов осознать свое движение по ложному пути и поисков виновного в их ошибках. Следуя логике повествования, далее следовало бы ждать, наконец, хотя бы крох информации из обретенных документов. Или их предварительный список. Но нет, «нормальные герои всегда идут в обход».

Далее целых три страницы (более трети текстовой части всей статьи) оказываются посвящены краткому сбивчивому пересказу содержания опубликованной мною в Минске биографии К.М. Поликарповича. Школьный жанр изложения в ряде абзацев дополняется довольно двусмысленными комментариями, на мой взгляд, бросающими тень на светлую память ученого. Например, явный намёк на то, что в момент репрессий НКВД, выкосивших в августе 1937 г. практически весь Отдел археологии в Минске, Константин Михайлович далеко не случайно оказался в разведках в Курской области. И ведь правда не случайно – проведсти разведки по Сейму рекомендовал ему коллега из Кунсткамеры С.Н. Замятнин, ранее копавший Бердыж, открытый Константином Михайловичем [3]. Что до места ученого в истории репрессий в белорусской науке – то копию его письменных показаний сотрудником НКВД можно прочесть в том самом архиве, хранящемся в Юдиново. Константин Михайлович никого из живых не сдал, да и уже отправленных в небытие не опорочил тоже, вопреки гуляющим в белорусской археологической среде мифам. Но чтобы это узнать, нужно познакомиться с архивом – а у держателей гранта БРФФИ возможности доехать в Юдиново не нашлось. Остается только продолжать сеять дурно пахнущие намёки и городить одну фактическую ошибку на другую (ведь даже моя монография была прочитана кем-то из авторов статьи невнимательно). Иначе им было бы понятно, что в годы Первой мировой войны К.М. Поликарпович оказался в г.Жиздра просто потому, что там дислоцировалась военная часть, в которой он служил, будучи призван в армию [3]. Иначе поселок Зельцы под Одессой не превратился бы в Залозы (такая опечатка была в моих черновых заметках при работе с архивом, тоже отданных авторам для вящей пользы – и вот их они, похоже, прочли). Иначе не писали бы чепухи о том, что ученая степень кандидата исторических наук была получена Константином Михайловичем в 1934 г., а диплом вручен лишь в 1951 г. (на деле полученный до войны диплом был утрачен в эвакуации и в 1951 г. ученого восстановили в звании – и об этом тоже написано в монографии, и в личном архиве на сей счет совершенно недвусмысленные сведения). Таких огрехов предостаточно на трех страницах банального реферата, цель которого в рамках рассматриваемой статьи мне тоже не очень ясна.

Может быть, авторы полагали, что таким образом доносят информацию о белорусской публикации до непросвещенных россиян? Спешу заверить: российские исследователи хорошо владеют навыками чтения и способны самостоятельно ознакомиться с монографией, полнотекстовая версия которой давно размещена в Научной Электронной Библиотеке РФ (Интернет-портал elibrary.ru). Кстати говоря, было бы весьма недурно начать размещать на этом же портале монографии и периодические издания по истории и археологии, выпускаемые

Национальной Академией наук Республики Беларусь (естественно после реализации традиционно мизерного для научных изданий и в России и в Беларуси бумажного тиража). И политическому, и научному суверенитету Республики Беларусь это бы ничуть не повредило, а вот работы белорусских авторов сделало бы намного более доступными, читаемыми и цитируемыми. Но вернемся к статье.

Жанр изложения так увлек её авторов, что после завершения реферирования моей книги, они начали пересказ биографии еще одного известного археолога и друга К.М. Поликарповича – С.Н. Замятина, написанной и опубликованной ранее палеолитоведом с мировыми именем – Николаем Дмитриевичем Прасловым. Правда, тут им удалось уложиться всего в пару страниц, наконец найдя в себе силы переключиться на то, что собственно и составляет определенную научную новизну статьи – на коллекции расщепленного кремня, собранные в окрестностях д. Бердыж в 1927 г. и выявленной в фондах Кунсткамеры (МАЭ РАН) зав.отделом археологии этого академического музея – Геннадием Адольфовичем Хлопачевым. Описание этих материалов занимает неполных три страницы, сопровождаемые восьмью иллюстрациями – это по сути и есть, на мой взгляд, основное и научно значимое содержание статьи, снабженное длинной, запутанной и местами нафантазированной прелюдией.

Этого недоразумения можно было бы избежать, если бы на сквозящая меж строк досада как минимум одного из авторов, что биография одной из ключевых фигур белорусской археологии оказалась написанной иностранцем, а не указанной персоной. Ну конечно все потому, что этот иностранец подло «выкупил архив», уведя его их под носа у мэтра, всю жизнь собиравшейся, но... Иначе надо будет сознаться себе в печальной истине: почему-то авторам препарированной выше историографической фантазии, или кому-то еще не пришло в голову, что выдающийся белорусский ученый Константин Михайлович Поликарпович достоин написания и публикации полноценной биографии – и в качестве дани его светлой и доброй памяти, и в качестве первой попытки обобщения его научных поисков – открытий и неудач, а также его гигантской работы как организатора белорусской археологической науки. А если и пришло – то недостало сил и решимости выполнить работу. Ну что ж, извините, так вышло, что я стал первым. Просто не знал о чьих-то долго лелеемых планах, которые я нечаянно разрушил, сделав доброе дело. И конечно ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это мне тоже давно известно по жизненному опыту.

Радует другое: я всегда чувствую себя желанным гостем и собеседником для большинства белорусских археологов разных поколений и очень благодарен всем им за такое отношение, помогающее развивать сотрудничество и новые совместные проекты. Надеюсь, что это останется неизменным. Не всем же приходится заполнять публикационные лакуны в отчетах по грантам пересказом давно известного, разбавляя его сочинением никогда не происходившего.

Библиографический список

1. Калечиц Е.Г., Колосов А.В. В поисках истины. Некоторые страницы истории палеолитоведения в Беларуси // Каменный век российско-белорусского порубежья. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 56-72.
2. Чубур А.А. Жиздринский период биографии К.М. Поликарповича // Песоченский историко-археологический сборник, вып.5, Киров, 2004.
3. Чубур А.А. Константин Михайлович Поликарпович (1889-1963) и исследования Курских древностей // Курские тетради. Курск и Куряне глазами ученых. Тетрадь пятая. Часть 2. Курск, 2004. с.33-39.
4. Чубур А.А. Завершена обработка архива археолога К. М. Поликарповича // Отечественные архивы, 2005 - № 2.
5. Чубур А.А. О судьбе архива археолога Константина Михайловича Поликарповича // I Тихановские чтения. Материалы краеведческой научно-практической конференции. Брянск, 2007. С.293-304.

6. Чубур А.А. К.М. Поликарпович: жизнь, открытия, ученики (научная монография в серии «Люди белорусской науки»). – Минск: «Белорусская наука», 2009. - 244 с., илл.
7. Чубур А.А. «Я хотел бы написать о том, что пережил среди сосновых лесов и волнистых полей...» Публикации К.М. Поликарповича в советской периодической печати // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып.2. Материалы всероссийской научной конференции "Печать и цензура в истории России". – Брянск: «Курсив», 2016. С. 90-104.
8. Чубур А.А. Архив К.М. Поликарповича: из научной и деловой переписки археолога // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : Материалы II Междунар. науч. конф., 24-26 мая 2018 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Реноме, 2018.(Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып.14). С.672-678.
9. Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. – М.: Знак, 2005.
10. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Карпов Д.А., Миненко В.В., Чубур А.А. Охранные раскопки у села Курово на Судости // Археологические открытия 2006 г. М., 2008. С.322-325

Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. fennecfox66@gmail.com

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**ОПИСЬ ЛИЧНОГО АРХИВА КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА ПОЛИКАРПОВИЧА,
ХРАНЯЩЕГОСЯ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ЮДИНОВСКОГО ФИЛИАЛА
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
Дело 1. К.М. Поликарпович Дневники. 1908-1924 гг. Прочитанное. 1908-1926 гг.	1	Дневник 1908 , прочитанное до 1911 г. вкл.	Рукопись на 23 л. об.	Вложены 2 л.
	2	Дневник, Окт. 1908 – Янв.1909	Рукопись на 11 л. об.	
	3	Дневник Февраль 1909 – Октябрь 1910.	Рукопись на 25л.об., доп. вложены 10 л.	
	4	Дневник. Октябрь 1910 – Июль 1911.	Рукопись на 31 л. об., влож. 5 л. отд. л. купированы	
	5	Дневник. Озаглавлен «Книга бытия моего». Июль–Окт.1911	На 10 л. об., вложен фр-т записной книжки 19 л.	
	6	Дневник. Окт. 1911 – Февр. 1912. рис. пером, карандашом	38 л. об., вложены 2 л.	ряд л. купирован
	7	Дневник. Нояб.1913–Апр.1914.	4 л. об.	Повреждены.
	8	Записная книжка – дневник. Февраль 1914 – Июль 1917.	Твердый переплет. 77 л.	Вложен рис. карандашом
	9	Дневник. Декабрь 1918-Апрель 1919, Прочитанное.	Рукопись. 23 л. об.	
	10	Дневник. Апр.1921- Март 1922	Рукопись 15 л. об.	
	11	Прочитанное. 1923-1926 гг.	Рук.,13 л.об. Вложены: 1926 (4л.об.); 1927(9л. об.).	
	12	Дневник. Март – Май 1924.	17 л. об.	Брошюра
	13	Записи за ноябрь 1923.	1 л. об.	
Дело 2. Материальные дела экспедиций К.М. Поликарповича и сектора археологии Ин-та Истории БАН.	1	Акты списания, выдачи и возврата материальных ценностей для экспедиций.	14 л.	
	2	Накладные.	19 л.	
	3	Расписки	8 л.	
	4	Заявки на оборудование.	30 л.	
	5	Сметы на провед. экспедиций.	12 л.	
	6	Инструкция о порядке оплаты работников АН СССР	4 л.	(1948 г.).

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	7	Списки инвентаря.	5 л.	
	8	Записка Начальника планово-фин.отдела БАН Резника	1 л.	
	9	Обращение в дирекцию Ин-та Истории по финансированию археологических экспедиций	3 л.	1947 г.
	10	Требования, заявки на инвентарь, оборудование и пр.	11 л.	
	11	Тетрадь записей рабочих на раскопках в Елисеевичах	24 л. об., обложка.	1948 г. Рукопись,
	12	Расходы на экспедицию 1948 г.	10 л.	
	13	Расходы на экспедицию 1946 г.	5 л., об.	
	14	Расходы средств по сектору археологии, 1959 г.	1 л.	
	15	Обращение в Управ. Делами Совмина БССР о брони на билеты членам экспедиции 1946г.	1 л.	на бланке.
	16	Прошение об утверждении договоров с сотрудниками экспедиции 1947 г.	1 л.	
	17	Прошение о командировке в район г.Вильнюса	1 л.	11.5.1956.
	18	Пометки о покупках муки.	1 л.	1946
Дело 3. Планы, отчеты, протоколы заседаний, текущие дела сектора археологии Ин-та Истории БАН.	1	Протоколы заседаний сектора за 1947 г.	8 л.	
	2	Тезисы доклада Поликарповича «План археологических исследований на 1947 г.».	1 л.	1947.4.19.
	3	Отчет о работе сектора археологии за 1 полугодие 1947 г.	11 л.	1 вариант.
	4	Отчет о работе сектора археологии за 1 полугодие 1947 г.	13 л.	2 вариант.
	5	Отчет о работе сектора археологии за 1947 г.	15 л.	
	6	Археологические исследования в Белоруссии за 1945-58гг.	17 л.	
	7	Планы научно-исследовательских и экспедиционных работ сектора археологии 1947	10 л.	
	8	Обоснование расширения штата сектора	4 л.	
	9	Тематический план научно-иссл. работ сектора археологии Ин-та Истории на 1948-1950 гг.	11 л.	
	10	Аннотации к плановым работам 1946 г. В.Р.Тарасенко «К истории верхнего Поднепровья и Белоруссии в Итыс.н.э.» и К.М.Поликарповича «Материалы к археол. карте БССР».	2 л.	
	11	Протоколы заседания сектора археологии Ин-та истории АН БССР	18 л.	от 1.4. и 6.12.1952, 10 и 23.12.1953.
	12	План работы К.М. Поликарповича по изучению произведений классиков марксизма	4 л.	1954 г.
	13	Обращение в Президиум АН БССР о работах в Полесской низменности и план работ.	3 л.	
	14	Отчет К.М. Поликарповича о работе за 1952 г.	4 л.	
	15	Отчет о работе сектора археологии Ин-та Истории АН БССР за 1952 г.	11 л.	
	16	Отчет о работе сектора археологии Ин-та Истории АН БССР за 1953 г.	26 л.	
	17	План экспедиций 1951-1955 г.	9 л.	
	18	План работы К.М. Поликарповича на 2-4 квартал 1953 г.	3 л.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	19	План работы в 1955 г. по плановой теме Палеолит Верхнего Поднепровья	5 л.	
	20	Материалы по подготовке раскопок и раскопках Замчища в Минске.	11 л.	
	21	План работы секции археологии Ин-та Истории АН БССР, 1945-1949	2 л.	
	22	Служебные записки сектора археологии.	5 л.	
	23	Отчет старшего научного сотрудника сектора археологии В.Р.Тарасенко	3 л. об.	рукопись. 1947г
	24	Характеристика и аттестация м.н.с. сектора археологии Льва Антоновича Михайловского.	2 л.	
	25	Ходатайство о пособии жене умершего сотрудника сектора И.М.Хозерова и некролог в КСИИМК, вып. XIX, 1948, 59-60	2 л.	
	26	Краткий научный отчет с.н.с. сектора археологии Ин-та Истории АН БССР Тарасенко В.Р.	5 л.	
	27	Материалы по экспедиции в Полоцк	4 л.	(1947-1948 гг.)
	28	Доклад о трудах Сталина по вопросам языкознания.	2 л.	Для сектора
	29	Заявка Поликарповича на проведение экспедиций в 1946 г.	рук., 2 л. об.	От 27.11.1945
Дело 4. К.М. Поликарпович. Рукописи научно- популярных, научных статей и глав к коллективным трудам.	1	гл. 1 учебника «История БССР»: «Первобытнообщинный строй. Восточно-славянские племена. Зарождение феодальных отношений» (до IX в.н.э.).	23 л.	
	2	рукопись Главы 1 учебника «История БССР»: «Первобытнообщинный строй»	16 л.	Черновик
	3	рукопись главы 1 «История БССР»: Первобытнообщинный строй. Восточнославянские племена. Зарождение феодальных отношений.	23 л.	Черновик
	4	Рукопись Главы 1 учебника «История БССР»: «Древнейшие обитатели. Восточнославянские племена» окончательный вариант, май 1951 г.	16 л.	пометки сделаны в мае 1952 г.
	5	Археологич. исследования в БССР в 1945-1953 гг. Статья.	53 л.	Январь 1954 г.
	6	Периодизация истории первобытнообщинного строя в БССР	6 л.	
	7	Работы по исследованию палеолита и эппалеолита в БССР и Западной обл. в 1933-35 гг.	3 л.	Начало рукописи.
	8	Конспект работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».	6 л.	
	9	Верхний палеолит верхнего Поднепровья (верхнеориньякская эпоха).	14 л.	Не публиковалась.
	10	Верхний палеолит верхнего Поднепровья (верхнеориньякская эпоха).	8 л.	Фр-т с пометками К.М.
	11	У Барысаўскім краязнаучам музэі.	1 л.	
	12	Манетная находка. 1 л.	1 л.	
	13	Исторические памятники Полоцкой обл. БССР.	13 л.	
	14	Исторические памятники Полоччины	11 л.	
	15	Раскопки древнего Полоцка.	1л.	
	16	Раскопки древнего Минска	6 л.	(черновик)
	17	Раскопки древнего Минска.	3 л.	л.4 отсутств.
	18	Всесоюзная археологическая конференция	1 л.	(1945 г.)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	19	Археологическая экспедиция в Белоруссии в 1957 году.	2 л.	
	20	К древнейшей картографии Белоруссии.	2 л.	
	21	Да старажытнай картаграфіі Беларусі.	2 л.	
	22	Восхождение на Эверест	5 л.	(1953 г.).
Дело 5. К.М. Поликарпович. Отзывы, рецензии.	1	Рецензия на работу В.Р. Тарасенко «Об итогах археологического изучения Минского Замчища в свете раскопок 1951 г.»	3 л.	31 декабря 1951 г
	2	Рецензия на статью «Польша. Исторический очерк» (для «Большой Сов. Энциклопедии»), с.20-22 (первобытнообщинный строй и раннефеодальный период)	6 л.	
	3	Рецензия на работу с.н.с. сектора археологии В.Р. Тарасенко «К истории Белоруссии на рубеже 1-2 тыс. н.э.»	32 л.	(работа по сектору археологии на 1947-49гг.)
	4	Дополнение к рецензии на работу Тарасенко «К истории Белоруссии на рубеже 1-2 тыс. ...»	17 л.	
	5	Отзыв о плане научно - исследовательских работ Ин-та Истории АН Армянской ССР.	1 л.	27 октября 1953 г.
	6	Отзыв на статью Н.Н. Воронина. «Бельчица. К истории Полоцкого зодчества XII в.».	3 л.	
	7	Отзыв о статье Р.Штроугаль «Новые доисторические местонахождения на Волыни и в Полесье».	1 л.	13.12.1946.
Дело 6. К.М. Поликарпович. Дневники.	1	Полевой дневник за 1930 г. разведки по Десне и Судости, раскопки Елисеевичи, Печенеж	Рук.94 л.об, перепл., вл 4 л.об.	опись находок стоянки Печенеж,
	2	Полевой дневник за 1927 год.	70 л.об.,	перепл.
Дело 7. Первобытнообщинный строй Белоруссии	1	К.М. Поликарпович. Рукопись Главы IV Истории БССР. Вып 1: Первобытнообщинный слой на территории Белоруссии.	57 л.	
Дело 8. История доклассового общества в БССР.	1	К.М. Поликарпович. История доклассового общества в БССР	56 л.	(черновик).
	2	К.М. Поликарпович. Рукопись: История доклассового общества в БССР.	24 л.	
Дело 9. Отчеты К.М. Поликарповича о полевых исследованиях.	1	Отчет об археологическом обследовании в Западной обл. в 1931 г. и письмо в ИИМК.	5 л.	Сброшюрованы
	2	Отчет о раскопках в Новых Бобовичах в 1951г.	18 л.	
	3	Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки в д. Новых Бобовичах Новозыбковского р-на Брянской обл. 21-31 авг. 1951 г. и переписка с Брянским краеведч. музеем о раскопках Новобобовичей.	11 л.	
Дело 10. К.М. Поликарпович. Рукописи науч- популярн., научных статей и глав к коллективным трудам и их фрагменты. Выписки к статьям.	1	Материалы к докл. «Проблема палеолита в Белоруссии»	48 л. + 12 л. сшитых.	
	2	Введение к лекциям по истории БССР	4 л.	рукопись
	3	Тезисы доклада «Палеолит верхнего Поднепровья».	2 л.	
	4	Археологические памятники Белоруссии.	55 л.	
	5	первобытнообщинный строй	2 л.	Рукопись
	6	Геологические условия стоянки Юровичи.	5 л.	
	7	Выписка из статьи В.П. Тарановича (Тр. Ин-та Истории науки и техники, сер.1, вып.5, 1935, с. 557).	1 л.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	8	из работы А.В.Куминовой по поводу собирательства.	1 л.	1950 г.
	9	об аналогии Елисеевичской жилой ямы в текстах В. Гюго	1 л.	
	10	Древнейшие памятники каменного века в верхнем Поднепровье и первоначальное заселение территории БССР.	20 л. Лист 21 отсутствует.	(рукопись, ставшая главой 2 монографии).
	11	«Проблема палеолита в Белоруссии» (часть, посвященная раннему палеолиту, стоянкам Бердыж и Юровичи).	50 л.	
	12	Ново-Бобовичская стоянка	4 л.	Рукопись
Дело 11. Елисеевичи	1	К.М. Поликарпович. Елисеевичи. Итоги раскопок 1946,1948 гг.	60 л. машинопись	
Дело 12. К.М. Поликарпович. Рукописи статей и глав монографий.	1	Кремневый инвентарь стоянки Елисеевичи рукопись	22 л. - с.22-44,	рукопись л.1-21 утрачены.
	2	Текст, изъятый Поликарповичем из рукописи «Палеолит верхнего Поднепровья».	8 л.	(с.129-136)
	3	Археологические исследования в Белоруссии 1945-1958 гг.	17 л. Рукопись	1959. не опубликована.
	4	Сведения об исследованиях по палеолиту в БССР, Западной области и (одному местонахождению) УССР.	8 л.	Рукопись 1937 г.
	5	К вопросу о мустьерской культуре в верхнем Поднепровье. Рукопись.	30 л.	
	6	Мустьерская культура на территории БССР.	10 л.	Фр-т рукописи.
	7	Фрагменты рукописей заметок в газеты о древней карте, раскопках в Минске, экспедициях	на 9 л. (вырванных из тетради).	1952 г.
	8	Заметки о кладе в Погорельщине.	16 л.	
	9	Запись о роли В.П. Левенка в экспедиции Юдиново 1947 г.	рукопись, 1 л.	
	10	Фрагмент рукописи о бронзовом веке БССР	6 л.	(на русском языке).
	11	Фрагмент рукописи о бронзовом веке БССР с.14-25.	12 л.	(на белорусском языке)
	12	Фр-т рукописи с описанием стоянок в Юровичах и Ново-Бобовичах	4 л.	(на белорусском языке).
Дело 13. Выписки и карточки (литература).	1	Конверт №1. (на русском, английском, немецком, французском, польском языках).	31 л.	
	2	«Повесть временных лет».	3 л.	
	3	о работе геолога Терлецкого.	2 л.	
	4	о Таймырском мамонте.	5 л.	
	5	Выписки и конспект работы Майкла Вентриса. Чаши (с четырьмя ручками) царя Нестора. Греческий инвентарь с минойским письмом	67 сшитых л., рук.	размер 10 x 14,5 см
	6	Конверт №2. Выписки из прочитанного, лирика.	188 л.	
Дело 14. Рукопись о стоянке Юдиново.	1	К.М. Поликарпович. Юдиновская стоянка верхнего палеолита. Минск. 1950 г. Неполный текст рукописи	Всего – 111 л.	отсутствуют л.5, 9 - 17, 19, 54 - 79, 87 – 104, 139
Дело 15. Фрагменты рукописи ПВП	2	К.М. Поликарпович. Фрагменты рукописи «Палеолит верхнего Поднепровья» по Елисеевичам.	80 л.	
Дело 16. Переписка. К.М. Поликарповича	1	С юным археологом Володией Кравцовым и его родителями (г. Чаусы). 5 писем.	14 л. в конверте	В.Кравцов трагически погиб (1933)

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	2	В экспедиции 1946 г. (Елисеевичи) и 1951 г. (Ново-Бобовичи).	11 л.	Телеграммы и их копии.
	3	Программа пленума Ленинградского отделения ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР, посвященного итогам полевых исследований	2 л.	1948 г.
	4	По делам сектора археологии	11 л.	1946-1947 гг.
	5	Резолюция, тез. док. и заключительное пленума ИИМК АН СССР 12-18 марта 1952 г.	27 л.	папиросная бумага
	6	С Николаем Купреевичем Сусько о находке шиферной иконки Св.Николая в Хотимском р-не Могилевской обл.	6 л. (письма, извещение о посылке)	февраль - апрель 1952 г
	7	По поводу находки зуба мамонта весом 4,3 кг (МЗ/) А.Е. Синяковым, г.Орша.	4 л.	ноябрь 1952 г. на 2 л. контуры зуба
	8	По делам сектора археологии	11 л.	1950-1954 гг.
	9	Историческая справка о поселке Узда для Узденского РИКа	2 л.	март 1954 г.
	10	О находке серебряной шведской монеты Густава Адольфа	2 л.	1.6.1951 г.
	11	Л.И. Двораковскому по поводу земляной двойной концентрической насыпи в кв.64 Барбаровского лесничества, Наровль Полесской обл.	2 л.	17.3.1952 г.
	12	Со станции Чупа Карело-Финской АССР, о сокровищах панской Польши в озере.	2 л., конверт	4.3.1952 г.
	13	О различных находках на территории Белоруссии (погребения, оружие, курганы, камень с арабской надписью).	11 л. и 2 фото оружия из торфяника	1947-1954 гг.
	14	По делам сектора археологии	12 л.	1950-е гг.
	15	О приеме учителя из д. Полесье Чечерского р-на Гомельской обл. Г.В. Штыхова в аспирантуру	3 л.	23 июля 1959 г. (отзыв, рекомендация)
	16	О запрете раскопок Георгию Иосифовичу Пеху (директору Волоковысского кр. Музея) в связи с 4-летним непредставлением отчетов и низким качеством представленных	2 л.	8 апреля 1952 г.
	17	По делам секции археологии	5 л.	1939-1941
	18	По делам сектора археологии (заявки и выдача открытых листов, находки)	10 л.	1947-1960 гг.
	19	Письмо И.И. Сахарного (Льгов) по поводу клада в Витовтовом колодце	3 л.	
	20	Из переписки с С.Н. Замятниным, А.П. Окладниковым и П.П. Ефименко	5 л.	(вкл. отзывы о трудах К.М.П.)
	21	О гордице Жаберском с/с Дрогиничского р-на Пинской обл.	1 л., вклейка, конверт	23.9.1949 г.
	22	Письмо К.М.Шевцову	1 л., рук.	15.03.1960 г.
Дело 17. Планы, отчеты, протоколы заседаний, текущие дела сектора археологии Ин-та Истории БАН.	1	Отчет о работе сектора	8 л.	1951 г.
	2	Отчет сектора археологии 1955	15 л.	авт. правка.
	3	Отчет о работе сектора археологии в 1956 г.	16 л. с авт.правкой.	
	4	Отчет о работе сектора археологии в 1957 г.	14 л. с авт. правкой.	
	5	Тезисы доклада А.Т. Митрофанова «Раскопки городища Поддубовики»	8 л. об.	

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	6	План-проспект работы К.М. Поликарповича в 1954 г. над плановой темой «Палеолит верхнего Поднепровья».	2 л.	
	7	План работы Поликарповича в 1955 г. по плановой теме Палеолит верхнего Поднепровья	4 л.	
	8	Протокол заседания сектора археологии...	2 л.	от 28 января 1958 г.
	9	Перспективный план Ин-та Истории АН БССР на 1959-65г.	2 л.	
	10	Отчет о работе сектора археологии Ин-та Истории Академии наук БССР за пятилетие 1946-50 гг.	36 л.	
	11	Отчет о работе сектора археологии... в 1 полугодии 1952 г.	10 л.	
	12	Протоколы заседаний сектора археологии	22 л.	1952 г.
	13	Характеристика аспиранта Л.В. Алексева.	2 л.	
	14	Аннотация плановой работы А.Г. Митрофанова.	2 л.	получена в ноябре 1952 г.
	15	Календарный план работы А.Г. Митрофанова.	Рук., 1 л., поврежд.	на 1952 г.
	16	Календарный план работы В.Р. Тарасенко.	1 л.	
	17	Соц.обязательства сектора археологии	1 л.	на 1952 г.
	18	Отчет В.Р.Тарасенко, его замечания по отчетн. докладу К.М. Поликарповича	Рукопись, 4 л.	1952 год.
	19	План выполнения плановых тем по сектору археологии	7 л.	1952 г.
	20	Прошение К.М. в Ученый совет Ин-та Истории АН БССР о погашении аспирантской задолженности Л.В. Алексеева.	2 л.	
Дело 18. Планы, отчеты, протоколы заседаний, текущие дела сектора археологии Ин-та Истории БАН.	1	Схема аннотации научной проблемы годового плана работы АН БССР на 1951г.	8 л.	
	2	Тематический план сектора археологии на 1951 год.	10 л.	
	3	Тематический план сектора археологии на 1950 год.	10 л.	
	4	Тематический план сектора археологии на 1951 – 1955 гг.	30 л.	
	5	К пятилетнему плану сектора археологии	Рук., 1 л.	Записка В.Р. Тарасенко.
	6	Служебная записка В.Р. Тарасенко К.М. Поликарповичу	Рук., 1 л.	10.8.1950.
	7	Итоги работы 1952 г. (таблица).	Рукопись 3л.	
	8	Служебные записки по Институту Истории АН БССР	5 л.	1949 г.
	9	Открытый лист 1952 г. на имя Ю.В. Кухаренко.	1 л.	
	10	Протокол заседания сектора археологии	3 л.	от 1.04.1958 г.
	11	Открытый лист на имя П.Н.Третьякова 1952 г.	1 л.	(второй экземпляр).
	12	Открытый лист на имя А.Г. Митрофанова на 1957 г.	1 л.	(второй экземпляр).
	13	Письмо Ю.В. Кухаренко о выезде из Москвы в Белоруссию экспедиции под рук. проф. П.Н.Третьякова.	1 л.	от 24 июля 1952 г.
	14	Рецензии рукописи И.М. Хозерова по белорусскому зодчеству.	18 л.	Авторы Н.Воронин, П. Барановский.

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание	
	15	Проект постановления о состоянии охраны памятников археологии БССР.	4 л.		
	16	Замечания к макету «Истории БССР» т.1 Е.И. Корнейчик.	8 л.		
	17	Акты на списание по сектору археологии.	3 л.		
	18	Материалы по охраняемым раскопкам в Полоцке (1957 год).	8 л.		
	19	Коллекционная опись шурфа 1 в Верхнем Замке г. Полоцка, составлена Э.М. Загорульским.	4 л.		
	20	Авансовый отчет	2 л.	1951 г.	
	21	Рецензия на работу К.М. «Раскопки в Бердыже в 1953 г.»	2 л.	автор А.Г. Митрофанов	
	22	Краткий отчет об итогах раскопок Минского Замчища в 1957 г.	2 л.	Э. Загорульский, А. Митрофанов	
	23	План организации археологического музея АН БССР.	Повреждены на сгибе 2 л..		
	24	Протокол заседания сектора археологии	3 л.	25.12.1957 г.	
	25	Смета археологических раскопок на Верхнем Замке г. Полоцка в 1958 г.	1 л.		
	26	Отчет о работе сектора археологии	5 л.	с 1.01 по 30.07 1959	
	27	Тематический план научно-исслед. работ сектора археологии на 1951-55 гг.	3 л.	фрагмент.	
	28	План работ на 1956 г.	3 л.	Нет .л.1-3, 5	
	29	Заявление на участие в конкурсе на замещение должности зав. сектором археологии	1 л.	1959 г.	
	Дело 19. Отзывы и рецензии, написанные К.М. Поликарповичем.	1	Отзыв о статье с.н.с. сектора этнографии Л.А. Молчановой «Новые типы белорусского колхозного жилища».	1 л.	26.11.1951 г.
		2	Замечания на Отчет о научно-исслед. работе Ин-та археологии АН УССР за 1951 г.	4 л.	
		3	Рецензия на работу А.Д. Палееса «Архитектурные памятники Белоруссии».	9 л.	23.1.1951 г.
		4	Отзыв об Отчете за 1951 год Исторического музея Академии наук Эстонской ССР.	2 л.	
5		Отзыв об Отчете о работе Государственного Исторического музея АН Армянской ССР	2 л.	за 1951 г.	
6		Замечания на §1-3 макета учебника для ВУЗов «История СССР», т.1.	4 л.		
7		Замечания по словнику археологии для 3 изд. Малой Сов. Энциклопедии.	2 л.	11 мая 1956 года.	
8		Замечания на программу по истории Белоруссии (для ВУЗов) разделы 1 и 2.	1 л.	15.10. 1939	
9		Редактирование Поликарповичем работы В.Р. Тарасенко «Древний Минск»	1 л.		
Дело 20. Рукописи и черновики К.М. Поликарповича. Выписки к статьям.	1	Список археологических памятников, находящихся по рекам Западной Двине и Днепру.	Рукопись. 8 л. об.		
	2	Аннотация к теме «Палеолит верхнего Поднепровья».	2 л.		
	3		2 л.	правка рукой	
	4	Итоги археологических исследований в Белоруссии после Октябрьской революции.	52 л. листы 53-54 отсутствуют. рук.	опубликована 1947 г.	
	5	Археологические раскопки в БССР в 1945 – 1956 гг.	3 л.	(Тезисы).	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	6	Список археол. памятников по Зап. Двине и Днепру.	6 л.	
	7	Древнейшие памятники каменного века в верхнем Поднепровье и первоначальное заселение территории БССР.	28 л.	
	8	Мустьерская культура в верхнем Поднепровье. («Древнейшие памятники...»).	21 л. Отсутствуют с. 6, 12, 15, 17	черновик
	9	статья А.Н. Лявданского «Археол. исслед. в Смоленщине».	4 л.	Перевод с белорус.
	10	Итоги раскопок древнего Минска 1957 г.	Рукопись, 4 л.	
	11	Древности Борисовщины. 15.04.1954 г.	4 л.	
	12	Выписка из статьи Н.Н. Гуриной «Поселение эпохи раннего металла на северо-восточном берегу Онежского озера»	2 л.	(Археологический сборник, Петрозаводск, 1947
	13	Выписка о жилищах стоянки Вой-Наволок 9 из статьи Н.Н. Гуриной «Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегогорского района»	3 л.	Оттуда же, что и №12
	14	(Раскопки в Минске и Гродно).	8 л.	Отсутств.л.1.
Дело 21. Стоянки среднего Посожья.	1	Рукопись К.М.Поликарповича «Стоянки Среднего Посожья (материал обследования 1928г.)	151 л.	Вышла в 1957 г. .
Дело 22. Палеолит верхнего Поднепровья, глава 1.	1	Рукопись Поликарповича «Палеолит верхнего Поднепровья»: гл.1 «История исследования палеолита Белоруссии и смежных территорий Поднепровья».	49 л.	Экземпляр В.Д. Будько, просмотрен К.П. 15.05.1959 г.
Дело 23. Кремневая индустрия Елисеевичи	1	К.М. Поликарпович. Кремневая индустрия стоянки Елисеевичи (по материалам 1948 г.)	44 л.	
Дело 24. Выписки из книг	1	Выписки из работ Маркса, Энгельса, Ленина, "Краткого курса истории ВКП(б)"	37 л.	
Дело 25. Кремневая индустрия стоянки Елисеевичи	1	К.М. Поликарпович. Кремневая индустрия стоянки Елисеевичи (по материалам 1935-1936 гг.). Фрагмент рукописи.	48 л.	Вошла в книгу "Палеолит верхнего Поднепровья»
Дело 26. Юдиново. Черновик рукописи.	1	К.М. Поликарпович. Юдиновская стоянка (черновики рукописи). Основа главы "Юдиновская стоянка" в книге "Палеолит верхнего Поднепровья"	73 л. с авторской правкой и пометками Тарасенко.	Вошла в книгу "Палеолит верхнего Поднепровья"
Дело 27. Полевые дневники, описи. К.М. Поликарпович (в папке для тетрадей)	1	1951. Клеевичи. (раскопки курганов и на месте находки бивня мамонта).	5 л., обложка, текст на 3 л. об.	в ученической тетради
	2	Подлужье. 1954 г. Записи рабочих по дням.	11 л.об., обложка	в ученич. тетради
	3	Кривина, 1934 год. Полевой дневник и тетрадь из 8 л. - переписанная К.М. в 1952-53 гг. часть текста дневников.	рук., тетр. 8 л.об., влож. тетр.14 л.об. (28 с.) +12 л.	в обложке от учен.тетради, карандаш чернила
	4	Опись кремней, найденных при раскопках (Бердыж)	тетрадь, 20 л. об.	1953 г. №№1-748.
	5	Опись кремней, найденных при раскопках (Бердыж)	тетрадь,14л., текст на 7 л..	1953 г. №№749-971.
	6	Описи находок во время разведок 1930 г.	20 л.	
	7	Полевой дневник исследований в Новых Бобовичах, 1953	Уч. тетр.22 л., рук.	3 л. купированы автором
	8	Пояснительные материалы к описанию стоянок в Мозырьщине (полевые дневники)	17л., об. Рук. карандашом, планы	на отд. л., август - сентябрь 1927 г.
Дело 28. К.М. Поли-	1	Проблемы древней истории Белоруссии.	17 л.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
карпович. Рукописи статей и глав Истории БССР.	2	Первобытнообщинный строй. Древнейшие обитатели и восточно-славянские племена.	35 л.	многочислен. авторские правки
	3	История БССР. Глава 1. Первобытнообщинный строй. (2-я редакция)	33 л. с авторскими пометками	Сдана А.П. Пьянкову обсуждена на секторе 2.03.1948
	4	Об основных вопросах истории БССР. Тезисы. Приложение: письмо из ЦК КП(б) Беларуси от 1 марта 1948 г.	11 л.	Редакторская правка К.М.
	5	Тезисы к докладу "Периодизация истории первобытно-общинного строя в Белоруссии"	2 л.	
	6	Материнский род. Славянские племена.	11 л.	
	7	Список иллюстраций и литературы к статье о палеолите и мезолите Белоруссии 1935 г.	6 л., 1 вклейка	20 иллюстраций и 41 издание
	8	рецензия на работу Рудынского о неолите на Днепре	4 л.	Нет 1 стр. На бел. яз.
	9	Находка старинного клада (о находке А.В.Драгуном 80 серебряных монет 17 в. в д. Гребонь Руданского р-на)	1 л.	статья для газеты
	10	Стенограмма выступления К.М. в прениях на всесоюзной археологической конференции.	1 л.	1953 г.
	Дело 29. Материалы к биографии К.М. Поликарповича	1	Характеристика научной работы К.М. Поликарповича	9 л.
2		Список экспедиций и трудов К.М. Поликарповича	44 л.	авторство неизвестно
3		Список научных работ К.М. Поликарповича за 1945-1954 гг.	3 л.	16.04.1954 г., правка 15.10.1956 г.
4		Список научных работ К.М. Поликарповича за 1945-52 гг.	3 л.	18 октября 1952 г.
Дело 30. Личная переписка: письма К.М. Поликарповичу от родных и близких	1	Переписка с Бекаревичами: Анной Михайловной - сестрой Поликарповича и Георгием Михайловичем, их дочерью Екатериной Георгиевны Ромась - племянницей К.М.	всего - 138 л.	не сшиты, часть писем лежит в конвертах, 1909-1946 гг.
	2	Письмо из АН БССР А.М. Бекаревич о возможности переезда в Минск к К.М. на пост. место жительства	1 л.	от 18 апреля 1945 г.
	3	Свидетельство о смерти А.М. Бекаревич	1 л.	01.02.1946
	4	Переписка с Василием Поликарповичем (брат К.М.)	14 л.	в отдельном конверте
	5	Открытка от дяди - Василия Романовича Поликарповича	1 л.	Открытка от 23.03.1917
	6	Письма от брата К.М. - Петра	8 л.	1930-50-е гг.
	7.	Письма К.М. племянницам (Тане и Вале) и Лидии Карловне Ильрбен	2 л.	01.03.1944
Дело 31. Личная переписка: письма К.М. Поликарповичу от родных и близких. Отдельные письма от краеведов	1	Письма от Семеновы Марии Марковны и Т. Семенова - родителей мужа Натальи Семеновы (Поликарпович)	9 л.	1940-е гг.
	2	Письма от Володи Семенова	4 л.	1914 г.
	3.	Телеграммы, переписка с Шевцовыми	11 л.	1950-е гг.
	4.	Квитанции, талоны и пр.	23 л.	в конверте
	5.	Различные уведомления	5 л.	
	6.	Различные письма	10 л.	1910-50-е гг.
	7.	Письмо от Тишкова из Зелоз	1 л.	15.3.1929 г.
	8.	Письма от племянниц	3 л.	1950-е гг.

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	9.	от сестры –Натальи Семеновой	2 л.	1931 г.
	10.	Судебная повестка в Юровичи в качестве свидетеля	1 л.	1932 г.
	11.	Письмо от М. Семеновой о находке зубов мамонта на Беседи у Киселевки	1 л.	3.7.1936 г.
	12.	Переписка со Ст. Слонимским из Могилева	6 л.	1931-1933 гг.
	13.	От М. Семеновой	1 л.	3.7.1936 г.
	14.	От краеведа В. Ефременкова г. Починок Смоленской обл.	1 л. в конверте	2.12.1937 г.
	15.	От С. Дроздовского (краеведа), Сураж	1 л.	10.6.1931 г.
	16.	От Вершило (редакция "Черепетская коммуна") о находках близ Лихвина на Оке	2 л.	1933
	17.	От краеведа В. Гузеева (Почеп) о находке костей мамонта в Щекотово	1 л.	15.10.1934 г.
	18.	От Нины	1 л.	4.1.1956 г.
	19.	От И.Е. Кондратенко	1 л.	04.11.1948
	20.	От Я.Дубр(овина?..)	1 л.	10.08.1928
	21.	От А.А.Пионтковского, Городня Черниговской обл.	1 л.	10.12.1935.
	22.	От Н. Сибилева (Донецк).	2 л.	26.01. и 10.8.1936
	23.	И.Т. находка бронзового кельга	1 л.	11.12.1927 г.
	24.	О костяном книжале	1 л.	15.12.1928 г.
	25.	О З. Харьков (Погар, Курово)	1 л.	3.11.1934 г.
	26.	Трофименков, о находке костей	1 л.	13.7.1927 г.
	27.	От Нины Борисовны Дейнека	1 л.	11.5.1950 г.
	28.	От Н. Сенельмарова (?)	1 л.	10.2.1949 г.
	29.	От В. Гераськовой	1 л.	22.1.1948 г.
	30.	От М.Е.Аrsaковой (Гродненский музей)	1 л.	30.11.1948 г.
	31.	От М. Новикова (Чечерск) на-ходки каменных топоров, тесел	1 л.	26.9.1927 г.
	32.	о находках костей мамонта до 1925 г. в Речице	1 л.	7.7.1927 г.
	33.	От П.Н. Гоголева директора музея Трубчевск	1 л.	июль 1930 г.
	34.	Телеграмма с просьбой о повторе утерянного письма	1 л.	15.3.1928 г. из Москвы
Дело 32. Кавказ и западная Белоруссия Фото и Фотооткрытки (до 1939 г.) Находки из Пинского музея	1	Беловежская пуца	12 л.	
	2	Виды Кавказа	20 л.	
	3.	Виды г. Слоним	18 л.	
	4.	Виды г. Гродно	8 л.	
	5.	Виды г. Пинск	8 л.	
	6.	Виды г. Новогородок	9 л.	
	7.	Виды Давидгородка	2 л.	
	8.	Любинец	2 л.	
	9.	виды Западной Белоруссии	11 л.	
	10.	Крестьяне и мещане зап. Белоруссии	8 л.	
	11.	Сосуд из Пинского музея, хут. Вартки, 1935 г.	2 фото	диаметр 0,35 м.
	12	Булавка длиной 0,2 м., Пинский музей	2 фото	
	13.	Фибулы, 4 обл.Пинский музей	2 фото	
Дело 33. Переписка с коллегами	1.	От С. Шутова (археолог, врач)	2 л.	1928-29 гг.
	2.	От Кротова, Гиттермана и Еременко (Новозыбков)	8 л.	1925-1929 гг.
	3.	От Г.А. Бонч-Осмоловского	13 л.	1927-1933 гг.

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание	
	4.	Письмо от С.А. Гатцука	1 л.	17.5.1907 г.	
	5.	Письма от В.И. Громова	11 л.	1927-1938 гг.	
	6.	Письма от С.Н. Замятниной	13 л.	1928-1950 гг.	
	7.	Письма от В.И. Громовой	2 л.	1948, 1950	
	8.	От Сорокина	1 л.	Нет листа 1	
	9.	Никольский Н. (директор ИИ АН БССР)	1 л.	5.4.1940 г.	
	10	От Л.В. Алексеева о поступлении в аспирантуру и Ин-т Истории и раскопках Полоцка с Ворониным	3 л.	1949 г.	
	11.	От Ивана Зыкова (Гомель)	4 л.	1933-1950 гг.	
	12	От Н. Воронина (ИИМК)	5 л.	1949-1950 гг.	
	13.	От чл-корр. Академии Архитектуры Н.Брунова	1 л.	13.5.1950 г.	
	14.	От В.Е. Гарутта	2 л.	1953, 1958 гг.	
	15.	От В.А. Городцова	1 л.	1927 г.	
	16.	От М. Паничкиной	1 л.	1936 г.	
	17.	От Е. Лукьянова – уч. секр. Ин-та Истории АН БССР	2 л.	1949 г.	
	18.	В. Илларионов (историограф)	1 л.	1937 г.	
	19.	Об открытом листе на 1933 г.	1 л.	1933 г.	
	Дело 34. Документация Сектора археологии Ин-та Истории АН БССР	1	План работ на 1957 г., Протоколы заседаний Годовой отчет и индивид. план В.Р. Тарасенко, отчет Л.Д. Поболя, Отчет о работе сектора, копия Открытого листа Каргера М.К., смета на 1957 г., Протокол Межведомств. комиссии по состоянию Замчища в Минске, текущая переписка, план 1958 г.	114 л., сшиты	1957 г.
	Дело 35. Отчет о работе сектора арх.	1.	Поликарпович Отчет о работе сектора археол. Ин-та Истории АН БССР за 1946-1950 г.	36 л.	20.12.1950 г.
	Дело 36. Переписка с коллегами	1.	Письма от Гомельского краеведа и археолога И. Х. Ющенко и от ученого секретаря Инбеккульты В.Д. Довгяло	8 л. (4+4)	1925-1927 гг.
2.		открытки от М. Тальгрена	2 л.	1927 г.	
3		Переписка М.Я. Рудинским, П. Харламповичем, Ф. Козубовским, Н. Антонович	18 л.	1927-1933, 1935, 1949.	
4		Письма от А.А. Спицына	7 л.	1925-1928 гг.	
5		Письма от А.Н. Рогачева	2 л.	1948 г.	
6.		Письма от П.П. Ефименко	7 л.	1920-е гг.	
7.		Письма от Б.С. Жукова и М.В. Воеводского	6 л.	1924, 1928, 1940 гг.	
8.		Письма от Г.Ф. Мирчинка	6 л.	1928 г.	
9.		Письма от А.Н. Лявданского	11 л.	1925-1936 гг.	
10.		Письма от А.Д. Ковалени	4 л.	1930-1936 г.	
11.		Письма от С.А. Дубинского	10 л.	1925-1936	
Дело 37. Рукописи статей, заметок, рецензий К.М. Поликарповича	1	Замечания на составленную А.П. Пьянковым и Л.Н. Преображенской "Программу по истории Белоруссии"	2 л.	07.12.1957	
	2	Рец. на статью А.Г. Митрофанова Городище у д. Лабенщины	3 л.	03.03.1954	
	3	О находке зуба сибирского носорога в Мозыре	1 л.		
	4	Полезное начинание (о плакате по древней истории, Пинский краеведческий музей)	4 л.	1957	
	5	Находка древней арабской монеты	1 л.	24.04.1957	
	6	Введение к "Материалам по археологии БССР"	2 л.		

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	7	Археологические исследования в БССР в 1945-1954 гг.	23 л.	вариант рукописи
	8	Лазарчуку Федоту Павловичу д.Снядин Петриковского р-на Гомельской обл. о происхождении названия Турова	2 л.	14.06.1956
	9.	Об историч. справке С. Данаурова для альбома "Беловежская пуца"	2 л.	03.01.1957
	10.	обзор истории Могилевщины	2 л.	
	11.	Рецензия на статью аспиранта Л.Д. Поболя "Фибулы из раскопок в Чаплине"	2 л.	10.05.1957
	12.	Першабытная стаянка на Кривине. 1934 г.	3 л.	плохая сохранность
	13.	О находках М.В. Воеводского на Десне – критический обзор	5 л.	с.7-10 и 7-а
	14.	Черновик рукописи о первоначальном заселении Белоруссии	33 л. рукописных	малый формат
	15.	Западная Двина (материалы разведок)	33 л. рукописных	в конверте
	16.	Сновь (карточки)	10 л. рук.	в конверте
	17.	Находки в Тісі (Латвия) и Лутчицах (Белоруссия).	7 л. с авторской правкой	не опубликована
Дело 38. Открытые листы и командировочные удостоверения	1	Открытые листы и командировочные удостоверения за 1933 (Жирятинский, Погарский р-ны, Лихвин), 1946, 1947, 1948, 1951, 1953, 1954 гг. Елисеевичи, Юдиново, Бердыж.	9 л.	сшиты
Дело 39. Период Великой Отеч. войны	1.	Ответ К.М. на письмаи А.Я. Брюсова (ИИМК), 1958	3 л.	
	2.	Справка о работе в Карасайской геологической партии	1 л.	копия
	3.	Справка о работе в Атасуйской геологической партии	1 л.	копия
	4.	Ходатайство о прописке в Ташкенте	1 л.	копия
	5.	Справка о прописке, Ташкент	1 л.	копия
	6.	Справка о работе в Ташкенте	1 л.	копия
	7.	Ходатайство о выдаче долга по зарплате	1 л.	
	8.	Подтверждение о должности и месте работы К.М. в Ташкенте	1 л.	подписи Гринבלата и Лукьянова
	9.	Список содержимого ящиков с коллекциями Ин-та Истории АН БССР, возвращенных из Германии	3 л.	
Дело 40. Рукописи статей, заметок, рецензий К.М. Поликарповича	1.	К вопросу о мустьерской культуре в верхнем Поднепровье.	22 л.	
	2.	Раскопки в Бердыже в 1953 г.	26 л.	
	3.	Рец. на статью сотрудника Эрмитажа К.В. Кузнецова "Соболевский клад"	1 л.	1948 г.
	4.	Знаходки у Вялячцах Барысаўскага раёна	3 л.	
	5.	Развернутый отзыв о содержании статей сборника "Материалы по археологии БССР"	5 л.	
	6.	Первобытнообщинный строй на территории Белоруссии (из лекций по Истории БССР)	19 л.	10 мая 1952 г.
	7.	справка о трудах Д.И.Довгялло	4 л.	
	8.	Рец. на работу В.Р. Тарасенко "Новые данные о древнем Минске (по раскопкам 1946 г.)"	2 л.	
	9.	Конспект работы Ф.Энгельса «Анти-Дюринг».	5 л.	

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	10.	Замечания на с.3-5 работы В.А.Короля Архитектурный облик города Минска (Минск,1953)	1 л.	2.8.1955 г.
	11.	Замечания В.Р. Тарасенко на текст лекции действ.члена О-ва по распространению политич. и научн. знаний Белорусской ССР К.М. Поликарповича "Первобытнообщинный строй на территории Белоруссии.	3 л.	
	12.	Мустьерская эпоха в верхнем Поднепровье (черновик).	38 л.	рукопись, не ранее 1958 г.
	13.	Из глубины десятков тысячелетий (популярный вариант "Мустьерской культуры в БССР")	4 л.	
	14.	Мустьерская эпоха в верхнем Поднепровье (черновик).	19 л.	на разворотах тетради
	15.	(описание находки в Светиловичах)	5 л.	рукопись
Дело 41. Рукописи статей, заметок, рецензий К.М. Поликарповича	1.	Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья	15 л.	фиолетовая копирка
	2.	Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны (дер. Юдиново Погарск. р. Западн. обл.)	7 л., последний лист поврежден мышами	Послано 11.12.35 Опубл. в СА, 1937.
	3.	Находка стоянки четвертичного человека в Погарском р-не	3 л.	бумага повреждена
	4.	Новая находка палеолита (Западная область)	3 л.	11.1934
	5.	Об одной находке в БССР	3 л.	публ.СА1937
	6.	Археология ў Беларусі за 30 год	36 л.	Опубл.,1949г.
	7.	д-р И. Пузинас Послеледниковая культура обитателей Литвы	9 л. об. Рукопись	(перевод Поликарповича)
	8.	д-р И. Пузинас Послеледниковая культура обитателей Литвы (перевод Поликарповича)	7 л.	нет 3-4 л. окончания, машинопись
	9.	Отчет о командировке на научную конференцию в Киев, в Ин-т Археологии АН УССР	57 л. в конверте рукописные	1954 г.
	10.	О раннефеодальном Гродно и первых русских князьях в Городне	3 л.	авторство не установлено
	11.	Древнейшие поселения в районе Минска. (раздел главы Древний Минск (по XIV век)	4 л. (3 л. - окончательный текст, 1 черновик)	автор текста – Поликарпович К.М.,
	12.	Рукописные черновики по монетнымкладам Белоруссии	38 л. рук.	В конверте
	13.	Археологічныя работы 1947 года	1 л.	для стенгазеты Инст. Истории
Дело 42. Отчеты сектора археологии	1.	Отчеты сектора за 1949, 1953, 1954, 1956 гг., личный отчет К.М. Поликарповича за 1949 г.	всего 85 л.	Сброшюрованы
Дело 43. Финансовые документы	1.	Финансовые документы сектора археологии Ин-та Истории АН БССР 1946-1953	всего 42 л.	Сброшюрованы
Дело 44. Елисеевичи	1	К.М.Поликарпович Кремневая индустрия стоянки Елисеевичи.	51 л.	сшиты
Дело 45. В.П.Левенок	1.	Характеристики В.П. Левенка для приема на работу м.н.с. Ин-та Истории	7 л.	январь-февраль 1948 г.
	2	Отчет В.П. Левенка о работе в в 1 полугодии 1948 г.	1 л. рук об.	1948 г.
	3	Фото: В.П.Левенок ведет экскурсию в Трубчевском музее	1 л.	1936 г.
	5	Послеуведомление (шуточная рукопись В.П. Левенка)	2 л. рук, об.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	6	Переписка В.П. Левенка с К.М. Поликарповичем 1935-1949 гг.	всего 60 л. Рук.	1936-1950 г.
Дело 46. Полевые дневники и описи	1	Полевая опись находок и фауны с раскопок стоянки Бердыж в 1928 г. К.М. Поликарпович и В.И. Громов	16 л. рук об.	сшиты, формат А4, сложены пополам.
	2	Дневник исследований в Подлужье, 1953	Тетрадь 96 л. рук.	Не вся заполнена
	3	Полевой дневник исследований в Юровичах в 1929 г. письмо о находке палеолита в Юровичах	17 л. об. Рук., вложен 1 л. - письмо, 1 л. - чертеж	В тетради, на обложке пометка "1929, с 25. VIII".
Дело 47. Документы Сектора Археологии, 1948 г.	1	Документация Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР (протоколы, переписка, отчеты, сметы, заявки)	114 л., сшиты	за 1948 г.
Дело 48. Материалы к биографии К.М. Поликарповича	1	Приглашения на научные конференции, научные чтения, юбилеи ученых.	14 л.	в конверте
	2	Характеристика научной работы К.М. от Н.М. Никольского	9 л.	17.06.1950
	3	Дополнительный список работ К.М. с 1946 по 1952 гг.	5 л.	18.10.1952 г.
	4	Переписка К.М. с редакцией журнала "Беларусь" как члена его редколлегии	3 л.	1947-1948
	5	Прошение об освобождении от обязанностей ученого секр. комиссии по истории земледелия	1 л.	1951 г.
	6	Больничные листы, справки, квитанции за жилье и подписные издания и пр.	61 л.	в конверте
	7	Требование оформления соц-обязательств К.М.	1 л.	
	8	Цветы засушенные	н	в конверте
	9	Приказ о командировке на совещание по геологии	1 л.	24-26 мая 1953 г.
	10.	Приказ о восстановлении на работе в АН БССР	1 л.	28.12.1943 г.
	11.	О заседаниях ученого совета Ин-та Истории АН БССР	8 л.	
	12.	Письмо проректора и юриста о выселении из студенческого общежития университета и переселении в 2-х этажн. д.21 на ул. Немига	1 л.	от 26.1.1952 г.
	13.	Заявление с просьбой о приеме в кассу взаимопомощи	1 л.	
	14.	О знании языков	1 л.	
	15	Справка о месте работы с 1920-х по 1940-е гг.	1 л.	от 22.11.1950
	16.	Материалы к автобиографии	1 л.	
	17	Текст песни М. Матусовского "Когда умчат тебя составы"	1 л.	записан 20.11.1955 г.
	18	справки о нахожд. в отпуске	5 л.	
	19	Служебное удостоверение АН БССР №241	1	06.08.1949
	20.	Членский билет ДОСААФ В№042117	1	
	21	Читательский билет №1516 на 1956 г. в Государственную публичную библиотеку АН УССР	1	
	22	Читательский билет государственной ленинской библиотеки	1	№84043 1953 г.
	23	Пропуск в Ин-т Истории АН БССР	1	1949-1950

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	24	Сберегательная книжка	2	1953
	25	Отзыв С.Н.Замятнина о работе К.М.Поликарповича (копия)	3 л.	11.02.1946
	26	Материалы по зачислению в докторантуру	7 л.	1953
	27	Материалы по восстановлению ученой степени к.и.н. и звания с.н.с	6 л.	1950-1951
	28	Справка с места работы в домоуправление	1 л.	
	29	Материалы к биографии	на 7 л. рук.	в конверте
	30	О выдвижении в действительные члены АН БССР	5 л. (записи и вырезки)	1947 г.
	31	Трудовая деятельность	5 л.	Таблица
	32	Трудовая деятельность	3 л.	Нет с.1
	33	Автобиография	1 л. об.	только с.5,
	34	Личн. листок по учету кадров	1 л.	
	35	Характеристика	1 л.	без подписи
	36	Н.М. Никольский. Отзыв о главнейших работах К.М. Поликарповича	9 л.	1948
	37	О работе в сост. ученого совета	9 л.	
	38	Сноска на книгу А. Савича "Источниковедение и историография Белоруссии" Минск, 1945, с упоминанием К.М.	1 л.	
	39	Текст песни "В низенькой светелке",	1 л.	записана с радио в 1954 г.
	40	Письмо член-корру АН СССР Н.М. Никольскому об участии в отборе докторантов	1 л.	№1-4-8 от 3 сентября 1953 г.
	41	Биография президента АН БССР В.Ф. Купревича	1 л.	Газета "Звезда"
	42	Записка-отказ от присвоения докторской степени без защиты диссертации	1 л.	21.02.1948 г.
Дело 49. Переписка	1	Письма С.А. Гатцука	9 л.	1907-1098 гг.
	2	Письма Н.И. Лелянова	20 л.	1932-1937 гг.
Дело 50. Переписка	1	письма Ф.М. Заверняева, С.С. Деева	70 л. + 1 л. в конверте	1929, 1936-1959 гг.
Дело 51. Сектор Археологии	1	Документы Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР	25 л.	1960 – 1962
Дело 52. Сектор Археологии	1	Документы Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР	52 л.	1955-1957
Дело 53. Новые Бобовичи	1	Материалы по раскопкам в Новых Бобовичах в 1951 и 1953гг.	21 л.	
Дело 54. Сектор археологии	1	Документы Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР	52 л.	1952-1954 гг.
Дело 55. Переписка	1	Официальная переписка К.М. в 1934 и 1938-1940 гг.	19 л.	
Дело 56. Палеолит верхн. Поднепровья	1	К.М. Поликарпович "Палеолит верхнего Поднепровья", о стоянке Елисеевичи	96 л.	фр-т рукописи
Дело 57. 1937	1	В Комиссию по обследованию Ин-та Истории АН БССР	8 л.	
Дело 58. Рукописи различных авторов и выписки	1	И.Г.Коршунов Авт.канд.дис. Первый этап крестовых походов в Прибалтику и Древняя Русь	22 л.	Москва, 1949
	2	А.Г. Митрофанов Городище в Вязинке	16 л.	правка рукой

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	3	Первобытнообщинный строй. Восточнославянские племена. Зарождение феодальных отношений	32 л.	правка рукой
	4.	Выписка из ст. В.П. Тарановича "Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г."	2 л.	М., АН СССР, 1935
	5	выписка К.Тышкевич О курганах в Литве и Западной Руси.	2 л.	Вильнюс, 1865
	6	Н.О. Косвин Основные проблемы истории первобытного общества и их положение в советской науке	5 л.	январь-февраль. 1951 Этнографическое совещание
	7	Эд. Штурмс Жилища на болоте Саранте	22 л. (27 с.)	Отсут..с.2,19,23-25
	8	Текст для маршрута "От Риги до Полоцка"	3 л., рук.	
	9	из Завитневич В.З. Из археологической экскурсии в Припятское полесье, Киев, 1890	1 л.	выписка
	10	О гальках-чурингах стоянки Балин-Кош	1 л.	выписка
Дело 59	1	Вырезки из газет, 1950-е гг.	110 л.	
Дело 60. Списки коллекций	1	Списки остеологических коллекций ЗИН РАН из раскопок в Елисеевичах и Юдиново	64 л.	сшиты за угол
Дело 61. Землекопалки Елисеевичей	1	К.М.Поликарпович «Землекопалки стоянки Елисеевичи» (фр-т рук. "Палеолит верхнего Поднепровья")	35 л.	
Дело 62. Карта	1	"Пинщина в начале XVI ст."	1 л.	
Дело 63. К.М. Поликарпович. Рукописи статей и рецензий	1	Археологический очерк БССР	2 л.	1950.1.1.
	2.	Территория района Минска в первобытнообщинное время	6 л.	1955, черновик
	3	Стоянка верхнего палеолита в Нов. Бобовичах	20 л.	
	4	Замечания на Отчет о работе Исторического Музея Туркменской ССР за 1951 г	4 л.	
	5	Отзыв о главах плановой темы А.Г. Митрофанова "Основные черты поселений центральной Белоруссии в 1-5 вв. н.э."	3 л.	1951 г.
	6	Словник по археологии для 3 изд. Малой Советской Энциклопедии	8 л., 16 с.	Брошюра
	7	Тез. док. конференции по четвертичной геологии 1953 г.	60 л. ротапринт	в т.ч. 2 л. - тезисы К.М..
	8	Замечания на сс.1-10 раздела "Историко-географическая характеристика" монографии П.Г. Ожевского "Экономическая география БССР"	4 л.	15.10.1954
	9	О работе С.Л. Сорокина "Могилевщина в период каменного и бронзового века"	1 л.	22.07.1958
	10	Реферат по плановой теме для научного отчета Ин-та Истории за 1946-56 гг.	1 л.	
	11	Рецензия на разделы макета "История Азербайджана" т 1.	4 л.	17.01.1955
	12.	Верхнепалеолитические стоянки в д. Новых Бобовичах Новозыбковского р-на Брянской обл., в д. Курове Погарского р-на этой же обл. и в д.Юровичах Калинковичского р-на Гомельской обл.	27 л.	
	13	Библиографическая заметка на статью С.В. Кириков «Исторические изменения животного мира нашей страны в 13-19 вв»	6 л.	черновик

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	14	Заметка о той же статье С.В. Кирикова	6 л.	Черновик
	15	Рецензия на тематическую работу 1951 года В.Р. Тарасенко "Материальная культура западных областей древней Руси в 9-13 в." Глава 1, введение	3 л.	Ноя.51
	16	Замечания на работу В.Р. Тарасенко "Материальная культура Восточных славян на территории Белоруссии в 9-13 вв."	7 л.	
	17	Банцеровское городище	1 л.	для БСЭ
	18	Елисеевичи	2 л.	для БСЭ
	19	Белорусская Советская Социалистическая Республика	3 л.	начало статьи для БСЭ
	20	О монографии "Палеолит верхнего Поднепровья"	2 л.	
	21	Рукопись для обсуждения в редакции БСЭ, словник 4 тома	34 с.	типографск. способ
	22	Кривина	2 л.	1935 г.?
Дело 64. К.М. Поликарпович. Рукописи статей и рецензий	1	Рец. на статью М.Алексеюка "Грамота Пинского князя Федюшки"	5 л.	10 мая 1952 г.
	2	Периодизация истории Первобытнообщинного строя в Белоруссии	4 л.	
	3	Основные моменты археологического изучения Белоруссии	6 л.	январь 1941 г.
	4	Список таблиц и карт к статье "Стоянки среднего Посожья"	1 л.	14 пунктов
	5	Рецензия на кн. "История культуры Древней Руси" М.- Л., 1951, 470с	3 л.	2.01.1951.
	6	Рецензия на работу И.И. Стабровского "Каменный век (неолит) на Слонимщине и в соседних районах"	2 л. и 26 с., тетрадь	25 мая 1954 г.
	7	В ред. газеты "Правда" коллективное письмо: В Белоруссии разрушают памятники культуры в соавт. с В.Н.Перцевым, И.И.Володько, М.С. Кацер, А.Я. Митяниным, В.И. Нефед, В.Р. Тарасенко, Н.Л. Тарасиковым	2 л.	с. 1 и 3, отсутствует страница 2), второй экземпляр
	8	Минщина в древности	6 л.	
	9	Агонь	8 л.	
	10	Гисторья агню	6 л.	
	11	Рец. на статью Пржеворского	17 л., черн.	к. 1930-х??
	12	Мустьерская культура в Белоруссии (тез.док.)	2 л.	1954 г.
	13	К.М. Поликарпович "Периодизация истории перво-бытнообщинного строя в Белоруссии"	2 л.	Тез.док.
	14	Аннотация к плановой работе 1946 г. с.н.с. сектора археологии Ин-та Истории АН БССР В.И. Голубовича и Г.А. Цегак-Голубович "Новые материалы по истории Гродно в раннефеодальную эпоху"	1 л.	24.2.1947 г., передано в Президиум АН БССР
	15	Археологические исследования в БССР в 1945-1954 гг. (тез. док. конференции Балтийской комплексной экспедиции)	3 л.	май 1955 г.
	16	Минская область БССР. Географический обзор	6 л.	9.04.1946 г.

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	17	Отчет об археологических раскопках в д. Бердыже Чечерского р-на Гомельской области и в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области в июле-октябре 1952 г.	16 л.	часть по Новым Бообовичам отсутствует
	18	Проект. План тезисов по основным вопросам истории БССР	8 л.	
	19	Древности Борисовщины	4 л.	
	20	Археологические исследования в БССР в 1945-1953 гг.	68 л. маш., рук. Черн.	разный формат, сшито
	21	Первобытнообщинный строй.	16 л.	2 сшивки
	22	Тез. док. Палеолит верхнего Поднепровья	2 л.	7 марта 1953 г.
	23	Из глубины десятков тысячелетий	4 л.	Черновик
	24		2 л.	1954
Дело 65. К.М. Поликарпович. Рукописи статей и рецензий	1	Мустьерская культура в верхнем Поднепровье	19 л. с авт. правкой	черновик рукописи
	2	Заключение (Палеолит верхнего Поднепровья)	14 л.	
	3	Первобытнообщинный строй (1-я редакция)	34 л.	июнь 1949
	4	Первобытнообщинный строй	16 л. правка	1949
	5	Рец. на рук. канд. диссертации В.Р. Тарасенко	28 л. часть сшита	отд. № стр. отсут.
	6	фрагмент черновика рукописи о землекопалках в палеолите	7 л., сшиты нестандарт	№№29-35 карандашом
	7	О торфянике Огдемер	4 л.	1951 г.
	8	фрагмент рукописи "Стоянки Среднего Сожа"	47 л.	с.276-322
	9	Стоянки доисторического человека Гомельской области	25 л. рук.	на белорусском языке
	10	стихотворение о Сталинграде	1 л. рук.	черновик
	11	В секцию археологии АН БССР (о находке мамонта в Дубровне)	3 л., на третьем листе - план	на белорусском языке
	12	замечания на лекцию К.М. Первобытнообщинный строй на территории Белоруссии	3 л.	автор - В.Р. Тарасенко
	13	рецензия на рукопись К.М. о Юдиново (В.Р. Тарасенко, А.Г. Митрофанов	2 л., с.2-3, с.1 отсутствует	21 декабря 1951 г.
	14	фрагмент рук. о палеолите	2 л.	до 1953
	15	Рецензии А.Г. Митрофанова и В.Р. Тарасенко на работу К.М. Поликарповича "Археологические памятники Белоруссии"	12 л.	1955 г.
	16	Отзыв о работе К.М. "Нарысы па истории дарадаваго і раннеродаваго грамадства"	4 л.	1936 г. (автор - В. Равдоникас)
	17	замечания на две исторических карты Белорусских земель	1 л. об.	29.12.1949 г.
	18	План организации археологического музея АН БССР	3 л.	5 мая 1940 г.
Дело 66. Рукописи К.М. Поликарповича по истории доклассового общества (1930-1940-е гг.)	1	История доклассового общества в БССР (План раздела 1 «Истории БССР»)	1 л.	
	2	Критика вульгарно-материалистических взглядов Б.Ф. Поршнева на антропогенез	23 л.	1930-е гг. ?
	3	Уступ. Крыніцы гісторыі дакласавага грамадства	15 л. (на бел. Языке)	1930-е гг.
	4	История доклассового общества в БССР	26+48 л. (74 л.)	не сшиты
	5	Фр-т рукописи "Крыніцы гісторыі дакласавага грамадства"	14 л. (на бел. Языке)	не сшиты
Дело 67. Переписка с родными, друзьями	1	От Натальи Семеновы сестра	17 л.	1928-1936
	2	От Дм. Семенова племянник	22 л.	1928-1938
	3	Наталье Семеновой от К.П.	20 л.	1932-1936

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание	
	4	От Зины Поликарпович	5 л.	1914-1917	
	5	От Натальи Семеновой к Ане Бекаревич	3 л.	1930-е гг.	
	6	От друзей (Зыков и пр.)	12 л.	1910-1917	
	7	От Анны Бекаревич (сестра)	1 л.	1932	
	8	Переписка М.К. Шевцовой	22 л.	в конверте	
	9	Письма К.М. Поликарповича к М.К.Шевцовой	19 л. об.	1948-1949 гг.	
	10	от Шевцовых	10 л.		
	11	от Петра Поликарповича	1 л.		
	12	Телеграммы	10 л.	1910-15, 50-е.	
	Дело 68. Дневники К.М. Поликарповича	1	Конверт	20 л.	1958
		2	Конверт	18 л.	1928
		3	Конверт	15 л.	1929
4		Конверт	9 л.	1930	
5		Конверт	3 л.	1931	
6		Конверт	7 л.	1932	
7		Письма к В.И. Ковалевой	11 л.	1927-1932	
8		Справки из адресного стола о В.И. Ковалевой	9 л.	Минск	
9		Дневник за 1928-1932 гг.	63 л. об. Рук.		
10		Дневник за 1935 г. (окт.-дек.)	31 л. об. Рук.	Зап. книжка	
11		Дневник за 1930 г.	23 л. об. Рук.	То же	
12		Дневник за 1931 г.	18 л. об. Рук.	Блокнот	
13		Дневник за 1931 г.	24 л. об. Рук.	Зап. книжка	
14		Записи разных лет, стихи	38 л. об. Рук.	блокнот	
15		Дневник за 1937-1938 гг.	36 л. об. Рук.	Зап. книжка	
16		Дневник за 1941 г. (весна, записи с конферен- ции)	15 л. об, рук., рис.	блокнот, карандаш	
17		Дневник за 1958 г.	44 л.	Зап. книжка	
Дело 69. Деловая переписка	1	Деловая переписка, 1940-е - 1950-е гг.	74 л. подшиты + 28 л. в конверте		
Дело 70. Отчеты сектора археологии	1	Отчеты о работе Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР	85 л.	1947-1949, 1949, 1951, 1952, 1953 гг.	
Дело 71. Материалы Сектора Археологии	1	Материалы по работе Сектора Археологии Ин- та Истории АН БССР за 1949-1958 гг.	151 л.	(вкл. материалы Минской экспеди- ции 1957)	
Дело 72. Материалы Сектора Археологии	1	Материалы по работе Сектора Археологии Ин- та Истории АН БССР за 1946-1956 гг.	132 л. + 13 л. в конверте	Вкл. письма П.П.Ефименко, А.П. Окладникова	
Дело 73. Материалы к биографии	1	Материалы к биографии К.М. Поликарповича (списки трудов, планы работы, характеристики)	43 л.		
Дело 74. Документы Сектора Археологии	1	Финансовые документы по экспедициям Сек- тора Археологии Ин-та Истории АН БССР	93 л.	1946 - 1954 гг.	
Дело 75. Палеолит верхн. Поднепровья	1	Черновик рукописи К.М. Поликарповича "Па- леолит верхнего Поднепровья"	267 л.,	Нет с. 18-26, 34-46, 52-71, 259-268, 320	
Дело 76. Карта чет- вертичной фауны	1	К.М. Поликарпович "Карта местонахождений четвертичной фауны восточной Белоруссии"	1 л. сложен вше- стеро	реставрирована	
Дело 77. Цветы	1	Цветы (букет?) засушенные К.М. Поликарпо- вичем и сохраненные им	Нет		
Дело 78. Карточки	1	реки (названия, выписки, памятники)	84 л.	в конверте	
	2	Библиографические	137 л.	без конверта	
	3	Библиографические	10 л.	в конверте	
	4	новая литература библиограф.	19 л.	в конверте	
	5	Разное	38 л.	без конверта	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	6	библиографические	114 л.	в конверте
Дело 79. Материалы покладам в БССР	1	Материалы покладам на территории БССР (письма, акты, описи)	48 л. + 9 в конверте	
Дело 80. Рукописи И.М. Хозерова	1	Рукописи Хозерова по древнерусской архитектуре Полоцка и сопровождающие письма	65 л.	
Дело 81. Коллекционная опись Курово	1	Коллекционная опись находок, сделанных на стоянке Курово в 1947 г.	7 л.	
Дело 82 Сектор археологии	1	Материалы сектора археологии Ин-та Истории АН БССР	98 л.	1946-1956 гг.
Дело 83. К.М. Поликарпович. Рукописи статей, рецензий и переводов	1	Абби Брейль в Южной Африке	3 л. об	1944
	2	рецензия на части работы "Historia Polski"	5 л.	1956
	3	Первобытно-общинный строй	2 л.	1950 для БСЭ
	4	Раннеродовое общество верхнего Поднепровья по раскопкам верхнепалеолитической стоянки в дер. Елисевицах.	3 л.	Аннотация. 1953
	5	Археологический очерк БССР	2 л.	1949 для БСЭ
	6	Археологический очерк БССР	2 л.	2 редакция
	7	г. Каменец (историч. справка)	1 л.	2.06.47
	8	История города Минска	7 л. рук	
	9	заметки с конференции в Киеве, 1954 г.	12 л. рук	Тетрадь, 1954
	10	Находки остатков овцебыка в Белоруссии	7 л. рук.	черновик
	11	К вопросу о мустьерской культуре в верхнем Поднепровье	27 л.	2 вариант 12.01.1954
	12	Мустьерская культура на территории БССР.	3 л.	
	13	Ударные орудия верхнего палеолита (палицы) по раскопкам 1935-1948 гг. стоянки в д. Елисевицах Брянской обл.	13 л.	не опубликована
	14	О некоторых находках древности в Белоруссии	7 л.	21.01.1957
	15	список илл. к статье "Выныки археалагичных доследау..."	6 л.	1946
	16	замечания на экспозиционный план Витебского музея	3 л.	22.01.1955
	17	Богдан Коштржевский "Новые открытия в Гече"	5 л.	
	18	Старажытныя скарбы	1 л.	1952
	19	Плиский монетный клад	2 л.+2 л. рук.	1951
	20	Агонь	8 л.	
	21	Рецензия на статью В.Р. Тарасенко "Раскопки городища Шведская гора" в г. Волоковиске в 1954 г.	3 л.	25.07.1955
	22	Отзыв о плане работы Эстонского народного музея АН ЭССР на 1953 г.	1 л.	26.11.1952
	23	Отзыв о плане работ Ин-та Истории АН УССР на 1953 г.	1 л.	26.11.1952
	24	Отзыв о плане работ Ист. музея АН ЭССР на 1953 г.	1 л.	26.11.1952
	25	Археалагичныя раскопки у Беларусі	5 л.	
	26	Бердыжская стоянка (для БСЭ)	1 л.	1950.10.1.
	27	Замечания рецензентов по т.1. "Истории БССР"	5 л.	
	28	о Беловежской пуще	1 л.	Нет с.1.
	29	Находка клада древних монет	1 л.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	30 и 31	Рецензия на гл. 3-4 дисс. Аспи-ранта Л.В. Алексеева "История Полоцкой земли по археологич. и историч. данным"	13 л. и 12 л.	02.03.1953 с.5-6 отсутствуют 11.02.1953
	32	Замечания по плану по истории для краеведч. музеев БССР	1 л.	01.08.1946
	33	Выписки из Маркса и Энгельса	23 л.	
	34	О трудах Сталина по языкознанию	1 л.	1951 г.
	35	Доклад об охране памятников истории	18 л. рук.	Черновик
Дело 84. Вырезки из газет	1	Вырезки из газет, 2 пригласит. билета на заседания АН БССР	35 л.	
Дело 85. Рисунки	1	Рисунки К.М. Поликарповича (1903-1957 гг.)	99 л.	карандаш, тушь
Дело 86. Карточки	1	Карточки с выписками	258 л.	
	2	Фото с похорон И.М. Хозерова,	1 л.	1947 г.
Дело 87. Переписка К.М. Поликарповича с коллегами и краеведами.	1	А.Н.Рогачев (2), И.И. Артеменко (7) М.Алексеюк (3), О.А. Митрофанов (4), Г.Ф.Дебец (1), В.Петров (2), В.Р.Тарасенко (4), В.С.Доктуровский(8), О.А. Мельниковская (3), Л.В.Алексеев (1), Л.Д. Поболь (1) INQYA (25)	161 л.	1934-1962.
Дело 88. Картоoteca плейстоценовой фауны БССР	1	Картоoteca находок плейстоценовой фауны на территории БССР до 1930 г. (составитель К.М. Поликарпович)	67 л.	
Дело 89. Переписка	1	Переписка с Е.А.Калитиной (Смоленск)	93 л. (вкл.фото)	1935-1940 гг.
Дело 90. Отчеты К.М. Поликарповича	1	Черновик отчета 1928-1929 гг. для Ин-та белорусск. культуры	5 л. рук., склеены	
	2	План работ Секции археологии ИИ АН БССР	1 л. рук.	на 1938 год
	3	План поездки в Киев и др.	2 л. рук. Об.	1927 г.
	4	Отчет за 4 квартал 1937 года.	1 л. рук. Об.	
	5	Отчет за 1933 г.	1 л. рук. Об.	
	6	Отчет секции археологии Ин-та Истории БелАН за 1936 г.	16 л. рук об.	соавт. с А.Н. Лявданским
	7	Отчет за 1 квартал 1934 г.	3 л. рук.	
	8	Отчет за 1940 год.	1 л.	
	9.	Отчет за 1 квартал 1938 г.	1 л.	
	10	Отчет за 2 квартал 1938 г.	1 л.	
	11	Отчет за 2 квартал 1939 г.	1 л.	
	12	Отчет за 1 квартал 1939 г.	1 л. рук. Об.	
	13	Отчет за 1 полугодие 1945 г.	1 л. об.	
	14	Отчет за 1 полугодие 1940 г.	1 л. об.	
	15	Отчет за 1927-1928 академический год.	2 л.об.+1 л.рук.	
	16	Отчет за 3 квартал 1939 г.	1 л.	
	17	Отчет за 1926 год.	2 л.рук.об.	
	18	Отчет за 1936 год.	3 л.	
	19	Отчет археологической комиссии Инбекульга	12 л.	1928 г
	20	Отчет археологической комиссии Инбекульга	13 л. рук., рис.	1926 г.
	21	Отчет за 3 квартал 1938 г.	1 л.	
	22	О разрушении Рогволодова камня и Борисова камня при строительстве шоссе	2 л.	11.10.1938
	23	Отчет о работах в БССР и Курской области	5 л.	08.12.1938
	24	План работы на 1946 год	1 л.	(черновик)
	25	Отчет за 1945 г.	1 л.	Нет л.1.
	26	Отчет в ГАИМК о работе в составе Северо-Кавказской экспедиции Совгеолразведки	9 л.	18.01.1933

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	27	Отчет о работе, проведенной К.М. Поликарповичем, сотрудником Северо-Кавказской экспедиции Совгеоразведки	17 л.	10.01.1933
	28	Отчет в ГАИМК о разведках в Шаблыкино	6 л., поврежд.	25.06.1936
	29	Отчет в ИИМК о разведках на р. Вабля	4 л.	18.12.1937
	30	Отчет за 1 квартал 1937 года.	1 л.	14.04.1937
	31	План работы на 1943 г.	1 л. рук.об.	
	32	История культуры. План-проспект	1 л.рук.об.	
	33	Отчет за 1 полугодие 1944 г.	1 л.рук.об.	
	34	План работы на 2 полугодие 1944 г.	1 л.рук.об.	
	35	Отчет за 2-е полугодие 1944 г.	1 л.рук.об.	
	36	План работы на 1945 год	1л.рук.об.	
	37	Рабочая программа на 2 полугодие 1944 г.	1 л.рук.об.	
Дело 91. Материалы по раскопкам в Бердыже в 1930-х гг.	1	Списки участников экспедиции 1939 г.	7 л. рук.	
	2	Отношение БГУ о направлении студентов на практику в Бердыж	1 л.	
	3.	Телеграмма от Дубровского	2 л.	
	4	Расписки	2 л.	
	5.	Карточки	33 л.	в конверте
	6	Списки находок, переданных в музей	7 л.	
	7.	Проект резолюции по докладу	1 л.	
Дело 92. Переписка	1	Переписка с родными и друзьями	52 л.	
Дело 93. Елисеевичи	1	Рукописи по стоянке Елисеевичи	195 л.	Фр-ты рукописей
Дело 94. Юдиново	1.	Фрагменты рукописи по стоянке Юдиново	91 л.	Фр-ты рукописи
Дело 95. Рукописи статей И.М.Хозерова и В.И. Голубовича	1	Новейшие исследования памятников Полоцкого зодчества раннефеодальной эпохи (И.М.Хозеров)	12 л.	
	2	Гродно в раннефеодальную эпоху (В.И.Голубович)	6 л.	
Дело 96. Юдиново	1	К.М.Поликарпович Юдиновская стоянка верхнего палеолита	111 л.	с.1-99 и 12 л. доп.
Дело 97. Сектор Археологии	1	Материалы Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР (финансовые документы)	34 л.	1947-1949 гг.
Дело 98. Отдел археологии	1.	Материалы отдела археологии Ин-та Истории АН БССР	78 л.	1954 г.
Дело 99. Отдел археологии	1	Материалы отдела археологии Ин-та Истории АН БССР	86 л.	1952 г.
Дело 100. Отдел археологи	1	Материалы отдела археологии Ин-та Истории АН БССР	90 л.	1955-1959 гг.
Дело 101. Разведки 1928 г.	1	Рукопись К.М. Поликарповича по Сожским разведкам 1928 г.	263 л.рук. + тетрадь 16 л.	текст, зарисовки, планы
Дело 102. Вырезки	1	Вырезки из газет разных лет и журнал "Беларусь" 1947 г.	58 л. + журнал	преимущественно 1957 г.
Дело 103. Рукописи К.М. Поликарповича	1	Рецензия на статью М.Н. Смирнова "Географическое введение в историю БССР"	7 л.	09.10.1944 (раздел 1 Истории БССР)
	2	Белоруссия. Физико- географический очерк. Первобытнообщинный строй.	26 л.	1947 (пометка - полный экземпляр)
	3	Белоруссия. Физико- географический очерк	29 л.	27.02.1946
	4	Белоруссия. Физико-географ. очерк. Компиляция Ф.Т. Константинова	8 л.	использ. 2/3 текста Поликарповича
	5	Белоруссия. Физико- географический очерк	23 л.	28.02.1948

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
	6	Отзыв на плановую работу А.Г. Митрофанова "К истории племен средней Белоруссии в эпоху раннего железного века"	15 л.	
	7	Археологические исследования в БССР в 1954г.	10 л.	
	8	Раскопки древнего Минска	6 л.	
	9	Минщина в древности	6 л.	
	10	Зубр (историческая справка); О возможности изображения зубра на эмблеме Минского автомобильного завода;	8 л. (счет, сопроводительное письмо)	
	11	Выписка из книги В.П. Тарановича "Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г.	1 л.	Тр.Инст. Ист. Науки и техники, сер.1, вып.5, 1935
	12	Список научных работ К.М. Поликарповича	8 л.	
	13	Древнейшие культуры Клетнянского и Новозыбковского уездов	1 л.	Фр-т рукописи
	14	Аннотация к плановой работе "Бронзовый век Белоруссии, Брянской обл. и Смоленщины"	1 л.	
	15	Дополнительный список работ К.М. Поликарповича 1946-54	5 л.	
Дело 104. Открытые листы	1-21	Открытые листы на имя К.М. Поликарповича и заявки	21 л.	
Дело 105. Материалы к биографии К.М. Поликарповича	1	Материалы по А.М. Бекаревич	6 л.	в конверте
	2	Адресная справка	1 л.	
	3	Процедурная карта	1 л.	
	4	Расписки	2 л.	
	5	Справки об отпусках	4 л.	
	6	Справки с места работы	11 л.	
	7	Командировочные удост.	18 л.	
	8	Членские книжки	14 л.	
	9	Почтовые квитанции	12 л.	
	10	Страховое свидетельство	1 л.	
	11	Сберегательная книжка	1 шт.	
	12	Документы по радиоточке	2 л.	
	13	Пригласительные билеты	7 л.	
	14	Читательский билет	3 л.	
	15	Пропуск в Гос. Ист. Музей	1 л.	
	16	Отзыв о работе К.М.	14 л.	
	17	Автобиография	2 л.об.	
	18	Титульный лист курсовой работы студента В.Н. Казакова «Материалы к научной биографии К.М. Поликарповича»	1 л.	1969 (Белорусский госуниверситет)
	19	Копия свидетельства о браке К.М. Поликарповича и М.К. Шевцовой	1 л.	
	20	Копия свидетельства о смерти К.М. Поликарповича	1 л.	
	21	Справка из собеса для М.К. Поликарпович (Шевцовой)	1 л.	1972
Дело 106. Сектор археологии	1	Материалы Сектора Археологии Ин-та Истории АН БССР	59 л.	
Дело 107. Сектор археологии	1	Планы и отчеты Сектора Археологии Ин-та Ист. АН БССР	106 л.	(1950-е гг.)
Дело108.Биография	1	Личное дело К.М. Поликарповича (в папке)	25 л.	1959 г.

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
Дело 109. Елисеевичи	1	Материалы сверки коллекций стоянки Елисеевичи	36 л. + 49 л. в конверте	№ колл. Кунсткамеры
Дело 110. Дневники К.М. Поликарповича	1	1941-1942 гг. и прочитанное	56 л., рук.об.	зап. книжка
	2	1944 г.	49 л., рук.об.	зап. книжка
	3	10.10.1944-12.03.45 гг. 2 билета в театр	44 л., рук.об. + 2 л.	Записная книжка
	4	9.08.1945-18.01.1946 гг.	42л., рук.об.,	зап. книжка
	5	12.05-21.09.1945	68 л.,:35пуст.	зап. книжка
	6	1957-1958 гг.	24 л., 14пуст.	зап. унижка
	7	различные записи	5 л.об.	Зап. Книжка
	8	Полевой дневник за 1931 г. (Юровичи)	18 л., рук.карандаш	Тетрадь
Дело.111. Публикации К.М. Поликарповича в газетах и оттиски	1-18	Вырезки из газет со статьями	18 л.	
	19	Проект словника Белорусской сов. энциклопедии	книга 107 с.	вып. VIII, 1935
	20	"Происхождение человека"	1 л., сложен	Плакат
	21	Проект Словника по археологии для 2-го изд. БСЭ	20 с. Книга	ок. 1950 г.
	22	Неолитическая стоянка около болота Печенеж	2 экз. по 8 л.	1927 г.
	23	Физико-географический очерк Белоруссии	из книги, с.5-16	1946
	24	Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі	Весці АН БССР сер. Гістарычная с.5-18.	Минск, 1947
25	Оттиск из 2 вып. Прац Хроник)	с.503-522	1930	
Дело 112. Переписка	1	Письма Э.М. Загорюльского (1), Пех (1), племянницы Наташи (1), И.М.Громова(1), И.Иоффе (1), В.Д.Будько (4 л.), квитанции, расписки (9), телеграммы Л.Д.Побоя(2), сестры Зины (1), К. Шустера (на 3 л.), Шевцовых (1), К.М. друзьям брата Петра (черновик, 1л.), Ф.С. Зайцева, В.Е.Рыбакова, Мироненкова(?) (краеведч.характера 3), К.М.-Каргеру (на 2 л.), К.М.-Рогачеву (3 л.).	34 л.	1914, 1956-1960 гг.
	2	заявление в дирекцию Ин-та Истории АН БССР о предстоящих раскопках	1 л., рук., карандаш	1960 г. черновик
	3	Пригласительные билеты на юбилей Н.М. Никольского (директор Ин-та Ист. АН БССР)	2 л.	
Дело 113 Документы по истории села Самотеевичи	1	Докладная священника Самотеевского прихода	1 л., рук.	1791 г.
	2	Листы из календаря с записями о. Иакова Рышкова	13 л., рук.	1850-е гг.
	3	Письма на польском языке	2 л., рук., об.	1732г и XIXв
	4	Список письма 1732 г. рукой К.М.	3 л.рук., об.	XX в.
	5	Ордер на земли церкви в Самотеевичах	1 л. Рук. Об.	1824 г.,
Дело 114 Фото и негативы	1	Фотоотпечатки	70 экз.	разные годы
	2	Негативы пленочные	25 экз.	После войны
Дело 115. К.М. Поликарпович К вопросу о Томском мамонте	1	Черновик статьи "К вопросу о томском мамонте"	39 л.	
	2	Выверенный текст статьи "К вопросу о Томском мамонте"	19 л.	
	3	Тез. док. о Томском мамонте"	1 л.	
	4.	Текст доклада	20 л.	
	5	выписки из отчета Н.Ф. Кащенко	19 л.	

История. Общество. Политика. 2018 №4(8)

папка	№	Документ	к-во листов	Примечание
Дело 116. Раскопки в Гамково	1	Полевые дневники. чертежи, фото, переписка, документы	Всего 43 л.	
Дело 117-119. Бронзовый век	1	Материалы по бронзовому веку Белоруссии и сопредельных территорий.	266 л.	
Дело 120 Фото	1	Фотографии	39 л.	

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru